МОЛИТВА
О ДАРОВАНИИ МОЛИТВЫ ИИСУСОВОЙ

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Имени Твоему поклоняются Ангели и человеки. Твоего Имени трепещут адские силы. Твое Имя – верных оружие на прогнание супостата. Твое Имя попаляет грехи и страсти. Твое Имя подает силу в подвигах, собирает воедино рассеянный ум и во исполнение заповедей Твоих обогащает добродетелями. Твое Имя творит чудеса и соединяет нас с Тобою, дарует нам мир и радость о Духе Святе, в жизни же будущей – Царствие Небесное.

Сего ради аз, недостойный раб Твой, молюся Тебе: отжени от нас неведение духовное, просвети познанием Божественной истины и научи нас незаблудно, во смирении и внимательно, с чувством сокрушения, устами, умом и сердцем... творити непрестанно молитву сию: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго».

Ты бо рекл еси, Господи, пречистыми устами Своими: «Аще чесо просите во Имя Мое, Аз сотворю» [Ин. 14, 14]. Се молитвами Пречистыя Матере Твоея и преподобных отец наших, о Имени Твоем прошу молитвы Пресвятаго Всемогущего Имени Твоего. Услыши мя, обещавший услышати всех призывающих Тя во истине. Твое бо есть, еже миловати и спасати, и даровати молитву молящемуся во славу Твою со Отцем и Святым Духом. Аминь.

Митрополит Мануил (Лемешевский)

только для чтения

Самарская митрополия Русской Православной Церкви

Духовный Собеседникъ

2014 №2(70)

Председатель
редакционного совета

Высокопреосвященнейший Сергий,
митрополит Самарский и Сызранский

Редакционный совет:

Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Димитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексий Богородцев
Диакон Алексий Подмарицын
Д.В. Сивиркин
Е.П. Бельчикова
Ю.В. Изъятский

Над номером работали:
Мария Винникова – редактор
Елена Кузнецова – редактор
Анна Коваленко – корректор
Евгений Азимов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Почтовый адрес: 443110, г. Самара, а/я 12892.
Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-75-12.
Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф
Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

Содержание

Молитва ко Господу 1

Святительское слово
Митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий (Радович)
«Человек – носитель вечной жизни» 4

Глаголы жизни
Из келейных записей преподобного Серафима Саровского
Поучения святых отцов о молитве Иисусовой 6

В свете истины
Алексей Величко
Русский папизм: взлет и падение 14

Исповедание веры
Алексей Подмарицын
Живой, сострадающий, пламенеющий 46
Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Живи так, чтобы всем было хорошо»
Из дневника святителя (1947 год) 46

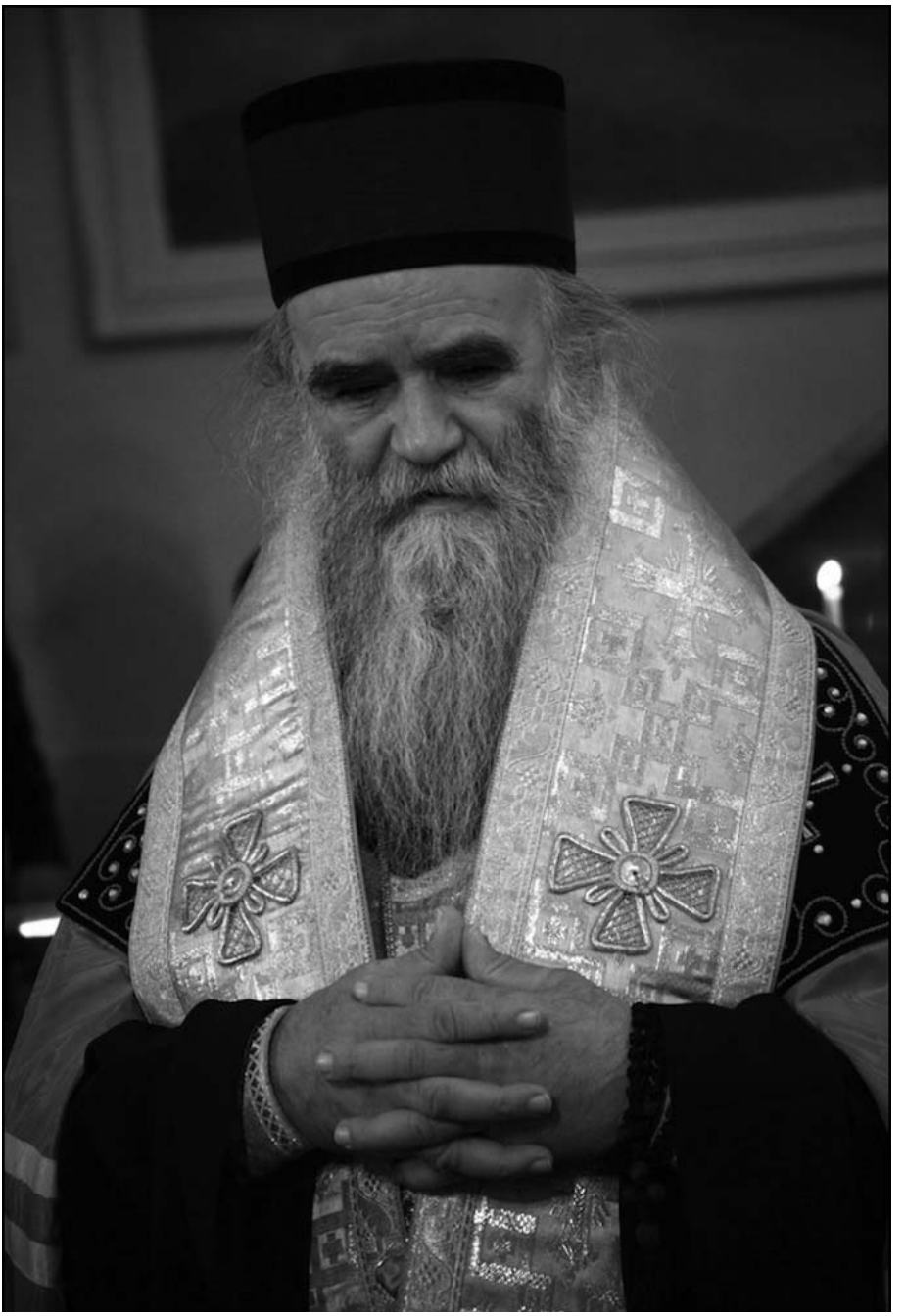
Трибуна русской мысли
Леонид Решетников
Слом русского национального кода в 1917 году 56

Изограф
Владимир Кидишевич
«Благовестие в красках» 82

Память сердца
Наталья Гладышева
Уголок России в Парагвае 88

Час ученичества
Виктор Тростников
Уроки истории в школе и не только 96

Пою Богу моему
Алексей Смоленцев
«Береженый хлебушек любви» 110



Митрополит Амфилохий (Радович)

«ЧЕЛОВЕК – НОСИТЕЛЬ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ»

Православная Церковь – это Церковь святого евхаристического общения. Христос Своими Телом и Кровью, Которыми мы причащаемся на литургии, присутствует среди нас и в нас силой Духа Святого. Именно в литургии Христос является и открывается как жертвенная любовь и вечное человеколюбие, именно на литургии мы учимся у Него изо дня в день «сами себя и весь живот свой Христу Богу» предавать, принимая от Него Самого эту любовь как единственный путь жизни, жизни в бесконечном взаимном боголюбии и человеколюбии. Православный христианин не может жить одной жизнью в Церкви, а другой вне ее. Вся его жизнь, всякое его дело призваны к воцерковлению, освящению духом литургии.

Церковь как евхаристическая община утоляет жажду современного человека, – а молодого особенно, – жажду истинного общения и единения. В Церкви открывается и даруется великая тайна самоотверженной чистой любви как высшая тайна жизни. Весь смысл нашей жизни и делания должен быть заключен в воспитании такой самоотверженной любви, она не приходит сама собой, она приобретается непрестанным трудом – личным и соборным, постом, молитвой. Вот призвание, достойное человека. Оно открывает человеческому бытию вечные и бесконечные горизонты, оно было и остается призывом к людям, особенно молодым, еще не искалеченным мелочными, суетными целями, еще открытым и восприимчивым ко всему, что целостно, вечно и совершенно. Православие зиждется на целостном и вечном, оно зовет к совершенному и бесконечному. В этом заключено его всечеловеческое спасительное значение и единственный свет надежды на будущее мира и человека.

ИЗ КЕЛЕЙНЫХ ЗАПИСЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

ПОУЧЕНИЯ СВЯТЫХ ОТЦОВ О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Внимание (так называет блаженный Никифор умную молитву) одни из святых отцов называли хранением ума, другие блюдением сердца, иные трезвением, иные – умным безмолвием или покоем, иные – иначе. Все сии названия означают одно и то же. Разумей сие подобно тому, как если бы о хлебе кто сказал: укрух[1], ломоть, кусок. Что же есть внимание, и какие свойства его, разумей тщательно. Внимание есть признак истинного покаяния, внимание есть воззвание души к себе самой, ненавидение мира и восхождение к Богу. Внимание есть отвержение греха и восприятие добродетели. Внимание есть несомнительное доказательство отпущения грехов. Внимание есть начало созерцания, или, лучше, его условие. Ибо через оное, преклоняясь, Бог является уму. Внимание есть безмолвное состояние ума, или, лучше, неизменность сего состояния, милостью Божиею душе дарованная. Внимание есть низложение помыслов, святилище памятования о Боге и сокровищница терпения в напастях. Внимание есть источник веры, надежды и любви (Прп. Никифор уединенник. О трезвении и хранении сердца).

Внимание и молитва, на всякий день соединяемые вместе, подобно огненной колеснице Илии, на высоту небесную возносят того, кто в них пребывает. И что я говорю? Само чистое сердце человека, преуспевающего в трезвении или старающегося преуспеть в оном, соделывается небом духовным, имеющим свое солнце, луну и звезды, и бывает вместилищем невместимого Бога через таинственное созерцание и восхождение ума к Нему. Итак, кто имеет любовь к Божественной добродетели, тот должен стараться во всякое мгновение произносить имя Господа и с усердием исполнять слова Его (Прп. Филофей Синайский. Сорок глав о трезвении. Гл. 27).

Трезвение есть художество духовное, и, если человек проходит оное долговременно и усердно, то с помощью Божией совершенно избавляется от страстных помыслов и слов и от дел лукавых. Оно дарует такому человеку твердое разумение непостижимого Бога, сколько постигнуть Его возможно, и объяснение таин Божественных и сокровенных; исполняет всякую заповедь Ветхого и Нового Завета и подает всякое благо будущего века. Оно есть, собственно, чистота сердца, которая по величеству и доброте своей или, вернее сказать, по нашему невниманию и нерадению, ныне в монахах весьма оскудевает, но которую Христос ублажает, говоря: блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8). Будучи таково, оно и покупается дорого. Трезвение,

Продолжение. Начало в «ДС» № 1(69) за 2014 г.

[1] Укруг, укрух (*церк.-слав.*) – кусок хлеба, ломоть (Мф. 14, 20).

пребывая в человеке постоянно, наставляет его к правому и Богоугодному житию. Оно есть и восхождение к умосозерцанию и научает нас три части души (мыслительную, вожделевательную и раздражительную) право править и твердо хранить чувства, – и в приобщившемся ему ежедневно возращает четыре главных добродетели: мудрость, справедливость, воздержание и мужество. Великий законодатель Моисей, наиболее же Дух Святой, показывая непорочность, чистоту, всеобъемлющесть и высокотворность сей добродетели, и научая, как должно начинать ее и совершать, говорит: *внемли себе: да не будет слово тайно в сердцы твоем беззакония* (Втор. 15, 9). Тайным словом называется при этом одно мысленное представление чего-нибудь злого, ненавидимого Богом, – что отцы называют также прилогом, наводимым на сердце от диавола, за которым, как скоро является он уму, тотчас устремляются наши мысли и страстно с ним разглагольствуют.

Прп. Серафим Саровский. Прижизненный портрет

Трезвение есть прохождение всякой добродетели и заповеди Божией. Оно называется и сердечным безмолвием. Оно же есть хранение ума в совершенной немечтательности содержимого.

Внимание есть непрестанное сердечное, хранимое от всякого помысла безмолвие, в котором душа единым Иисусом Христом и Богом всегда непрерывно и непрестанно дышит и Его призывает; мужественно с Ним ополчается на врагов; Ему, имеющему власть отпускать грехи, исповедуется; часто тайным призыванием объемлет Христа, Единого ведающего сердца; от человеков же таковая душа старается скрывать сладость оного (безмолвия) и внутренний подвиг, чтобы лукавый, подкравшись, не ввел в нее порока и не разрушил доброго ее делания.

Состав морей – множество вод. Так, полноту и силу трезвения, воздержания, глубокого безмолвия душевного, бездну созерцаний дивных и неизреченных, разумного смирения, правоты и любви составляет крайнее трезвение и молитва к Иисусу без помыслов и притом постоянная, сокрушенная, но без уныния (см.: Лк. 18, 1).

Подвизающийся внутренне каждое мгновение должен иметь следующие четыре вещи: смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву.

Смирение, – поелику сопротивники его и брани суть гордые демоны, – дабы Христову помощь удержать рукою сердца, ибо Господь ненавидит гордых.

Внимание, – чтобы не попускать сердцу иметь никакого помысла, хотя бы он и добрым казался. Противоречие, – дабы, как скоро уразумеет, кто пришел, тотчас со гневом отразить лукавого, как сказано: *и отвещаю поношающим ми слово* (Пс. 118, 42); *не Богу ли повинется душа моя* (61, 1)? Молитву, – дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу с воздыханием неизглаголанным. И тогда сей подвижник увидит врага своего гонимого поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром или как дым, исчезающий с мечтанием своим.

Неопытным полезно знать и то, что врагов бестелесных и невидимых, зложелательных и искусных в причинении зла, скорых и легких и опытных в брани, которую они ведут от Адама доныне, мы, грубые, и телом, и умом к земле поникшие, не иным средством победить можем, как токмо непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Итак, для неопытных сими средствами да будут молитва к Иисусу Христу и тщательное испытывание и познавание добра; а для искусившихся лучшее средство и учитель есть упражнение, опытность и вкушение добра (Прп. Исихий Иерусалимский. О трезвении и молитве. Гл. 1, 2, 3, 5, 10, 20 и 42).

В сем из великих великом делании многие, если не все, успевают преимущественно через наставление. Ибо редки те, которые без наставления, усилием собственного упражнения и теплотою веры получили сие от Бога. И потому надлежит искать наставника незаблудного, чтобы по его указанию научиться распознавать встречающееся при внимании одесную и ошуюю, то есть недостатки и излишества, приходящие от лукавого, чтобы он учил и руководствовал нас, открывая нам искушения, которые претерпел сам, и таким образом, несомненно, показывал нам сей мысленный путь, и мы бы удобно проходили оным. Если нет такого наставника, должно искать его не жалея трудов. А если не находишь, то, призвав Бога с сокрушением и слезами и поклонясь Ему с признанием своей бедности, поступи так, как я скажу тебе.

Знаешь ты, что дыхание есть вдох и выдох воздуха. Вдыхаем же его в себя не для иного чего, как для сердца; а оно есть начало жизни и теплоты телесной. Итак, сердце привлекает воздух, чтобы, через выдох вон испустить свою теплоту, а в себя принять благорастворение. Причина, действующая в сем случае или, лучше, служитель, есть легкое, которое, будучи создано от Бога редким, как мех, без труда вводит и изводит окружающий воздух. Таким образом, дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, ты, седши в кельи своей безмолвно и собрав ум свой, введи его в путь дыхания, которым воздух входит в сердце, и повлеки его, и понудь вместе со вдыхаемым воздухом сойти в сердце и там остаться. Сначала ему там будет не весело и не радостно; но как некий муж, отлучившийся из дома своего, не знает, когда возвратится, что и делать от радости, так как привелось ему опять увидеться с детьми и женою, так и ум, когда соединится с душою, исполняется несказанной сла-

дости и веселия. Итак, брате, приучай ум нескоро выходить из сердца; ибо сначала не нравится ему сжатие и теснота внутренности, но, когда привыкнет, тогда уже не любит носиться вне: Царствие бо Божие внутрь нас есть, которое ум, там рассматривая и с чистою молитвою ища его, все внешнее почитает скверным и отвратительным. Надобно же тебе и это знать, что когда ум твой утвердится в сердце, тогда он не должен оставаться в молчании и бездействии, но иметь непрестанным делом и занятием сию молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! И никогда сего не прекращать. Ибо сие, удерживая ум от парения, делает его неприкосновенным и неприступным для нападений врага и день ото дня вводит его в любовь и желание Бога. Так говорит блаженный сей отец (Никифор), имея в намерении, научить ум, посредством сего естественного художества, от обычного своего блуждания, плена и рассеяния возвратиться ко вниманию себе и таким образом соединиться с молитвою, потом сойти в сердце с сею самою молитвою, и всегда в нем пребывать.

«Инок, – говорит великий Златоуст, – ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем или другое что делает, – должен непрестанно взывать: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! да имя Господа Иисуса, сходя в глубь сердца, смирит змия, владеющего его пажитями, душу же спасет и оживотворит. Итак, непрестанно пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и оба будут воедино... Не отлучайте от Бога сердца вашего, но будьте тверды и храните его с непрестанным памятованием о Господе нашем Иисусе Христе, доколе водрузится в сердце имя Господне и оно ни о чем ином помышлять не будет, да возвеличится в вас Христос». И Лествичник пишет: «Память об Иисусе да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь ты пользу безмолвия. И св. Исихий: «если поистине хочешь облечь помыслы стыдом, благодушно безмолвствовать и трезвиться сердцем беструдно, – Иисусова молитва да прильнет к дыханию твоему, – и в немного дней увидишь это на деле».

К предложенным нами свидетельствам великих св. отцов о том, как надлежит нам, сходя вместе с дыханием внутрь сердца, о Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божием, и о Его святом и спасительном имени молиться, поучаться и трезвиться, и от Него искать себе милости, – прилагается и то, чтобы непрестанно, особенно же в уставленное время молитвы, сидеть, – желающему трезвиться умом в сердце, наипаче новоначальному, – в безмолвном и несветлом углу, как тайноводствуют и заповедуют опытно узнавшие сие всеблаженнейшее делание божественные отцы и учители, потому что видение и зрение очей естественно бывает причиною того, что мысль развлекается и рассеивается от зримого и видимого. Когда же она будет затворена, как сказано, в безмолвной и темной храмине, тогда перестает парить и развлекаться зримыми и видимыми предметами. Таким образом и ум, пусть нехотя, успокаивается мало-помалу и собирается в себя, как говорит Василий Великий: «ум, нерасточаемый внешним и не отвлекаемый чувствами на мир, к себе

возвращается. Но прежде сего и даже прежде всего вообще, ум совершает таковой подвиг содействием божественной благодати, посредством единомысленного, сердечного, чистого и непарительного с верою призывания Господа нашего Иисуса Христа, а не одним простым естественным приемом схождения в сердце путем дыхания или сидения в спокойном и темном месте. Нет.

Это изобретено божественными отцами не для чего иного, как только ради того, что это содействует собиранию мысли и возвращению ума к себе самому от обычного парения и сосредоточения внимания, как сказали мы выше.

От сего рождается и то, что ум начинает молиться непрестанно, чисто и непарительно, как говорит св. Нил: «внимание, ищущее молитвы, обрящет молитву; ибо за вниманием следует молитва, которой должно более всего стараться». Ты же, чадо, *хотяй живот, любяй дни видети благи* и жить в теле подобно бестелесному, под таковым живи правилом и уставом (Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим. Гл. 19, 21, 22, 23 и 24).

В заутрии сей, – говорит Соломон, – *семя твое,* то есть семя молитвы, *и в вечер да не оставляет рука твоя* (Еккл. 11, 6), дабы в промежутки времени молитва не опустила того часа, когда была бы услышана: *яко не веси,* – продолжает Соломон, – *кое произыдет сие или оно* (там же). Итак, с утра низведи ум из главы в сердце и держи его в нем, и болезненно преклонившись с великим трудом персей и рамен и выи, непрестанно взывай умно и душевно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Потом, по причине стеснения и болезненности и, может быть, усталости от частого повторения (впрочем, это происходит не от частого вкушения одной и той же снеди Триименного): *ибо ядущии Мя,* – сказано, – *еще взалчут* (Сир. 24, 23), переводя ум в другую половину, говори: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! И многократно произнося ту и другую половину попеременно, не должно по лености часто переменять оные, ибо не укореняются дерева, часто пересаждаемые. Удерживай же и дыхание легкого, чтобы не дышать свободно; ибо дохновение воздуха, от сердца восходящее, помрачает ум и рассеивает мысль, а затем, останавливая ум, или как пленника предает самозабвению, или неприметно заставляет мыслить о чем-нибудь другом, о чем не следует. Впрочем, если и увидишь нечистоты лукавых духов, то есть возникающие или сменяющиеся помыслы в уме твоем, не убойся; если и добрые представления каких-либо вещей являются тебе, не внимай им, но, сдерживая дыхание, сколько возможно тебе, и ум заключая в сердце, и часто и непрестанно повторяя призывание Господа Иисуса, скоро сокрушишь и истребишь бесов, невидимо поражая их Божественным именем. Ибо Лествичник говорит: Иисусовым именем бий ратники, несть бо против них крепчайша оружия ни на небеси, ни на земли (Прп. Григорий Синаит. О молитве и безмолвии. Гл. 2).

Сидеть должно иногда на стульце для труда, а иногда отдать немного времени для отдохновения на постели. Сидение же твое должно быть с терпением, по слову сказавшего: *в молитве терпите* (Кол. 4, 2), и не скоро вставать

по малодушию от тяжкого труда и умного взывания и частого водружения ума. Ибо вот говорит пророк: *объяша мя болезни аки раждающия* (Иерем. 8, 21); но поникши долу и ум собирая в сердце, если сердце твое отверзется, призывай в помощь Господа Иисуса; боля же раменами и много болезнуя главою, терпи сие с трудом и рачением, ищи в сердце Господа, *ибо Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Терпение и ожидание во всяком деле соединены с болезнями телесными и душевными.

Отцы так учили: один говорит: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, другой – половину: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя – что удобнее по немощи ума, еще младенствующего, ибо никто не может назвать Господа Иисуса тайно без Духа, а (может сделать сие) только Духом Святым, чисто и ясно, немотствуя подобно младенцу и не имея силы произносить сие членораздельно. Не должен же и часто переменять призывания имен по лености, но медленно, удержания ради. Другие говорят, что молитву сию должно произносить устами, а иные учат говорить ее умом. Я говорю и то и другое, ибо иногда изнемогает ум от усталости, а иногда уста. И потому молиться должно обоими, – и устами и умом, впрочем взывать должно спокойно и без всякого возмущения, чтобы голосом вопиющим с чувством, не останавливать внимания ума, пока молящийся не привыкнет к деланию и не получит от Духа силы молиться крепко и всяко. Тогда он не имеет нужды говорить устами, да и не может, – довольствуясь делать дело совершенно одним умом (Прп. Григорий Синаит. О молитве и безмолвии. Гл. 6, 7).

По захождении солнца, призвав в помощь всеблагого и всесильного Господа Иисуса Христа, сядь на стульце в келии безмолвной и несветлой и, собрав ум от внешнего обычного парения и скитания, путем дыхания тихо сведи его внутрь сердца и держи молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! – вместе с дыханием совокупно совводя как бы и слова молитвы, как говорит святой Исихий: «с дыханием твоим соедини трезвение и имя Иисусово» (Прп. Исихий Иерусалимский. О трезвении и молитве. Гл. 189).

С молитвою же вместе помни суд и воздаяние за благие и злые дела, и от всей души считай себя грешнее всех человек... и потом представляй, как будешь мучиться вечно во аде, – и с которым из сих помышлений придет тебе умиление, плач и слезы, на том и останавливайся, доколе слезы не отойдут сами собою. Если же ты не сподобился еще сего дара слез, то подвигнись и со смиренною мыслью помолись, чтобы стяжать их; ибо ими очищаемся мы от скверн и страстей, и ими же делаемся причастниками благ и спасения, как говорит св. Лествичник: «Как огонь потребляет тростник, так чистые слезы – всякую скверну мысленную и видимую (Прп. Иоанн Лествичник. Сл. 7, гл. 31); и другой отец наставляет: «Желающий истребить злобу, плачем да истребляет; и желающий стяжать добродетели, да стяжавает их плачем. И если не имеешь умиления, то знай, что имеешь тщеславие, ибо оно не дает душе придти в умиление». Если же не придут слезы, то сиди, внимая сим помышлениям, и с молитвою, час один, потом встань и со вниманием пой малое

повечерие. Затем опять сядь и твори молитву, по силе твоей, чисто и непарительно, то есть без всякого о чем-либо попечения, без всякого помысла и мечтания, с великим трезвением, с полчаса. Потом, осенив знамением Честного и Животворящего Креста себя и одр свой, сядь на оный и помышляй о будущих наслаждениях и мучениях, о тленной прелести временного, также о внезапной смерти и о страшном истязании по кончине и еще прежде кончины, и, сколько возможно, воспомянув кратко о всех грехах твоих и усердно помолясь об отпущении их, отходи ко сну, держа молитву как сказано: строго испытав себя, как провел ты прошедший день, отходи ко сну, держа молитву, как сказано: памятование об Иисусе да спит с тобою. Усни часов на пять или шесть; впрочем, смотря по продолжительности ночи, спи умеренно.

Встав от сна и благословив Бога и опять призвав Его на твое заступление, начни главнейшее свое дело, то есть молиться чисто и без парения, и молись около часа; тогда ум бывает как-то особенно тих и безмятежен. Почему нам и заповедано приносить в жертву Богу первое и лучшее: первые мысли, сколько возможно, неуклонно возводить к Господу нашему Иисусу Христу в сердечной чистой молитве. Ибо св. Нил говорит: «Того молитва совершенна, кто все первые мысли свои, как зрелый плод, посвящает Богу (Прп. Нил Синайский. Слово о молитве. Гл. 126). После того пой полунощницу.

Если же ты еще не утвержден в совершенном безмолвии и потому не можешь делать так, как сказали мы, или почему-либо другому, что часто случается с начинающими таковое делание, а иной раз, хотя изредка, с преуспевшими в нем, но еще не достигшими совершенства; ибо только совершенные все могут о укрепляющем их Христе (ср. Флп. 4, 13), то, восстав от сна, сначала пой трезвенно, сколько можешь, полунощницу со всяким вниманием и разумением.

Потом сядь и молись в сердце, как показано, трезвенно и без парения, один час – лучше же, сколько даст тебе Податель благих. Лествичник говорит: «Ночью занимайся наиболее молитвою, а псалмопением менее; днем же делай по силам твоим».

Если же и при таком подвиге примечаешь в себе леность, уныние и смущение в уме от чего-нибудь, то встань и понудь себя к молитве, как знаешь; потом сядь и старайся молиться, как показано, заботясь всегда о том, чтобы с Чистым Богом беседовать чистою молитвою. После того встань и разумно пой шестопсалмие, пятидесятый псалом и канон, какой хочешь. Потом сядь и, с бодрым трезвением, искренно помолись полчаса; и опять встань и пой хвалитны, обычное славословие и первый час. Затем сотвори отпуст. Произносимое устами говори с таким повышением голоса, чтобы слышно было только ушам твоим, потому что плоды уст повелено нам приносить Богу, всею душою и всею мыслью благодаря человеколюбивого и попечительного о нас премудрого Бога нашего, по бесконечной Своей милости сподобившего нас невредимо прейти пучину прошедшей ночи и увидеть светлое поприще

настоящего дня, и также усердно прося, да дарует нам неволнуемо миновать мрачную и свирепую бурю бесов и страстей, и помилует нас.

Время от утра до обеда всего себя, по возможности, предав Богу и помолившись Ему сердцем сокрушенным и смиренным с просьбой помочь тебе, немощному, унылому и беспечному, проведи в молитве чистой, сердечной и непарительной, и в чтении. Назначенное тебе уставом из Псалтири, Апостола и Св. Евангелия читай стоя; так же поступай при молитвах к Господу нашему Иисусу Христу и Пресвятой Богородице; чтение других святых писаний совершай сидя. После того в свое время пой обычные часы, учителями Церкви премудро установленные, всею силою души избегая праздности, учительницы всякого зла, со всеми страстями и причинами их, хотя бы они казались малыми и безвредными.

После обеда, как прилично подвизающемуся, по слову Божественного Павла, *яко подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25), прочитай довольно из отеческих писаний, особенно о трезвении. Потом час один поспи, если дни велики; затем встав, займись рукоделием, держа и молитву. После того помолись, как указано; потом сядь и молись чисто и непарительно до вечера, и тогда пой обычную вечерню, и сотвори отпуст, от чистого сердца веруя, что по труду и попечению о добродетели и по мере делания нашего подает нам Бог дары и почести и извещение и утешение, как говорит Божественный Псалмопевец: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19). И Сам Спаситель: *приидите ко Мне вси труждающиися и обременении, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28); и Павел великий: понеже с Ним [Христом] страждем, да и с Ним прославимся. *Непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8,17,18). (Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Наставление безмолвствующим. Гл. 25, 26, 27, 37).

Продолжение следует.

РУССКИЙ ПАПИЗМ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

«Признание за Православной Церковью свойства государственной Церкви, а за представителями ее качеств публичной власти не могло не возбудить вопроса о том, какое существует отношение между этими двумя властями. При возможности двоевластия вопрос этот должен бы решиться в пользу подчинения духовной власти светской, или наоборот. Но прежде чем наша история пришла к окончательному решению этого вопроса, она пережила ряд столкновений двух властей».

В. Сергеевич

История Православной Церкви есть, в первую очередь, история человеческого общества, в которой сакральное и спасительное неизменно сопряжено с греховным. Это не блестящая лубочная картинка с перечислением месяцеслова святых и их подвигов, это – история ежедневного падения и духовного воскресения человека, доверившего себя Божьей воле и борющегося с соблазнами. Тем эта история интересна и поучительна: знание ошибок, совершенных в прошлом,

---

А. М. Величко родился 22. 04. 1963г. в Таганроге. Проходил службу в рядах Вооруженных Сил. В 1990 г. окончил юридический факультет Ленинградского госуниверситета. В 1995 г. защитил диссертацию кандидата наук. С 1999 г. – профессор Санкт-Петербургского университета МВД России. В 2000 г. стал доктором наук. В 2009 г. А. М. Величко присвоено звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Сферу научных интересов А. М. Величко составляют проблемы соотношения правовых культур России и Запада. Ученым опубликовано более 40 научных работ, 8 монографий, 2 учебных пособия. Он обосновал новое перспективное научное направление – теорию политико-правового прогнозирования, возникшую на стыке общей теории государства и права, политологии, социологии и философии права. Впервые в исследовательской практике отечественной юридической науки А. М. Величко раскрыта структура государственно-правового идеала, выявлены и исследованы объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование модели государственной идеологии, оптимальной для современной России.

А. М. Величко – автор ряда работ по византологии и церковному праву.

является надежным средством избегать их впредь. Публикуемая статья данную цель и преследует.

Истоки русского папизма

Нередко утверждают, будто подчинение Церкви государству – самое прискорбное из того, что может ее ожидать. Но совершенно очевидно, что этот тезис справедлив лишь в отношении государств, не ставших христианскими, либо переставшими таковыми быть. Тогда, действительно, общество верующих людей, собранных в Церковь, подпадает в зависимость от руководимого политической властью остального общества, придерживающегося качественно иных религиозных и этических представлений. То есть речь идет об имеющем место богоборчестве – скрытом или явном, что, впрочем, существенного значения не имеет.

Но каким образом такое понятие может быть применено при оценке христианской государственности, когда, как это было в древние времена, верховная власть в государстве настойчиво требовала поддержания чистоты вероучения и обеспечивала защиту Церкви, а сама Церковь и по территории, включая население, и по протяженности границ отождествлялась с государством. В таких политических конструкциях, получивших позднее наименование «симфонии властей», при включении священноначалия в систему государственного управления подразумевалось, что епископат на практике налагает на государство и политическую власть церковный закон. Что «соль земли» не дает погибнуть всему остальному общественному телу. Это не только действенное миссионерство, это – настоящее воцерковление общества. Как следует из нашей истории, отдание Церковью себя под защиту и опеку христианского государя оказывало благотворное влияние непосредственно на нее и на государственную власть.

И напротив, когда священноначалие подчиняло себе эту власть, – а такой, к примеру, была вековая практика Римо-католической церкви, – дело оборачивалось разрушительными последствиями. Речь идет о папизме, виновнике изломанных судеб западноевропейских держав, а также Византии и России. Папизм возникает в то время, когда священноначалие, не удовлетворившись духовным мечом проповеди и обличения, берет в руки меч карающий и становится политической властью. Абсолютная концентрация всех видов публичной власти в руках священноначалия осуществима при обожествлении должности, занимаемой духовным лицом вкупе с его деятельностью, и когда Церковь отождествляется с духовенством, а понятие церковной полноты мирян и властей исключается. Таким образом за главой «малого стада», обладающего колоссальными публичными полномочиями, признается особое отличительное свойство – его объявляют непогрешимым (папу или патриарха).

В итоге папизм появляется там, где предстоятель Поместной Церкви желает единолично управлять ею, притязает на власть над другими Поместными

Церквами, стремится возвыситься над государственной властью и заявляет о праве на свой высший вероучительный авторитет[1].

Папизм разрушает Церковь изнутри, ломая ее духовное единство и зримо разделяя всех верующих во Христе, по латинскому обыкновению, на «овец» и «пастырей». Папизм существовал не только на Западе и был присущ не только Римо-католической церкви, как иногда печатают в школьных учебниках. В свое время папистские настроения были чрезвычайно распространены среди Александрийского клира и в Антиохийской Церкви. Даже Константинопольская кафедра, веками воевавшая с латинским папизмом, сама не смогла удержаться от желания признать высшие церковно-политические полномочия своего главы, что привело к чрезвычайно опасным и разрушительным последствиям на христианском Востоке. В силу некоторых исторических особенностей, о которых мы будем говорить далее, испытала на себе удушающую силу папизма и Русская Церковь, что было вызвано рядом объективных причин.

Вхождение Руси в сообщество христианских народов предопределило склонность к превосходству духовной власти над княжеской. С канонической точки зрения Киевская Русь являлась единой митрополией, подчинявшейся Константинопольскому патриарху. В то же время централизованной политической власти на первых порах христианизации в нашем Отечестве почти не существовало. Как следствие, практика отношений различных ветвей единой христианской власти, сформировавшаяся в Византии, наложилась на русские реалии, плохо сочетающиеся с ней[2].

Духовно правили на Руси Константинопольский патриарх и его ставленники – Киевский митрополит и епископы. Опасаясь, что Русская Церковь может стать автокефальной, Константинопольские архиереи неустанно заботились о том, чтобы на митрополичью кафедру назначался только их протеже. Византийский император имел гораздо меньшее влияние на русских князей, чем патриарх на духовенство и народ. Князья же упорно отстаивали автономию при любых посягательствах на их властные прерогативы, не были подотчетны Византийскому императору, но перед Киевским митрополитом и Константинопольским патриархом все же оказывались бессильными.

Помимо Константинополя заметную роль в укреплении власти Киевского митрополита и священноначалия сыграли, как ни удивительно, татары. Завоевав русские княжества, они, по заведенной еще Чингисханом традиции сохраняли религиозный индифферентизм, не посягая на свободу совести русских людей и права епископата. И вполне естественно, что, как отмечал один из авторитетных исследователей, вступая в отношения с завоевателями, наши митрополиты стали искать не ту власть, которой следует подчиняться, а другую, на которую можно опереться. Так проявили себя в свое время татары, и митрополит Кирилл (1242/47 – 1281) после разорения Киева отправился

[1] Асмус Валентин, протоиерей. Святитель Епифаний Кипрский //Журнал Московской Патриархии. 2003. №5. С. 71.

[2] *Суворов Н. С.* Курс церковного права. В 2 т. Ярославль, 1889. Т.1. С. 142, 143.

в Орду, чтобы испросить у хана жалованную грамоту, устанавливающую и защищающую права духовенства.

Благодаря этой грамоте русское духовенство не только обрело независимость от княжеской власти, но в некоторой степени даже смогло ограничить ее. Митрополиту и епископам было предоставлено право полного и окончательного суда над всеми без исключения церковными людьми. При этом ханы запретили чинить священноначалию какие-либо препятствия, объявили их имущество неприкосновенным, объявив нарушившим запрет смертную казнь. Епископальные крестьяне и ремесленники освобождались от податей и повинностей в пользу ханской казны. По жалобам митрополита хан казнил виновников, дозволял и самосуд, даже если обидчиками являлись ханские послы. Среди других милостей хана особо значилась та, согласно которой митрополит имел право привлекать к себе на службу людей не только церковных, но и любого подходящего человека. «Русское духовенство, – писал известный историк русского права И. Д. Беляев, – татарскими ханами было поставлено в исключительное положение перед всеми общественными классами на Руси, и быть в подчинении у Церкви или под ее покровительством было тогда, очевидно, завидной долей для русских людей».

Сами русские князья, желая получить от митрополита и епископата духовную и политическую помощь, старались следовать «татарскими» путями. Как правило, они отказывались от права суда в митрополичьих и епископских владениях, не требовали за них дани, освобождали епископских людей от торговых пошлин, даровали и многие другие льготы и привилегии[1].

Будучи под татарами на протяжении длительного времени, русское духовенство продолжало оставаться отдельным сословием, имевшим самые широкие гражданские права и многие имущественные льготы. А то обстоятельство, что митрополит и епископы каждый раз после хиротонии в Константинополе направлялись в Орду для подтверждения своих прав, лишь пополняло ханскими щедротами независимый от княжеской власти источник их полномочий. Но пути Господни неисповедимы: татарские ханы, сами того не ведая, сохраняли Русскую Церковь, ставшую основой для построения централизованного Московского государства, в будущем – виновника [!] их гибели[2].

Русские князья не желали признавать широких полномочий митрополита и прочего духовенства в управлении делами Церкви, – слишком натянутыми были отношения между обеими сторонами. Вместе с тем, отказавшись от византийского опыта и предшествующей отечественной практики «симфонического» взаимодействия, мало востребованные русские архиереи, пеклись о сохранении статуса высших судей при княжеских распрях, кичились превосходством своего духовного предназначения. Добавим, что почти все митрополиты на Руси той эпохи являлись этническими греками, прибывшими

[1] *Беляев И. Д.* История русского законодательства. Спб., 1999. С. 261 – 264
[2] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Вып. 2. Спб., 1896. Т. 2. С. 617.

в Киев или Москву из Константинополя. А если оценивать личные качества архипастырей, то далеко не всегда ими оказывались достойные личности. Но в таких – нуждалась сама Византия. Да и в далекую «варварскую» Московию направлялись главным образом те, кто не имел карьерных перспектив в своем государстве. Русская жизнь была им чужда и незнакома, и если ставленники Константинополя не имели заметного влияния на жизнь нашего Отечества, то происходило это не потому, что они встречали сопротивление со стороны политической власти, а лишь по той причине, что Россия оставалась им совершенной чужой. В повседневной практике пришельцы из Византии руководствовались прочно сложившейся восточной традицией, казавшейся им единственно верной и каноничной[1].

А в самой Византии в это время шли жаркие баталии между императорами и «византийскими папами» за право управления Восточной Церковью и самой Империей. Вновь и вновь назначаемые митрополиты везли с берегов Босфора на Север семена ложных и чрезвычайно опасных учений и в стремлении укреплять папистскую традицию отравляли ими русский епископат.

Современник князя Иоанна Даниловича Калиты (1325 – 1341) святитель Петр, митрополит Московский (1260 – 1326), опираясь на авторитет греческих текстов, утверждал, что после совершения Божественной литургии священник «царя честнее», и никто не может сидеть рядом с ним, а если кто и дерзнет, того проклянут Силы Небесные. Эту мысль развивал впоследствии митрополит Фотий (1408 – 1431), который в своем послании в Псков противопоставлял вечного Царя – «временному», земному владыке, и отсюда выводил первенство священства. Митрополит Даниил (1522 – 1539) сравнивал иноческий сан с золотом, а княжеский титул – с серебром, в духе папы Иннокентия III (1198 – 1216), уподоблявшего епископа Солнцу, а императора – Луне. А если говорить о положении русских князей, – то по сравнению с духовенством оно было беспомощным и несамостоятельным, не то что занимаемое в Восточной Церкви Византийским императором вместе с его окружением.

Как каноническую норму русские архиереи приняли от греков положение о том, что в свое время папа Римский не только имел право главенствовать в церковной иерархии и обладать высшими полномочиями, что действительно подтверждалось правилами и деяниями Вселенских Соборов, – но также имел преимущество над царской властью в силу «Константинова дара» – известной латинской фальшивки VIII века. Правда, сделав из этого нужный вывод, греческие паписты утверждали, что указанные прерогативы в силу 28 правила Халкидонского собора (451 год) после отпадения Римской Церкви от Вселенского Православия должны были быть предоставлены Константинопольскому патриарху. Но поскольку «Второй Рим» пал, и Константинопольская кафедра с 1453 года стала находиться под властью «неверных», то центральное место в иерархии должно принадлежать, по праву преемства,

[1] *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 52, 53.

предстоятелю Русской Церкви – так решили в Москве. Стало быть, Русский патриарх получает все те духовные дары и преимущества, какие ранее имели папа Римский и патриарх Константинопольский. Иными словами, он возвышается над Московским князем, затем царем, и в целом над политической властью, самолично становясь ее источником.

На Соборе 1503 года, где обсуждался вопрос о монастырском имуществе, этот документ был зачитан, и отношение к нему со стороны присутствующих оказалось благоговейным. Даже многие годы спустя святитель Макарий, митрополит Московский (†30 декабря), по искреннему заблуждению, с явным удовольствием цитировал царю Иоанну IV, Грозному (1533 – 1584)[1], то, что было принято на упомянутом Соборе.

В списке сторонников означенной идеи числится и патриарх Никон, о котором еще пойдет речь, и другие лица, взлетевшие на самый верх церковной иерархии. Об этом, в частности, писал еще в 1621 году архимандрит Киевского Печерского монастыря Захария Копыстенский в своем сочинении «Паланодии». Среди других упоминается Арсений Суханов, занимавший поочередно должности архидиакона патриарха Филарета (1619 – 1633) в 1633 – 1634 гг., келаря Троице-Сергиевой Лавры в 1655 – 1660 гг., затем посла на Востоке. Суханов открыто заявлял, что возглавлять Вселенскую Церковь призван Московский патриарх, как некогда папа Римский, а потому восточные патриархи по отношению к нему должны находиться в зависимом положении, причем, не в сане патриархов, а лишь митрополитов. Размышляя о состоянии дел в Восточной Церкви, Суханов также утверждал, что Александрийский патриарх является таковым лишь по чину: «Над кем будет патриарх? Только всего у него две церкви во всей его епархии, а не имеет под собой ни единого митрополита, и архиепископа, и епископа». Да и Константинопольский архиерей, по его мнению, находясь под игом турок, не может осуществлять свою власть во всей ее полноте[2]. Статус Суханова как посла позволяет с уверенностью говорить о том, что его отношение к патриаршей власти выражало и официальную позицию высших духовных инстанций[3].

Приведенный факт свидетельствует о слабости нашей религиозной культуры, поскольку к тому времени даже паписты на Западе пришли к выводу, что «Константинов дар» – явная подделка. Однако наши архиереи легковерно, не утруждая себя разобраться в сути вещей, находили приемлемым считать «документ» истинным. В 1653 году патриарх Никон (1652 – 1658) повелел включить «Константинов дар» в состав только что напечатанной «Кормчей» в качестве источника канонического права.

Называя причины возникновения русского папизма, вспомним о социальном положении нашего епископата: его представители становятся влиятельнейшими людьми своего времени. Дело в том, что с начала христианизации

[1] *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 500 – 502, 522.

[2] *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях //Каптерев Н.Ф. Сочинения. В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 75, 76

[3] *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 507.

нашего Отечества земледельческий тип хозяйства Русской Церкви складывался не по канонической догме, а по национальному принципу вотчинного права. Суть данного различия заключается в том, что Киевские, а затем Московские митрополиты имели на своих крестьян те же права, что и любой другой вотчинник, включая право вершить над ними суд.

В силу исторических обстоятельств, русский епископат без особых помех оказался в центре политической жизни, и в скором времени митрополиты завели собственный административный аппарат, в который вошли не только духовные лица, но и дети бояр. В качестве вознаграждения за службу Московскому митрополиту он наделял их частью своих земель в пожизненное владение – так же, как Московский царь одаривал своих служилых людей. Имущественные права священноначалия защищали не только татарские грамоты и вотчинная система, но и византийский принцип неотчуждаемости церковных земель согласно старинной канонической норме. Поэтому Московский митрополит, а затем патриарх смогли подняться на самый верх властной пирамиды и стали лицами, беспрецедентно имевшими бесконечно широкие как светские, так и духовные полномочия[1].

В течение длительного времени шел процесс сосредоточения громадных земельных, материальных и людских ресурсов в руках русского священноначалия. В частности, в конце XVII века за архиереями числилось 37 тысяч дворов и 440 тысяч крестьян. Если точнее, речь идет лишь о мужчинах, будущих «ревизских душах», не считая членов их семей[2]. Из них 8700 дворов с населением почти 27 тысяч мужского пола числилось непосредственно за патриархом, за четырьмя митрополичьими кафедрами было закреплено 12 тысяч дворов, и за остальными одиннадцатью – 16 тысяч крестьянских дворов. Доход патриарха составлял более 30 тысяч рублей в год, не считая натуральных продуктов[3]. Пашенные владения духовенства составляли 2 миллиона десятин земли, то есть 16 процентов всего земельного фонда[4].

Войдя в состав русской политической элиты, духовенство нередко утрачивало осознание границ своей власти, что было следствием чрезмерного богатства и политического могущества. Далеко не каждый человек, даже будучи облеченным высоким духовным саном, способен преодолевать соблазны и искушения изобилием и сытостью. Как отмечают исследователи, даже боярский гнет при всей своей неприглядности, уступал своеволию патриаршего окружения и архиерейских слуг. Вспомним хотя бы пройдоху патриаршего дьяка Ивана Кокошилова, который при Никоне так поставил себя, что любой священник, желавший подать челобитную предстоятелю Русской Церкви, был вынужден одаривать Кокошилова , его сыновей, жену, слуг[5]...

---

[1] *Ельяшевич В. Б.* История права поземельной собственности в России. В 2 т. Париж, 1948. Т. 1. С. 307, 321 – 323.

[2] *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. Минск, 2007. С.124.

[3] *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 300.

[4] *Балалыкин Д. А.* Проблемы «Священства» и «Царства» в России второй половины XVII в. в отечественной историографии (1917 – 2000). М., 2006. С.118.

[5] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 книгах. Книга VII. Т.13. М., 1991. С.118.

Сверх привилегированное положение русских архипастырей привело к появлению собственных, корпоративных правил общения. От деспотизма Никона страдали буквально все, не исключая архиереев. И все же епископат находил утешение в том, что никоновская формула «священство выше царства, а патриарх выше священства» давала очевидные выгоды. Жалуясь на нрав и методы действий своего предстоятеля, архипастыри, тем не менее, продолжали повторять их, когда властвовали в собственных владениях. Благодаря высшему покровительству в лице патриарха, архипастыри заявляли, что царскому суду не подлежат, а судить их может только сам патриарх. Поэтому Никон и его преемники не без основания рассчитывали на крепкую поддержку остального епископата в любом споре с царской властью, а все вместе являли собой громадную силу[1].

Но такие взаимовыгодные отношения царили лишь наверху, в среде священноначалия. Иначе обстояли дела в отношениях архиереев с приходскими священниками. Стремясь подражать великолепию патриаршего двора, епископы жестко притесняли рядовых иереев, выжимая из них последние соки. Не отличались и склонностью к соборному обсуждению церковных дел. Не случайно, в «Духовном Регламенте» Петра Великого (1682 – 1725) появился ряд весьма характерных правил. В частности, о необходимости «укротить оную весьма жестокую епископов славу», чтобы их не водили под руки, а подручная братия не приветствовала архиереев, падая в ноги. А также, чтобы «епископ не был дерзок и скор, но долготерпелив и разсудителен в употреблении власти своей»[2].

Разумеется, в административных вертикалях церковной власти ни о каком сердечном братстве говорить не приходилось. Были начальники, были подчиненные. Последние – безгласные и беспомощные приходские попы перед лицом своего абсолютно властного архиерея. «Никогда еще пропасть между иерархами и простыми священниками не была столь велика», – справедливо констатирует один из авторов. Не этим ли обстоятельством обусловлено то, что многие приходские священники встали в ряды раскольников?[3]

Нет сомнений в том, что такое «выдающееся» во всех отношениях положение русского епископата мало соотносилось с образом святого христианского пастыря, страдающего за веру православную и Русскую землю. Складывающийся строй отношений между политической властью и священноначалием создавал, в первую очередь, сложное положение для самой Церкви (если понимать под Церковью всю церковную полноту), а не только для государства.

Папизм становился рудиментом отходящей «национальной теократии» и тормозом во всем, включая имущественные отношения между священноначалием и государством. Правительство пыталось унифицировать правовые нормы, регулирующие порядок и условия землепользования, распространив

[1] *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович. М., 2006. С. 316.
[2] *Духовный Регламент* //Законодательство Петра I. М., 1997. С. 554.
[3] *Паскаль Пьер.* Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2011. С. 344.

их на всех собственников, а не только на мирян. Вполне объяснимо, что епископат, почувствовав угрозу своей власти, решительно выступил против этих попыток. Далеко не случайно именно на последние десятилетия допетровской эпохи приходятся самые яростные споры между правительством и архиереями в отношении церковного имущества. Причем, в лагере правительства победа торжествовала редко.

II. Патриарх Никон

Царь Алексей Михайлович. Хромолитография с оригинала XVII в. (ГИМ)

Никогда русский папизм не расцветал так пышно и не был столь обременителен для «Третьего Рима», как во времена своего приверженца и главного идеолога – Московского патриарха Никона. Помимо идейных предпочтений, отразившихся на образе мыслей и действиях патриарха, Никону и как личности были свойственны характерные специфические черты. Совершенно не стеснял себя Никон в средствах достижения целей, не обременял соборными формами обсуждения дел Церкви , считал необходимым для себя вмешиваться в вопросы государственного управления. Иными словами, узурпировал и церковную власть, и, отчасти, – царскую. Патриарх самолично, без чьего бы то ни было участия, назначал архиереев и архимандритов, менял принадлежность монастырей, принимая их под свой омофор к вящему неудовольствию местных епископов. К концу правления Никона область патриарших владений стала чрезвычайно обширной и включала 85 городов.

Единолично, словно царя и не существовало, Никон запретил иностранцам ношение русского платья, а москвичам – иностранного, исполнение музыкальных номеров на улицах Москвы, «смирял помалу» епископов и священников во время Литургии, бия их жезлом по рукам за малейшие оплошности. Челобитчики писали царю Алексею Михайловичу (1645 – 1676), что «управляет патриарх вместо Евангелия бердышами, вместо креста – топорами; татарам легче нас жить стало». В то же время патриарший дворец стал совершенно недоступным для приходского священства[1].

Не только рядовые попы, сами архиереи боялись его как огня и даже пытались тайно подать челобитную Алексею Михайловичу, но опасались преследований со стороны Никона. И было из-за чего: своих противников

патриарх безжалостно наказывал. Епископ Коломенский Павел за спор с Никоном на Соборе 1654 года был лишен кафедры и сослан в Новгородскую область, где сошел с ума и вскоре умер. Кстати, Коломенская епархия немедленно была включена Никоном в состав патриарших владений[1]. На время Никон единолично наложил вето на деятельность Симеона в качестве епископа Тобольского. Патриарх сам ревизовал церковные каноны, запретив, в частности, допускать к исповеди и Святым Дарам разбойников и убийц, надеясь таким образом запугать их[2].

Никон, Патриарх Московский и всея Руси. Портрет. XVIII в.

Это было осуществлением распиравших патриарха идей. Да, «Третьему Риму» восторжествовать, полагал Никон, но для этого он, как предстоятель Русской Церкви, не только должен быть признан высшей властью в государстве, но и занять положенное по статусу место во вселенской церковной иерархии. Остановимся на этом более детально.

Не имея глубокого образования, Никон, тем не менее, не чуждался богословия и, в первую очередь, осмысливал главный для себя вопрос – о соотношении царской и священнической властей. Скажем что, его мысли на этот счет оригинальными назвать нельзя, – они лишь слепки с латинских образцов. «Хочешь ли знать, – писал Никон боярину Стрешневу и Паисию Лигарду, – что священство почтеннее, и есть высшее достоинство, чем само царство? Если ты хочешь видеть, какое различие между священством и царем, то исследуй власти, которые даны каждому, и ты увидишь, что священство поставлено много выше царя. Царь получил власть управлять только земными вещами и не имеет никакой власти дальше этого. Но трон священства – на Небесах».

Легко обнаружить, что приведенные выше слова являют собой обычный пересказ сочинений наиболее плодовитых идеологов папизма из числа древних Римских епископов. Например, еще папа Геласий (492 – 496) пришел к выводу, что сосуществование Церкви и государства возможно

[1] *Князьков С. А.* Допетровская Русь. М., 2005. С. 213.

[2] *Макарий (Булгаков),* митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. В 7 т. М., 1996. Т. 7. С. 349, 350.

[3] *Доброклонский А. П.* Указ. соч. С. 331, 332.

исключительно в условиях дуализма властей. Ведь Христос, писал он, как истинный rex et pontifex (настоящий Царь и Священник), разделил власть между[1] королями и епископами. Эти мысли почти слово в слово повторял Никон. Желая подкрепить свои доводы, патриарх, ссылался на широко известную 6 новеллу императора св. Юстиниана Великого (527 – 565) и, коверкая его мысли, утверждал, будто по сакральной своей природе патриарх и царь есть «благочестивая Двоица».

Однако Никон был слишком властной натурой, чтобы оставаться верным своей же формуле в практической деятельности. Произнося заветное о «симфонии властей», он сразу оговаривался: хотя «Двоица» и представляет собой соединение равных членов, но у патриарха есть данное ему Богом право обличать царя, не имеющее аналога в царских прерогативах[2]. Из этого сам собой напрашивается вывод о том, что равенства у членов такой «Двоицы» нет и в помине. А существуют две власти: подчиненная (царская) и управляющая (патриаршая). Мало того, патриарх, по Никону, являлся для царя грозным и высшим начальством, проверяющим его действия и в случае необходимости мог их запретить[3].

И в этом патриарх тоже не стал первооткрывателем. Еще в XI веке знаменитый папа Римский Григорий VII Гильдебранд (1073 – 1085) уже приводил данную аргументацию: «Кто не знает следующих слов Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, которые читаются в Евангелии: “Ты – Петр, и на этом камне я созижду Мою Церковь, и врата адовы не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; все, что свяжешь ты на земле, будет связано и на Небе; все, что разрешишь на земле, будет разрешено и на Небе” [ср.: Мф. 16, 18 – 19]. Разве отсюда исключены короли? Разве короли не принадлежат к тем овцам, которых Господь поручил Петру?». Те же доводы, слово в слово, затем будет повторять и Никон[4].

Задача царя, как утверждал Никон, заключалась лишь в том, чтобы способствовать послушанию христиан согласно воле архиереев: «Если кто не повинуется епископу, царь того вынуждает к повиновению». Правда, он допускал, что и патриарх может заставить подданных духовными средствами повиноваться царю[5]. Однако в контексте «высоких» идей эта обязанность архиерея незаметно и легко превращалась в правомочие предстоятеля Русской Церкви повелевать христианами не только в стенах храма, но и далеко за его пределами.

На деле же никакого пиетета к царской власти Никон не испытывал. На июльском Соборе 1653 года в ответ на упрек в том, что патриарх действует,

---

[1] *Гергей Е.* История папства. М., 1996. С. 49.

[2] *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон, его государственные и канонические идеи. В 3 частях. Часть 2. Варшава, 1934. С. 73.

[3] *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2006. С. 308, 311.

[4] «*Послание* Гильдебранда к Герману, епископу Метца от 15 марта 1081 г.»//История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768 – 1096 гг.)/ под ред. М. М. Стасюлевича. СПб. – М., 2001. С. 586 – 591.

[5] *Зызыкин М. В.*Указ. соч. Часть 2. С. 53 – 55.

не спросясь царя, гневно ответил: «Очень мне нужны его советы, плевать мне на них!»[1].

В сравнении с патриаршим саном, был убежден Никон, блекнет все, не только царский титул. Он упорно развивал мысль, о том, что Московский патриарх есть образ Христов, а епископов сравнивал с апостолами, из чего следовал вывод, будто патриарх и епископы суть разные степени священства. А потому власть патриарха над архиереями носит столь же абсолютный характер, как над приходскими священниками и рядовыми мирянами[2].

Здесь следует обратить внимание на очевидную ошибку Никона, игнорировавшего различие между властью духовной, обладающей правами религиозного учения (potestas magisterii) и религиозного освящения (potestas ministerii), а также властью церковного управления (potestas jurisdictionis). Власть духовная действительно принадлежит священству, включающему в себя диаконство, пресвитерство, епископство. В духовном отношении патриарх является тем же епископом, что и любой другой архиерей (кроме викарного). И в противоречии с учением Никона патриарх как епископ в действительности не обладает особыми духовными дарами. Это лишь один из высших (иногда высший, а иногда и вовсе отсутствующий) органов церковного управления Поместной Церкви, появляющийся, когда в нем возникает необходимость. Патриаршество может быть введено, но может и упразднятся. Кроме того, патриархи разных Поместных Церквей имели и разную компетенцию как органы церковного управления, что подтвердил еще I Вселенский Собор 325 года, установив их иерархическое деление[3].

Таким образом, Церковь не может существовать без епископа, олицетворяющего апостольское преемство, но часто обходилась без патриарха как должностного лица. Церковная история тем и интересна, что в ней все возникает вследствие жизненной необходимости, а не согласно заранее составленным теориям. В Церкви все индивидуально, не повторяемо, все каким-то чудесным образом приноравливается к обстоятельствам времени и места, благополучно обустраиваясь силой Святого Духа.

Тем не менее, Никон оставался слеп в собственном заблуждении. И если «боголюбцы» и раскольники спасение видели в «бегстве в обряд», то Никон патриаршество считал альфой и омегой мироздания. Все это – далеко не теория. Каждым своим действием утверждая превосходство духовной власти над царской, Никон был чрезвычайно последователен и по-своему самобытен. Искренне полагая, что только при закреплении власти патриарха как высшей в государстве, Церковь может целенаправленно осуществлять свою миссию, оставаясь действительно свободной, и он принялся претворять эту идею в жизнь.

Никон приказал величать себя титулом «великий государь» (ранее к патриарху обращались как к «великому господину»), на что в действительности

[1] *Паскаль Пьер.* Указ. соч. С. 268 – 272.
[2] *Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по патрологии. Лекция № 2.
[1] *Павлов А. С.* Курс церковного права. СПб., 2002. С. 184, 185, 186.

имел право один лишь царь. И Никон как «великий государь» отдавал приказы воеводам, боярам, совершенно утратив понимание границ между своей властью и властью самодержца. Пока царь находился на театре военных действий, Россией фактически руководил Никон. Все указы того времени начинались словами: «От Великого государя, святейшего Никона, Патриарха Московского и всея Руси. Указал Государь, Царь и Великий князь Алексей Михайлович и мы, Великий государь» и далее по тексту. Или даже без упоминания царя: «От Великого государя святейшего Никона, патриарха Московского и всея Великая и Малая Руси» и т.д.[1]

При встречах царь подходил к патриарху под благословение и лобызал ему руку, а тот целовал государя в голову. В 1655 году, на приеме по поводу церковного праздника, Алексей Михайлович преподнес ему дорогие подарки, причем сам, своими руками – перенося их через всю залу и передавая Никону. Не удивительно, что заграничные гости из Сирии (Антиохийский патриарх Макарий и его племянник в качестве патриаршего секретаря) были поражены такими взаимоотношениями и беспрецедентным смирением царя перед патриархом[2].

Если бы Никон возжелал снискать себе духовной славы на ниве христианского просвещения, то без труда обнаружил достойные примеры. Киевский митрополит Петр Могила, все имущество, доставшееся ему по наследству от родителей, все свои доходы архиерея западных областей России отдал на развитие школ и образования среди неимущих слоев населения Украины. Увы, Никон являл собой иную личность. Обладая неограниченной властью и баснословными материальными средствами, он за все время своего патриаршества не построил ни одной школы, не создал ни одного духовного училища. Громадные деньги, текшие через его руки, Никон тратил исключительно на возвышение патриаршего сана, строительство многочисленных подчиненных ему монастырей и храмов, роскошные одежды, стоившие десятки тысяч рублей, приобретение митр и саккосов, украшение их драгоценными камнями, а также обширнейшие патриаршие застолья и т.п.[3]

Требуя, чтобы царь выделялся благочестием, незлобивостью, благородным образом жизни и богобоязненностью, патриарх Никон откровенно считал себя свободным от этого требования. Деяния самого Никона не отличали ни мягкость, ни незлобивость. Еще в качестве Новгородского митрополита он ломал посох о спины монахов, выпущенных из Соловков. А в другой раз по дороге в Антониев Сийский монастырь низложил под горячую руку архимандрита этой обители Феодосия – человека святого образа жизни, многие годы управлявшего братией[4].

---

[1] *Белов Е. А.* Русская история до реформы Петра Великого. Спб., 1895. С. 375.
[2] *Сергеевич В. И. Указ. соч.*. Т. 2. Вып.2. С. 570, 571.
[3] *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т.1. С. 224, 225.
[4] *Паскаль Пьер.* Протопоп Аввакум и начало раскола. С.268.

В считанные месяцы, после начала богослужебных реформ, все его бывшие товарищи и единомышленники из кружка «ревнителей боголюбия», боровшиеся за возрождение благочестия в Русской Церкви, были осуждены (причем практически все – ложно), биты, отправлены в ссылку и анафематствованы лично Никоном (не соборно). Разумеется, они не стали молчать, видя, как Никон расправляется с русской стариной. Но и патриарх не принадлежал к числу тех, «которые спокойно выслушивают от других разные обличения и назидания и относятся к ним спокойно и равнодушно»[1].

Топор патриаршего гнева сверкал и с завидным постоянством опускался на головы тех, кто не мирволил новым порядкам, включая, разумеется, вождей Раскола. А речь шла о далеко не простых лицах из числа клира – протопопах Аввакуме, Логгине, Иоанне Неронове, Ермиле, Даниле Костромском, архимандрите Сильвестрове, монахе Акакии. Пострадали даже Ростовский митрополит Иона и Костромской епископ Павел. Чуть позднее скорбный список пополнили другие противники никоновских новшеств: Вятский архиерей Александр, Костромской пустынник Ефрем Потемкин, старец Аврамий, чернец Иосиф Истомин, священник Лазарь Романов, дьякон Благовещенского собора Феодор, дьякон Успенского собора Василий Иванов, канонарх Иван Назарьев и иподьякон самого Никона Феодор Трофимов. Все они были учеными людьми, настоящими просветителями, но оказались судимыми и претерпели мучения.

В целом, почти все «боголюбцы», деятельно миссионерствовавшие на периферии, были смещены и отправлены в ссылку заодно с их многочисленными сторонниками из числа рядовых мирян, которых сотнями сажали в тюрьмы. Уцелел лишь один протопоп Стефан Вонифатьев, купивший свободу ценой немалых унижений[2].

Если бы эти поступки совершил какой-либо государь – Иоанн Васильевич (Грозный), Алексей Михайлович, Петр Великий или кто-нибудь другой, наверняка он подвергся бы обличению как гонитель Церкви. А патриарх? Его злодеяния почему-то оценивались не по степени их преступности, как должно быть, а как принято и нынче: лицеприятно, с оглядкой на то, кто их совершил...

III. Торжество папизма и его падение

Но настал, все же, момент, когда от Никона устали и царь – некогда его «собинный друг», и греческие патриархи, и русские архиереи. Оказавшись в изоляции, Никон решился на отчаянный шаг – демонстративно сложил с себя патриарший сан и удалился в монастырь. Правда, вскоре, распознав, что демарш не произвел должного впечатления ни на царя, ни на епископат, Никон объявил, что сохраняет патриаршество, однако просто не желает жить в Москве. Любые попытки царя Алексея Михайловича поставить на освободившуюся кафедру нового предстоятеля Русской Церкви Никон немедленно

[1] *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С.224, 225.
[2] *Знаменский П. В.* История Русской церкви. Париж – Москва, 2000. С. 277, 278.

Адриан, Патриарх Московский и всея Руси. Гравюра. XIX в. (ГИМ)

Иоаким, Патриарх Московский и всея Руси. Фототипия. XIX в. (ГИМ)

отвергал как неканоничные. Почти десять лет длилось такое двойственное положение. Наконец, на Соборе 1667 года в присутствии восточных патриархов Никон был лишен патриаршества, священства и сослан в монастырь. Поводов для этого было много, но архиереи, не желая очернять патриарший сан, ограничились, главным образом, обвинениями Никона в том, что он самовольно оставил кафедру, клеветал на царя, называя его «латиномудренником», и бесчестил восточных патриархов[1].

Казалось бы, после таких событий о русском папизме можно было бы забыть... Однако ничуть не бывало. «Русский епископат, – писал историк А. В. Карташев, – отрекшийся от Никона за его слишком "тяжелую руку", горой встал на защиту патриарших "заветов" и гордился своими "завоеваниями". Последующие русские патриархи Иоаким (1674 – 1690) и Адриан (1690 – 1700) не переставали повторять Никоновы речи о превосходстве власти священства над властью царства». Так, вступая на престол, в своем окружном послании Адриан буквально повторил все принципиальные тезисы Никона и заключил свою речь следующими словами: «...Не слушающие гласа моего архипастырского не нашего суть двора, не суть от моих овец, но козлища суть... Слушаяй бо меня – Христа слушает, а ометаяйся меня и не приемляй глагол моих, рекше Христа Бога отмещет и не слушает»[2].

И если вина Никона как идеолога папизма заключается в том, что он

[1] *Макарий (Булгаков)*, митрополит Московский и Коломенский.Указ. соч. Т. 7. С. 363.
[2] *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Православной Церкви. В 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 218, 335.

свел достоинство Церкви к высоте своего сана, то чем же отличается от него Иоаким, который на жалобу старообрядцев о том, что их жгут и пытают из-за различия крестного знамения и молитвы, отвечал так: «Мы за крест и за молитву не жжем и не пытаем, – жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются Святой Церкви, а креститесь, как хотите»[1]?

Никон, Иоаким и Адриан были далеко не в меньшинстве среди русского епископата. На уже упоминавшемся Соборе 1666 – 1667 годов между сошедшимися на него вышла размолвка из-за определения характера отношений между царем и патриархом. В письме, которое Алексей Михайлович получил от восточных патриархов до начала Собора, помимо всего прочего содержался ответ на этот весьма волновавший государя вопрос. Патриархи отвечали в том духе, что царская власть выше священства, что отвечает христианской государственности, возникшей и получившей развитие в Византии. Однако русские епископы во главе с митрополитом Павлом Крутицким и Рязанским епископом Иларионом таким ответом оскорбились, а потому на Соборе, пользуясь присутствием греков, потребовали от них ревизии высказанного ранее. На деле, русские архиереи считали одинаково неприемлемым для себя как патриаршее вмешательство в их деятельность, так и царское управление делами Церкви, а потому грудью встали на защиту собственных прав. Не желая обострять ситуацию, греки ответили в духе полюбившейся Никону «Двоицы», что-де каждая власть первенствует в своей области, то есть свои прежние письма отозвали[2].

Даже из приведенных примеров становится ясно, что русский папизм представляет собой гораздо более распространенное явление, чем фигура Никона, то есть в чреде русских папистов он является всего лишь одной из персон.

Патриарх Никон, форсировавший Раскол, и царь Алексей Михайлович, нередко вынужденный идти на поводу у событий, в данном случае фигуры – не более чем случайные. Подобное могло произойти и при другой «Двоице»: царе Феодоре Алексеевиче (1676 – 1682) и патриархе Иоакиме. «Государство разлагалось оттого, что, потрясенное Смутой, приняло направление, диаметрально противоположное направлению, указанному Иоаннами, особенно Иоанном IV. Последний не допускал вмешательства духовенства в дела государства. При Алексее Михайловиче, наоборот, власть духовенства достигла высшей степени во вред не только государству, но и Церкви»[3].

К началу времени царствования Петра Алексеевича русский папизм достиг такого уровня развития, что в «Духовном Регламенте» император открыто сравнивал состояние дел в Русской Церкви с кануном падения Константинополя в 1453 году, причиной которого являлась, по его мнению, папистская позиция священноначалия Восточной Церкви и Рима, подорвавшая Византийское государство[4].

Петр был далек от преувеличения. Многие исследователи отмечают, что под влиянием католических веяний в Русской Церкви образовалась когорта

[1] *Соловьев В. С.* Несколько слов в защиту Петра Великого //Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1989 Т.1. С .423.
[2] *Князьков С . А.* Указ. соч. М., 2005. С. 214.
[3] *Белов Е. А.* Указ. соч. С. 412.
[4] *Духовный* Регламент. С. 545.

священства, явно враждебная государственному началу, а потому не могло не появиться противодействие со стороны верховной власти, и это было лишь вопросом времени[1].

Разменяв Никона на свои «вольности», русские архиереи последовательно закрепляли свой успех. В 1675 году патриарх Иоаким созвал Собор, на котором объявил об упразднении Монастырского приказа, как было предписано раньше – еще актами Собора 1667 года. В полном согласии с остальными архипастырями Иоаким отстаивал идею об экономической и политической независимости священноначалия и сохранении удельного вотчинного землепользования. Понятно, что вопрос о налогообложении церковных земель для них вообще не стоял – и это в период сменяющих одну за другой войн, неурожаев, восстаний и мятежа раскольников! Несомненно, представители священноначалия всеми силами отстаивали идеи Никона, которые тот продолжал проповедовать, когда над ним вершился соборный суд в 1667 году[2].

Неподатливым оказался и Костромской архиепископ Иосиф. Однажды он пришел в ярость из-за того, что вследствие войны с Польшей за владение церковным имуществом стали требовать уплаты налога, как и за имеющиеся земельные наделы. Впавший по этой причине в ярость епископ открыто бранил и государя, и патриарха. Своих крестьян и слуг архиерей смирял плетьми, сажал на цепь, морил голодом. А когда его предупредили, что осведомят царя о таких «подвигах», Иосиф отвечал: «Не боюсь я никого, ни царя, ни патриарха, ни воевод!».

И все же исторические факты, убеждают, что наложения государственной руки на церковное имущество в действительности не было. Архиерейские дворы испытали нас себе только лишение права беспошлинной торговли и промыслов. Изымались и некоторые денежные средства для оплаты жалованья ратным людям и лечения раненых, но с твердой оговоркой благочестивого царя, что все деньги будут монастырям и епархиям возвращены[3]. Увы, попытки государя умерить властные настроения епископата оказывались, как правило, безрезультатными. Так, на Соборе 1682 года, при царе Феодоре Алексеевиче, провалилась реформа, направленная на расширение числа епархий до 72 (вместо имеющихся одиннадцати) и создание митрополичьих округов, как это повсеместно было не только в Византии, но и повсюду на Востоке. Епископы, не готовые «самоупразднить в своем вельможном достоинстве», дали согласие на открытие лишь четырех новых епархий, весьма сомнительно аргументировав свою позицию тезисом, будто «не желают появления в архиерейском чине распрей и превозношений». На деле же их не устраивали перспектива раздробления своих громадных владений и подрыв материального могущества духовных правителей. В результате к началу царствования Петра Алексеевича во всей России, от Киева до Амура, насчитывалось всего 23 кафедры: 1 патриаршая, 13 митрополичьих, 7 архиепископских и 2 епископских[4].

---

[1] *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович//Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1996. С. 218.

[2] *Карташев А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 239, 240.

[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18 книгах. Книга VII. Т.13. С. 119, 122.

[4] *Карташев А. В.*Указ. соч. Т. 2. С. 242, 243.2 Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович//Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1996. С. 218.

В документах 1686 и 1687 годов, то есть после всех запретов на приобретение монастырями и епархиями земель, приводятся данные о числе церковных, архиерейских и монастырских крестьян, которых насчитывалось 18 тысяч человек мужского пола, что составляло 13 процентов от общего числа крестьян-мужчин (888 тысяч человек). Из них более 20 тысяч было приписано к архиерейским дворам. «От государственного организма, так сложившегося, –отмечал историк, – несправедливо было бы ждать желательного роста политического, экономического, гражданского и нравственного»[2].

Раскол между священноначалием и царем, с одной стороны, народом и иерархами, с другой, – факт прискорбный. Не «Русь соборная» досталась Петру Великому, а растерзанная войнами и внутренними неурядицами Россия. Такое положение не могло быть следствием лишь субъективных причин и вмешательства отдельных лиц. В целом проблема заключалась в том, что внутренний строй Московского государства, организация власти и взаимоотношения между царем и священноначалием имели показной характер. Рано или поздно это должно было проявиться и обернуться негативными последствиями.

Как видим, исторический путь России как бы сам собой предопределил последующее изменение структуры отношений, но не между Церковью и государством, а священноначалием и царской властью. И это не могло не коснуться русского патриаршества.

«Вера в "Великую Россию", – справедливо заметил историк Николай Устрялов – есть, прежде всего, вера в Русское государство. Иначе говоря, "великою" Россия может быть лишь в качестве государства»[3]. И русские люди без рассуждений, глубинным чувством, осознали, что именно является главным, а что – второстепенным. Никон мог лишь мечтать о главной роли в архиерейской иерархии, а Русскому царю – наследнику Римских кесарей, Византийских императоров, защитнику веры, правды и справедливости, рачителю «общего блага» никакой альтернативы в мире не существовало. Он был единственным государем, на ком держалась Вселенская Православная Церковь, частью которой являлась и Русская Церковь. На фоне вселенского исторического процесса, где Москва была далеко не последней, русский папизм выглядел плодом засохшего дерева, способным не напитать, а отравить любого, кто решит таким плодом насытиться. Поэтому, упразднение патриаршества, ставшего под эгидой русских папистов параллельным органом власти, претендовавшим на исключительные прерогативы и включение в сферу государственного управления Святейшего Синода, было исторически неизбежным.

Труды Петра Великого могут быть по достоинству оценены лишь при рассмотрении характерных особенностей Московского царства в конце XVII века.

Низвержение папизма с его пьедестала, возвращение Церкви и государства к древним «симфоничным» типам отношений стало главным политическим достижением царя-преобразователя Петра I, не случайно получившего впоследствии титул «Великий» от благодарных потомков.

---

[2] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. В 5 т. М., 1908. Т.3. С. 299, 300.

[3] *Устрялов Н. В.* К вопросу о русском империализме//Устрялов Н.В. Избранные труды. М., 2010. С. 35.

ЖИВОЙ, СОСТРАДАЮЩИЙ, ПЛАМЕНЕЮЩИЙ

Краткое жизнеописание митрополита Куйбышевского и Сызранского Мануила (Лемешевского)

Митрополит Мануил (в миру Виктор Викторович Лемешевский) родился 18 апреля 1884 года в дворянской семье. Он был третьим ребенком из девяти детей четы Лемешевских. Мать будущего владыки, Вера Ивановна (1855 –1924), была дочерью литератора Ивана Дементьевича Гарусова. Отец, Виктор Густавович (1849 – 1918), происходил из дворянского рода, документально засвидетельствованного с 1564 года. Его предки-родоначальники проживали в с. Лемешевичи одноименной волости Пинского уезда Минской губернии (территория современной Беларуси).

Будущий Владыка родился в г. Луге (тогдашней Санкт-Петербургской губернии). Вера Ивановна была учительницей и занимала должность начальницы местной женской прогимназии. Виктор Густавович служил податным инспектором по ведомству Министерства финансов. В семье Лемешевских жила София Гарусова, бабушка Виктора, открывшая внуку силу молитвы. Семья была глубоко религиозной, и религиозность эта была совершенно естественной, неподдельной. Виктор на конкретных примерах видел помощь Божию в трудных житейских обстоятельствах (избавление в 1888 года отца от клеветы по службе, грозившей финансовым крахом всей семье, чудесное исцеление бабушки в 1894 году, чудесное исцеление брата Павла от гнойного воспаления кишечника в 1909 году и иные). Известно, что он неоднократно обращался за помощью к святому праведному Иоанну Кронштадтскому лично при его жизни и по смерти (†1908), и прошения его никогда не оставались втуне.

В 1890 году семья переехала в Либаву (ныне Лиепайя, Латвия), где Виктор получил среднее образование в классической гимназии. Юношу интересовала как светская, так и духовная литература, здесь продолжилось его становление как христианина. Незабываемой оказалась встреча с будущим исповедником Российским, епископом Рижским Агафангелом (Преображенским)[1].

Подмарицын Алексей Геннадьевич – к. и. н., доцент кафедры Церковной истории СамДС, диакон, клирик Спасо-Вознесенского собора г. Самары.

[1] Самарский епархиальный архив. Ф.1. Оп. 1.11. Д. 293. Л. 1 – 3.

[1] Агафангел (Преображенский) (1854 – 1928) – священномученик, канонизирован на Архиерейском Соборе РПЦ 2000 г. С 4. 10. 1897 г. епископ Рижский и Митавский, с 6. 05. 1904 г. – архиепископ. С 22. 12. 1913 г. –архиепископ Ярославский и Ростовский, с 1917 г. – митрополит. † 16. 10. 1928 г.

Семья Лемешевских; слева направо: Виктор, Николай, Вера, Владимир, мать, Георгий, отец, Андрей, Мария, Павел

Образование было продолжено на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Столица подхлестнула главнейшее увлечение молодого человека – он большую часть времени и средств тратит на поиск и приобретение книг. Ему сравнительно легко давались языки, и он с радостью принимается за изучение новых, необходимых для чтения произведений в оригинальном виде. Он основал в университете библиографический кружок, где состоял секретарем и библиотекарем до 1909 года, одновременно трудился в Славянском отделении Академии Наук библиографом. С 1906 по 1916 год состоял членом Русского Библиографического Общества. События 1905 – 1906 годов были памятны для него гибелью старшего брата Георгия в битве при Цусиме (†15 мая 1905 г.), студенческими забастовками и периодическими закрытиями университета.

Петербургский период жизни Виктора Лемешевского стал для него приготовлением к служению Церкви. После кончины св. прав. Иоанна Кронштадтского он находит духовных наставников. Поворотным событием в его судьбе стала болезнь родного брата Павла, курсанта Кронштадтского морского училища. Операция на воспаленном кишечнике была уже невозможна, начался перитонит, врачи констатировали наступавшую смерть. В скорбные минуты Виктор дал обет принять монашество, если брат выживет. Виктор помазал умиравшего маслом из лампады от Иоанна Кронштадтского, обратившись в молитве к кронштадтскому праведнику. Девять врачей 21 августа 1909 года засвидетельствовали чудо его выздоровления.

После окончания университета в апреле 1910 года Виктор тайно от родных уехал в выбранную им Николо-Столпенскую обитель в Тверских

пределах. После прохождения послушничества 2 июня 1911 года он был пострижен в монашество с именем Мануил – Божие определение [евр.], а 11 декабря хиротонисан во иеродиакона. В июне 1912 года он был послан Святейшим Синодом проповедовать в Киргизскую духовную миссию, где трудился до июля 1916 года. Там же он был рукоположен в иеромонахи 16 сентября по ст. ст. 1912 года.

Седьмого марта 1915 года на австрийском фронте погиб его брат Николай.

В августе 1916 года иеромонах Мануил был зачислен студентом I курса Петроградской Духовной академии. Два года, до разгона в августе 1918 года большевиками академии, продолжалось его обучение. Несмотря на тяготы военного времени, революцию и террор, молодому ученому удавалось не только учиться, но и активно заниматься библиографией книжных изданий (до 18 000 наименований), каталогизацией по иконографии иконы «Знамение» Божией Матери (около 2000 наименований). Его семестровое сочинение «Учреждение сербского патриаршества в XIV веке» предполагалось перевести на сербский язык и издать в Белграде, чему помешали события февраля 1917 года.

В августе 1918 года, когда стало невозможным продолжать обучение, иеромонах Мануил поступил в Муромский Успенский монастырь Олонецкой епархии и находился там до его закрытия в январе 1919 года. Здесь он получил весть о смерти отца 10 декабря, принесенного умирать домой из советской тюрьмы. Иеромонах Мануил сам совершил сорокоуст по родителю и был удостоен посмертного явления отца, поблагодарившего сына за молитву. Возвратившись в Петроград, ученый монах проходил служение в церквах города, одновременно обучался на Высших библиотечных курсах. Завершал обучение в нелегально продолжавшей существовать академии – профессора принимали зачеты, экзамены и сочинения от студентов частным образом у себя на квартирах. Среди них можно вспомнить замечательного русского историка-востоковеда Бориса Александровича Тураева (†1920), академика АН, делегата Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов по квоте от высших учебных заведений России. Отец Мануил готовил кандидатское сочинение «Иконография “Знамения” Божией Матери».

А еще была суровая действительность: массовые расстрелы большевиками населения бывшей столицы, усиливающийся голод, безработица. И в этой действительности жили не только молодой иеромонах, но и его прихожане. Несмотря на запрещение декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 года заниматься благотворительностью, при Спасском приходе существовала столовая для бедных, чье устройство благословил еще св. Иоанн Кронштадтский. Настоятель отец Мануил не обременял общину – он трудился в библиотеках и часть своего жалованья употреблял на бедных.

Мануил, епископ Серпуховский. 1928 г.

В 1922 году в Петрограде, как и в Москве, при поддержке советской власти появился обновленческий раскол. За отказ участвовать в самочинном расколе Мануил 16 июня был арестован и пребывал в советской тюрьме до осени 1922 года. Он дважды отвергал предложение обновленцев перейти на их сторону. В марте 1923 года храм на Спасской был закрыт.

Иеромонах Мануил 8 сентября 1923 года был возведен епископом Феодором в Даниловом монастыре в сан архимандрита. А 23 сентября 1923 года Святейший Патриарх Тихон в сослужении с архиепископом Верейским Иларионом (Троицким) и другими архиереями совершил хиротонию архимандрита Мануила во епископа Лужского[1], викария Петроградской епархии.

К моменту приезда епископа Мануила в Петроград там из 123 приходов 115 были в обновленчестве. Через 125 дней, благодаря деятельности епископа Мануила, их осталось 32. Во время очередной террористической большевистской кампании после смерти Ленина епископ Мануил был арестован 2 февраля 1924 года, в октябре осужден по статье 58, пункт 10 (контрреволюционная деятельность) на три года и сослан в соловецкую тюрьму. Был также осужден и его брат Андрей, который умер в ссылке. Владыка Мануил провел в ссылке три с половиной года. За это время им было написано более четырех десятков работ церковно-исторического, канонического и литургического характера. Часть из них погибла, часть дошла до нашего времени.

После возвращения из ссылки епископ Мануил был определен на Серпуховскую кафедру викарием Московской епархии. В начале 1930 года, с началом очередной волны атеистического нигилизма, вскоре провозглашенной «безбожной пятилеткой», владыка был почислен за штат (уволен от управления епархией) с правом служения в московской церкви Воскресения Христова в Кадашах. Здесь же он и поселился в колокольне храма. 20 декабря 1933 года епископ был арестован, осужден по той же 58 статье и сослан в Мариинск Новосибирской области. Начался непрерывный одиннадцатилетний срок ссылок и скитаний, когда задерживаться долго на одном месте не приходилось. После

[1] Луга - родной город владыки Мануила.

освобождения весной 1936 года святитель жил за пределами 100-километровой зоны: в Орлове-Розове, Дорохове, Фирсановке, ст. Завидове. Очередная «командировка в северные страны» не принесла здоровья почти что пятидесятилетнему человеку. Чтобы выжить, ему приходилось заниматься литературными работами для справочников (словарь сокращений, комментарии к переписке толстовцев). В день своего рождения в 1939 году он был арестован по обвинению в тайной связи с германской и другими контрразведками, осужден Мосгорсудом и выслан в Канск. В 1944 году, в преддверии Поместного Собора Русской Православной Церкви, епископ Мануил был освобожден. Большую скорбь Владыке принесло известие о том, что вся его работа по справочникам (до 9000 карточек) и библиотека погибли.

После заключения святитель помогал св. архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому), бывшему в то время на Тамбовской кафедре, а потом его назначили на Чкаловскую кафедру.

Здесь ему пришлось столкнуться с самозваным «архиепископом» Серафимом, что вызвало проверку Московской Патриархии летом 1946 года (см. соответствующий документ). Здесь Владыка познакомился с двумя людьми, которые впоследствии стали неотъемлемой частью его земной судьбы: юношей Иваном Матвеевичем Снычевым, его келейником, а годы спустя архиепископом Самарским и Сызранским и, наконец, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, а также Андреем Андреевичем Савиным, иподиаконом, секретарем Оренбургских и Самарских архиереев в 1945 – 1993 гг.

В 1946 году преосвященный был возведен в сан архиепископа. В 1947 году, когда по всей России запрещались крестные ходы, в провинциальном Чкалове случилось невозможное – прошел крестный ход вне церковной ограды. В течение двух недель верующие прошли от Чкалова до села Табынск (райцентр Башкирской АССР) и обратно с Табынским образом Божией Матери. В 1948 году, несмотря на прямые запрещения властей, верующие опять пошли крестным ходом и были задержаны в Октябрьском районе Чкаловской области. Четвертого сентября 1948 года архиепископ Мануил был арестован, а 16 апреля следующего года осужден сроком на десять лет по той же 58-й статье. Интересно, что все обвинения со стороны Советской власти в отношении владыки Мануила она же сама впоследствии признала ложными. Тем не менее, свое 70-летие святитель встретил в Потемских лагерях Мордовии. После освобождения в 1955 году его назначили архиепископом Чебоксарским и Чувашским. Все было как и прежде: богослужения, неопустительно совершавшиеся по воскресным и праздничным дням, прием посетителей, благотворительность, а также работа, невидимая для людей внешних. Восстановление библиотеки, работа над огромной картотекой русских архиереев за 1000 лет (более 2500 персоналий, около 20000 карточек), «Топографией архиерейских кафедр», «Альбомом русских архиереев», составлением «Чина архиерейского отпевания».

В 1960 году владыка был назначен на освободившуюся Куйбышевскую кафедру. «Началась новая и последняя страница его жизни, наполненная и

Мануил, архиепископ Куйбышевский и Сызранский. 1960 г.

радостями, и скорбями»[1]. Особенно много тревог доставляли почти ежедневные новости из Ульяновской области, которая вошла в состав Куйбышевской епархии незадолго до прибытия архиепископа Мануила: произвол местных властей, безнаказанность беззаконника уполномоченного по Ульяновской области Кошмана и его преемника Агафонова, закрывших там за несколько лет 60% православных приходов и сокративших вдвое число православного духовенства. Осенью 1961 года чебоксарские налоговики задним числом предъявили владыке платежное извещение на суммы, которые в свое время были перечислены через Госбанк в Чебоксарское епархиальное управление на общецерковные нужды. Волокита тянулась почти восемь месяцев, преосвященного оклеветали в чувашской республиканской молодежной газете «Молодой коммунист» (13 октября 1961 года). Двадцать пятого февраля 1962 года, на 78 году жизни, преосвященный Мануил был возведен в сан митрополита. Он стал первым митрополитом Куйбышевской (Самарской) кафедры.

С 8 августа 1962 года куйбышевский уполномоченный В. Корчагин при поддержке областных властей организовал комсомольско-милицейские пикеты у храмов, препятствовавшие входу в храм родителей с детьми, младенцами и подростками. Митрополиту Мануилу потребовалось прибегнуть к помощи Патриарха Алексия I, чтобы он поставил вопрос перед высшими государственными инстанциями о недопустимости подобных фактов с тем, чтобы кордоны у куйбышевских храмов были ликвидированы.

С ноября 1965 года владыка Мануил находился на покое, епархией управлял викарный епископ Сызранский Иоанн (Снычев, †1995). Старец-митрополит практически до конца своей жизни не оставлял трудов на ниве церковной истории. В начале 1967 года он окончил написание магистерского труда «Русские православные иерархи периода 1893-1965 годов».

Владыки не стало 12 августа 1968 года на 85-м году жизни. До конца его жизни тянулся к нему поток верующих и, несмотря на угасание сил, он

[1] Иоанн (Снычев), митр. Митрополит Мануил (Лемешевский). Библиографический очерк. СПб., 1993. С. 268.

всем старался помочь. Для верующих куйбышевцев-самарцев Владыка так и остался в молитвенной памяти – живым, сострадающим, пламенеющим верою, молитвой и благоговением. Несколько раз в жизни он переживал гибель вновь и вновь составляемых библиотек, своих произведений (книг и статей), картотек с тысячами и тысячами карточек. И всегда, помолясь Богу, он начинал свои труды снова. Он никогда, ни один день своей жизни не уклонялся ни в какое церковное разделение. Много страдавший, он сам для многих стал «сыном утешения». Человек скромный, он не позировал перед фотоаппаратом, поэтому от него не осталось множества снимков. На тех, что дошли до нас, добрый пастырь запечатлен по-отечески открытым и искренним.

«ЖИВИ ТАК, ЧТОБЫ ВСЕМ БЫЛО ХОРОШО»

Дневник Митрополита Мануила (Лемешевского)

1947 год

Февраль

8. II. Ослаб очень. Поехал служить обедню без всяких сил. С трудом держал дикирий, трикирий...

Сентябрь

4. IX. Вчера о. Владислав успел приобщить одного тяжело больного старика Иоанна (бывшего хулителя Божиего и маловерующего, но в последнюю минуту раскаявшегося).

Сегодня о. Владислав был вызван к нему на соборование, и во время чтения первого Евангелия он тихо скончался.

Да простит ему Господь все его согрешения.

9. IX. Записано 9 сентября 1947 года со слов Вани[1]... Чкалов[2].

Когда в одном селе ломали церковь, один партийный человек решил посмеяться над верой. Облачился в полные священнические одежды, взял в руки кадило и начал представлять с кощунственными шутками церковное служение. Это было примерно часов в 12 дня.

В 5 часов вечера он возвращался домой. Навстречу ему шло стадо коров. Внезапно разъяренный бык бросился на него и поднял его на рога. Смерть наступила мгновенная.

10. IX. Вновь приехал в Бугуруслан служить всенощную.

12. IX. Мысли о покое и молитве.

Публикуется впервые. Подготовлен к изданию кандидатом исторических наук, хранителем фондов УСЕЦИМ А. П. Семеновой.

[1] Келейник Владыки Мануила Иоанн (Снычев) (1927 – 1995), будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, духовный сын и ученик митр. Мануила, продолживший его труды по истории РПЦ. В декабре 1965 г. был хиротонисан во епископа Сызранского.

[2] Оренбург с 1938 по 1957 гг. был переименован в Чкалов.

Воскресение. После приступа с желудком, лишившим меня праздничного литургисания, дал слово со многими слезами покаяния о невоздержании своем – по вечери перед службою – не вкушать ужин во весь остаток жития своего. И стало легко, и приступы прекратились.

Впервые в Бугуруслане [читался] акафист об усопших в новой редакции.

14. IX. Воскресение. Вчера, после акафиста Иверской местночтимой иконе, я говорил прощальное слово. После него беседу провел о покойниках и загробной жизни – приводил случаи явления покойников. Перед выходом из храма благословлял с кафедры весь город с верными на все четыре стороны. Здешний боголюбец Зайцев произнес прекрасное вдохновенное слово прощания. Он во много раз лучше говорит, чем составляет письменно. В рукописных проповедях наблюдается иногда сумбур. Народ со слезами провожал меня поздно вечером до самого моего дома.

Одна старушка-вдова рассказывала про свою дочь Екатерину, умершую семнадцать лет тому назад. Была безбожница, умерла без покаяния, хворала зубами. А во сне явилась вся в цветах и с бельем, прополоснутым на речке.

17. IX. После службы и акафиста святителю Николаю подошла ко мне незнакомая старушка, проездом в Ташкент на день остановившаяся у своего сына N, оказавшаяся по разговорам тайной монахиней Анастасией <...>.

Приехавший после отпуска из Челябинска наш священник о. В. Попов рассказывал, что он заходил к епископу Ювеналию[1] Челябинскому на квартиру. Последний говорил, что будучи на торжественном открытии мощей св. Иоанна Тобольского[2], он виделся с архиепископом Омским[3], епископом Свердловским[4] и еще с одним архиереем. Имел беседу с ними о желательности периодических архиерейских съездов Урала, Зауралья и Приуралья. Обо мне не поминал. На таких съездах, совещаниях должны обсуждаться всякие местные [нужды] церковные. Благие пожелания...

Хоть сейчас повсеместно идут огородные работы, но все же число посетителей городских и сельских храмов катастрофически падает. Что ждет нас впереди? Пустые храмы и мол[ельные] дома? Неужели это настанет скорее того времени, которое мною намечено для закончания дел моих...

Итак, невзирая на все трудности грядущей тяжелой жизни в Козельщанской обители, Феня и Поля решили ехать под духовное руководство игумении Феофании.

20. IX. Что было в Серпухове при мне и что ныне осталось. Жутью веет от письма одной старой инокини, жившей в Серпухове в годы моего там

[1] Ювеналий (Килин), в схиме Иоанн, с 12. 05. 1947 по 3. 06. 1948 гг. епископ Челябинский и Златоустовский. Его жизнеописание см. в «ДС» №1 – 2 за 2008 г. в статье « Странник жизни скоротечной», стр. 162 – 206.

[2] Мощи свт. Иоанна (Максимовича), митр. Тобольского и всея Сибири, в октябре 1922 г. по распоряжению Тюменского губисполкома после антирелигиозного митинга были помещены в антирелиг. отдел Тобольского музея краеведения. 14 июня 1947 г. мощи свт. Иоанна, по ходатайству архиепископа Новосибирского и Барнаульского Варфоломея (Городцова), были переданы в Покровский кафедральный собор г. Тобольска.

[3] Алексий (Пантелеев) – архиепископ Омский и Тюменский с 1946 по 1948 г.

[4] Товия (Остроумов) – епископ Свердловский и Ирбитский с 1947 по 1953 г.

святительства[1]. Кровью обливается сердце от этих немногих правдивых и жутких слов... Попущение Божие на все окружающее нас...

К празднику Рождества Богородицы по обычаю оренбургских старожилов встречали Табынскую нашу святыню после 5 вечера. После жуткого проливного дождя с грозою сияло солнышко, и всем, сопровождающим святую икону, можно было идти. Зато мы снова не попали в В[ерхнюю] Павловку на освящение храма. Дождь размыл дорогу, да еще заезжая машина не заехала за мною.

Какая-то тайна окружает эту ц[ерковь].

Перед всенощной встретили нашу святыню – Табынскую икону [Божией Матери]. Одна богомолица вручила мне свое рукописание с описанием этой встречи.

За всенощной всякое внимание, которое оказывают мне обычно все окружающие как архиерею, тяготило меня сегодня особенно ... при воспоминании своих ошибок и пристрастий – чувствую полное презрение к себе, отвращение...

Во время всенощной болезненно восприняты мною мелочи того внимания, которое мне оказывали окружающие как архиерею. Тяжесть какая-то безотчетная давит меня: не то тоска, не то предчувствие чего-то неизбежного, неумолимого, надвигающегося на меня... Я просто устал от множества дел, окружающих, недобросовестного отношения ко мне верующих, от расточения всех продуктов осенне-зимних на кормёжку приходящих....

Феклуша[2] изнемогает от множества приезжающих и гостящих у меня, мой Ваня от невозможности сосредоточиться в своей келлии, постоянно наполненной приезжающими и ночующими в ней.

Бедный Ваня!

Не двенадцать ли часов во дне?[3]

21. IX. Перед всенощной дома служил молебен о путешествующих перед отъездом Андрюши[4] и шофера Пети, сына тети Нюры Киселевой. Едут в Москву за легковой машиной. Но я мало надеюсь на благоприятный исход этого поручения.

Во время всенощной ярко запечатлелась мысль моя: «Телесная храмина твоя постепенно разрушается. За последние 3 – 4 месяца ты стал почти лысый (что на это скажет блистательный и молодящийся наш Патриарх при встрече со мной?!). Конец твой приближается... и гораздо скорее, чем ты предполагаешь... А еще мечтал пожить лет пятнадцать для блага Церкви». А где воля Божия на это? Где проявления воли Божией?..

---

[1] С 25. 04. 1928 г. по 4. 02. 1930 г. свт. Мануил (Лемешевский) был епископом Серпуховским.

[2] Феклуша (м. Феофания) исполняла кухонное послушание в Чкаловском архиерейском доме при владыке Мануиле.

[3] Ин. 11. 9.

[4] Андрей Андреевич Савин – секретарь владыки Мануила в бытность его Чкаловским архиереем. Впоследствии секретарь Куйбышевского епархиального управления († 3. 12. 2005).

Никольский кафедральный собор. Оренбург. 1945 г.

Воскресение. После обедни одна женщина дарит мне два больших яблока и булку и просит молиться о двух ее погибших на фронте сыновьях Феодоре и Павле.

– Они у меня записаны, – ответил я. – Благодарю за подарок.

– А знаете, – рассказывает их мать, – я видела их недавно во сне. Будто они находятся в каком-то прекрасном саду, а Вы там же в белом облачении и вы все вместе были веселые.

Я объяснил, что это означает общение за них Церкви Православной через поминовение усопших.

Часто размышляю о том светлом месте, которое занимает в душе моей наш хозяин собора – Святитель Николай Мирликийский.

В одном слове «все» – вся природа моего верования в силу молитвы.

22. IX. Сегодня перед вечерней служил напутственный молебен отъезжающим завтра в Саратов поездом двум девицам – Фене и Поле – в Козельщанскую обитель Полтавской области.

Прошлогодняя беглянка Поля на этот раз едет благословленная, снабженная [напутствием], и потому спокойная. Подруги льют слезы и завидуют им.

Диакон о. Гавриил сегодня рассказывал, как он хоронил свою дальнюю родственницу, старицу лет семидесяти, рабу Божию Ксению. Воистину была верной Церкви Христовой до конца дней своих...

Главный иконостас Никольского храма. Оренбург. 1948 г.

23. IX. Сегодня двадцатичетырехлетняя годовщина моей епископской хиротонии. А как мало сделано за это время! Служил в сослужении моих ставленников – священника Владислава и диакона Иоанна келейного и последнего ставленника Петра молодого. Легко было служить, только сознание, что я не смогу считать эту годовщину, так как сколько лет епископства прошли в бесплодном житии... По почте получил только одну поздравительную телеграмму из М[осквы], как обычно, от Андрюши [секретаря], даже т. Оля не приехала...

Приходил побеседовать приехавший недавно из Черновиц со своей дочерью бывший бухгалтер Черновицкого Епархиального управления. Какая разница в жизни наших епархий. Как живет епархиальный архиерей?

24. IX. Перечитывая снова письма епископа Гавриила[1] из Сызрани, почувствовал такую тягу к тихому житию и богомыслию, что нечаянно позавидовал обстановке его жизни. Хотя в одном не могу его одобрить – это в отказе от алтарной молитвы, от проскомидийного поминовения заздравного и заупокойного.

В этом он не оправдается, так как лишает себя такой молитвы литургийной с года первого своего ареста и ссылки на Соловки, где он три года не служил, в то время как остальные шестнадцать архиереев служили часто ...

[1] Гавриил (Абалымов) – епископ Осташковский, вик. Тверской епархии с 1920 г. В 1922 г. вступил в управление Тверской епархией. С 1923 по 1946 гг. был неоднократно репрессирован и пребывал в заключении в т. ч. в СЛОНе. После 1946 г. до 1950 г. проживал в Сызрани.

Сегодня на меня напала какая-то безотчетная тоска... Это не томление духа о горнем (несбыточном, райском). Но какое-то тяжелое состояние, словно вся жизнь твоя, состоящая в прострации самообмана и самоуспокоения, и чувство тоски – как возмездие за все содеянное нехорошее за все время жизни прошлой.

А слез нет при этом...

25. IX. Помнил – не давать никому ничего.

Три человека обратились за помощью на 150 руб.

И ... дал.

Живи так, чтобы всем было хорошо.

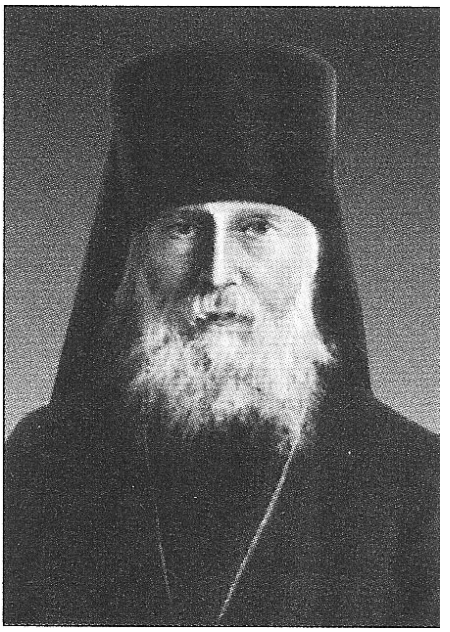
Вечер. Вот уже несколько дней ощущаю сильную (прострелом) боль в левом ухе. Вспоминаю часто [слова] о заболевании ушами св. Филарета Московского, запечатленные в его письмах[1] к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву).

Келейник владыки Мануила диакон Иоанн. Оренбург. 1947 г.Оренбург. 1948 г.

26. IX. В два часа ночи проснулся от странного сна. Будто я нахожусь в настоящем архиерейском доме и читаю газетную статью на третьей странице, второй столбец справа, примерно на середине, «О возрождении Русской Церкви», где имеется фраза, напечатанная курсивом, (по смыслу сна), что на предстоящем церковном соборе в 1955 году Патриархом должен быть выбран некий N, старый архиерей, известный в России и за границей как борец за Православие. И все было так реально, что проснувшись, я высчитал семь лет ожидания исполнения этого важного события. И вспомнил пророчество соловецкого епископа[2] [нрзб.].

[1] Письмо от 16 июля 1832 г. // Филарет Дроздов, свт. Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003.

[2] Скорее всего, имеется ввиду один из епископов, отбывавших вместе с владыкой Мануилом соловецкую ссылку.



Гавриил (Абалымов), епископ Осташковский. 50-е гг. XX в.

Храм Христа Спасителя. Село Спасское. Современный вид

За последние недели зрение мое все ухудшается. Какой-то туман пленочный обволакивает мои глаза во время чтения, буквы сливаются и необходимо наклоняться к тексту. А сходить к врачу глазному положительно некогда, да и охоты нет идти в пыльный город.

27. IX. Поездка в Верхнюю Павловку – освящение храма.

Старые переживания: как смотрят на этого маленького архиерея (разочарования).

Как я решил наказать Ваню.

27. IX. Днем на мотоциклетке прибыл в Павловку. Погода и дорога чудные. Пробег в 25 км совершен в 55 минут с небольшими остановками. Всполошил священника о. Никиту и его матушку, никак меня не ожидавших. Сделаны распоряжения оповестить верующих ближайших поселков о завтрашнем освящении.

После краткого отдыха заинтересовался небогатой библиотекой священника. Среди разного рода книжного хлама выкопал совершенно ненужные ему сочинения архимандрита Антонина [Капустина]. Книгу пророка Варуха. Репринт. Спб, 1902 г. Отобрал ее для библиотеки Московской Духовной Академии.

28. IX. Сравниваю освящение храма в с. Спасском в июле 1945 года и сегодняшнее, в сентябре 1947 года. Пространство сердцу даровавый Соломону[1].

29. IX. Вместо уехавших утром детей, Петра и Вани, вечером за всенощной приехал новый отрок Владимир.

[1] «...Иже Соломону широту и пространство сердца даровавый, и тем древний храм возставивый...» (из Чина освящения храма, от архиереа творимаго.

Октябрь

9. X. Получил №7 «ЖМП». Из отчета М[осковской] Д[уховной] Академии узнал, что профессор Василий Верюжский жив и недавно получил степень доктора церковной истории за свою работу[1] о Болгарской Церкви. Это для меня очень важно, так как даст возможность мне переслать ему свою семестровую работу 1917 года: «История Сербского Патриаршества в XVI веке» для нового отзыва для получения звания кандидата богословия по Петроградской Духовной Академии.

Сегодня произошли три события: освящение Михайловского придела нашего молитвенного дома; рукоположение во иереи старца д[иакона]. Евфимия; возложение на моего Ваню ораря с вышитыми словами: «Свят...» (6 раз).

Я отступаю от правил. «Какая проблема».

10. X. Отрок Петя Захаров уехал домой. Мы с ним еще не договорились. Оригинальный мыслитель религиозный. В Чкалове, где только мог, проповедовал и изъяснял Слово Божие. Но действия его несовременны и стремления его проповедовать Слово Божие сейчас невыполнимые. Что же выйдет из сего мечтателя и искателя правды Божией?

12. X. Воскресение. С утра почувствовал ослабление сердечной деятельности и боли в желудке и должен был остаться дома. Готовлюсь к поездке в Бузулук и просчитываю необходимые расходы. Я дожил на этот раз до полного безденежья. Господь испытывает меня, оставляя кошелек мой пустым. Долги обременили меня, так что не представляю, как я буду оплачивать свои ежемесячные платежи. Уехал на вокзал на голодный желудок. За весь день выпил два стакана горячего чая с сухарями.

13. X. При остановке в Сорочинске взошли наши сорочинские пастыри. Отец Иоанн сообщил, что вскоре после приезда его от меня домой, кандидат в диаконы старец Уткин скончался у себя на дому. Он нес с поля мешок картофеля, дома скинул его, упал и скончался. Не выдержало сердце. А для меня урок: Господь отвел меня от его рукоположения по неизъяснимым мне причинам. Царствие ему Небесное, в октябре 1946 года я его обижал.

Понедельник. В 7 часов утра приехал наш поезд в Бузулук. Встретили меня человек десять и о. Константин. Все с вещами поехали на грузовой, а меня с К. повез церковный староста Глухов на подводе крестьянской. Говорят, что обещанная легковая машина еще не вернулась из района. Погода сырая, но теплая. В храме была парадная встреча с положенным молебном. Народу, против ожидания, было много. При отце Леониде раз в пять-десять было меньше.

С двух часов дня пошел снова проливной дождь. Так что я решил, что на всенощную придет мало людей. Но, к моему удивлению, набралось две трети храма, а впереди, как и всегда, даже было тесно стоять. Впервые за эти многие месяцы у меня в сердце отсутствовала тоска об о. Леониде. Масса его престу-

[1] Василий Верюжский, протоиерей. «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы». Диссертация на ученую степень доктора истории.

плений и недостойных поступков изгнали из сердца моего остатки уважения к нему как к пастырю. И, по словам К., последствие леонидовщины постепенно рассасывается. Так сатана постоянно улавливает в свои сети колеблющихся и озлобленных.

Ваня за всенощной сказал хорошее и очень удачное слово о празднике Покрова. Проповедь его с каждым разом улучшается и углубляется.

14. X. Обедня против всякого моего ожидания прошла при переполненной церкви. И ни одного выступления леонидовцев не было. Полная тишина. Слава Богу! Но грустно, что никого из т. н. леонидовцев в храме не было.

На улице выветрило и к вечеру вызвездило. Похоже на хорошую погоду. Тогда наш субботний крестный ход в Кладбищенскую церковь прошел бы благополучно. Вечером абсолютная тишина в нашем церковном доме, и она благоприятствует моей собранности духовной. Я из-за этого готов здесь погостить более недели.

Вечер. Один из биографов митрополита Московского Макария (Булгакова) пишет, что он имел привычку во время своих научно-литературных занятий всякого рода использованные заметки рвать и бросать на пол. А я имею другую привычку: использованные заметки рвать на мелкие куски и бросать в специально заведенную для этого посуду. И все у меня систематизируется для скорости использования сделанных выписок и заготовленных заметок.

После обедни подошла одна епитимийная р[аба] Б[ожия]. Аборт. Вместо 900 земных поклонов выполнила 5200. Прилагает записку.

Разъездной священник отец Сергий Чурин рассказывал много интересного из своей пастырской работы по Тепловскому району.

15. X. Цель пребывания в Бузулуке – не только служение праздничных служб, но и возможность в тишине разобраться в своих делах и сосредоточиться на духовных нуждах моей страждущей души.

После всенощной подошла ко мне незнакомая женщина и попросила заказать ей точную копию с того образа святителя Николая, о котором я вчера после акафиста рассказывал верующим. Я ей стал указывать на те трудности, которые предстоят ей, [предупреждал] о большой стоимости самого дерева под икону, иконописи, но она была неотступна. Я ее успокоил тем, что сниму с него фотографию и пришлю о[тцу] настоятелю для нее. На нее сильно подействовал мой рассказ о чуде с неизвестной женщиной и ее обращением заботами св. Николая.

Подошла ко мне еще одна верующая и стала испытывать меня о судьбе своих брата и зятя, пропавших на фронте. Я посоветовал отпеть, и она решила их отпеть и занести на сорокоуст.

17. X. Как я ревниво оберегаю свое личное имя. Утром зашел ко мне о. К. и снова стал обмениваться впечатлениями о своей поездке в Уфу. Между прочим рассказывал про одного священника, постриженного в монахи с именем Мануил. Я отверг его въезд в нашу епархию. Одним словом, ему отказали в приеме, и он может оказаться и для нашего храма неподходящим...

Сегодня днем подошел к рабочему столу Андрюши и нашел на нем написанную от руки записку: (см. Прим. 4, 1 – 3). Заинтересовался и раскрыл Библию в указанном месте, [где речь идет о том, как] сохранить свободу действий в жизни своей и подчинить плоть свою вышнему стремлению к горнему... Так вот теперь и понятно стремление Андрея не жениться, сохранить свободу действий в жизни своей, а самое главное – подчинить плоть свою высшему стремлению к горнему.

Сегодня за всенощной я переживал ясность всего вокруг меня совершающегося и, главным образом, в международных отношениях с нашими бывшими союзниками США – Англией. Не говоря уже и о церковных перспективах в России.

После двух дней упорной работы привел в порядок все свои синодики и, конечно, в первую очередь Бузулукский. Все записи систематизированы и разбиты на категории.

Печать молчания.

Испытать себя в делах и словах ...

13 июля, по приезде из Бузулука, рассказывал о. Сергий о высокой доходности. А сейчас что получается? Доходность упала ужасно и исчезли заказы на заупокойные. Всенощные на домах.

18. X. Цель моего пребывания в Бузулуке: сосредоточиться в себе, отдохнуть от шума приходящих.

Леонидовщина ушла в подполье. Собираются по частным квартирам, где читают, поют. В церкви – абсолютная тишина; и за все эти дни никто не подходил с просьбой вернуть о. Леонида назад.

Состоялось ли ожидаемое на вчерашний день перенесение мощей святого митрополита Алексия[1] из Успенского собора[2] Кремля в означенное место? Пришла мне мысль учесть все лучшее и подражательное из житий святителей греческих и нашей Русской Церкви, чтобы по камушкам создать строение, дивно представленное в мыслях и делах архиереев.

20. X. Сегодня после обедни в Кладбищенской церкви зашел на чашку чая к прот. Вениамину Иванову, будущему настоятелю этой церкви. Не случайно повлекло меня к книжной полке, где я из разного хлама извлек для своей работы Всеобщий Календарь на 1917 год, б[ывшее] изд-во А. А. Гатцука. В нем имелся ценный обильный материал для церковной летописи Москвы: важнейшие события из истории России и дни рождения и смерти замечательных русских людей. Еще отобрал очень ценную для меня и моей работы брошюру, изданную в 1914 году в Уфе под заглавием: «Сборник из книг святых отцов». В нем оказались очень ценные выписки из разных святоотеческих и духовных книг.

---

[1] Святитель Алексий, митрополит Московский и всея Руси, чудотворец (†1378).

[2] Патриарший собор Успения Пресвятой Богородицы. Главный престол – Успения, приделы: вмч. Димитрия Солунского, Похвалы Богородицы и апп. Петра и Павла. Со времени строительства – кафедральный собор московских митрополитов, позднее – патриархов, место их служения и погребения.

22. X. Часов в 6 утра видел странный сон. Сижу я в небольшой комнате за столом. С левой стороны у окна сидит Патриарх Сергий[1] в скуфье, в черном подряснике. Напротив меня – какой-то архиерей, судя по разговору, архиепископ Киприан[2], бывший начальник Киргизской Духовной Миссии, ныне тоже умерший. «Нужно нам устраивать Вашу судьбу», – начинает свой разговор Патр[иарх] Сергий. Я с большой тревогой на лице смутился и встал. Оба святителя как бы переглянулись между собой, усмехаясь, как будто бы уже предрешили мою судьбу. Затем [я] стал указывать на то, что по окончании моей работы, в виду того, что все источники книжные и печатные будут исчерпаны, поневоле мне придется думать о максимальных возможностях, которые предоставили бы мне более широкое поприще изучения литературы в центральных книгохранилищах.

«Впрочем – кончил я свои слова, – если нужно будет, я пойду и простым миссионером в б[ывшую] Киргизскую миссию, если там вообще имеются какие-либо церковные точки». Говорил я это искренно, желая показать Патриарху Сергию полную свою готовность выполнить то послушание, какое он наложит на меня. Было сознание своего недостоинства и страхования, что меня до окончания работы могут куда-либо перевести. Причины сна – думы об уходе.

О горбатом мальчике Александре. Сегодня днем подошел ко мне горбун Шура Лазарев. Спрашивал, может ли быть горбатый священником. Говорил, что у него открылась охота ходить в храм, прислуживать. Я ему все объяснил и указал, что в Н. Новгороде в 80-х – 90-х годах [XIX века] был горбатый епископ Хрисанф, что сейчас есть епископ Николай (Парфенов) горбатый. Он успокоился. Он – круглый сирота. Я дал ему архиерейское слово ежемесячно помогать его тете на содержание его, на разные его нужды и разрешил ему ежемесячно писать мне письма. Мальчик плакал.

Отец Константин рассказывал о смерти своего отца, умершего 75-ти лет от роду, еще десять лет назад. Он был замечательный религиозный человек и никогда никого не осуждал. Он имел привычку эту черту свою прикрывать следующим образом. Когда кто-либо при нем начинал докучать своим близким, он начинал петь: «Гм, гм, ... мг». И тотчас человек, осуждавший его, прекращал свои злоречия.

А когда кто-либо случайно открывал дверь в его комнату и видел его молящимся на коленях, то он быстро вскакивал и как ни в чем не бывало пел свое любимое: «Гм, гм, ... мг».

Отец Константин дал мне читать письмо своего духовного сына из г. Орска. В нем описывается его очень интересный сон.

[1] Сергий (Страгородский) – Патриарх Московский и всея Руси с 11. 09. 1943 по 15. 05. 1944 г.

[2] Киприан (Комаровский), архиепископ Вятский, был епископом Семипалатинским, викарием Омской епархии, а также начальником Киргизской Духовной Миссии, где с 1912 по 1916 гг. иеродиакон, а затем иеромонах Мануил (Лемешевский) исполнял обязанности его помощника.

«Пять дней назад я видел интересный сон: я видел себя в каком то сумраке, одного среди пустого поля. Одинокий и грустный я шел по этому полю, но вдруг увидел перед собой вдали яркий свет, который заинтересовал меня и повел за собой. По дороге я встретил на горе пирующих людей, хотел примкнуть к ним, но свет увел меня дальше. Далее на моем пути мне встретилось обширное поле, перерытое траншеями, параллельно идущими одна к другой на расстоянии полуметра.

Я хотел помочь людям и спуститься в траншею, но когда ступил на участок земли, отделяющий один участок от другого, он рухнул. Я перескочил на следующий, – и тот рассыпался под моими ногами. Но все же мне удалось выбраться на твердую землю. Свет продолжал светить и звал меня за собой, но мне стало страшно продолжать свой путь. Я оглянулся назад, но сзади из траншей образовался огромный ров. Пути назад не было. Я пошел вперед за светом и стал медленно подниматься по пологому склону. Свет вел меня выше и выше. Вдруг среди деревьев я увидел архиерея Мануила таким, каким видел его на карточке, с посохом. С радостью я бросился к ногам архиерея, но дотронувшись я почувствовал, что Владыки нет, а в руках у меня осталась митра, которая и испускала ослепительный свет. И опять я остался один среди джеревьев и цветов.

23. X. Сон Анастасии о сходящем голубе с неба на землю.

Из-за отсутствия электричества, выключенного нарочно на эти дни под предлогом порчи дизеля, я не смог выполнить все намеченные дела, как то: написать целый ряд нужных писем в Москву, Ленинград и Саратов; разобрать заметки на каждый день, заздравные обедни, списки по архиереологии. Но и во всем этом вижу промыслительную руку Божию. Благодарю Бога за то, что закончил свои помянники.

Из разговоров с настоятелем узнал, что в Бузулуке в этом году, по примеру орского опыта, справлена родительская суббота перед Покровом. Но, по-видимому, как нечто новое, она не привьется и здесь.

23. X. Проповедь Вани.

«Говоря с любовью по Богу в одно время явился ему Господь».

«Из этих детей вышел».

«Почему Игнатий Богоносец называется Игнатием Богоносцем».

24. X. После обедни в келлию вошел протоиерей Владимир и важным голосом со слезами спрашивал меня: «Сколько составляют дней семьдесят седмиц?». Я ему отвечаю, что 490 дней составляют эти числа. «Так вот, мне сегодня во сне возвещено голосом некиим, чтобы я готовился к смерти, и что я еще проживу эти семьдесят седмиц».

«Не везет Вам, Владыка, с отъездом из Бузулука. Каждый раз какие-то затруднения с отъездом. Поезд «Куйбышев-дачный» отменен на четыре дня», – такими словами успокоил меня мой посланец на вокзал. Итак, я остался на обещании посадить меня на скорый в 3 часа дня. Но на все да будет воля Божия.

Святой уголок в келье владыки Мануила. Оренбург

25. X. В 4 часа ночи благополучно прибыл в Чкалов. Невзирая на запоздание поезда, встречали меня все свои: Андрюша, Леля, Катя. О, какая радость вступить в свою родную келлию! Без одного дня две недели она сиротела. В доме за молитвы всех святых все в порядке, все здоровы. Слава и благодарение Господу за все! Вчера вечером вновь почувствовал знакомую боль в желудке, но мимолетную.

Вечером после всенощной заходила вдова одного жителя г. Чкалова, утонувшего в нетрезвом виде на Урале в августе сего года. Занесла в благодарность за мои молитвы за упокой ее мужа овощи и рассказывала об его явлениях во сне после начала чтения Псалтири по нем.

В числе большой корреспонденции пришло письмо [нрзб.] из Саратова от вдовы академика Б. Тураева[1], инокини Иулиании [Е. Ф. Тураевой], с отзывом о моем конспекте «МЮН».

26. X. Сегодня перед поздней Литургией освящен Никольский придел. На дворе стояла летняя солнечная теплая погода, и крестный ход прошел удачно.

Проверял Синодики Собора. За мое отсутствие нашел записку о новопрест[авленном] Николае. Почувствовал в себе угрызения совести за свое невнимание к его больничному состоянию. Я его тотчас записал в свой Синодик как новопреставленного.

Около вечерни заходила ко мне с приношениями Маня. В прошлом году задавило буферами вагонов на станции Абдулино ее сына Леонида. «Завтра годовщина его смерти», – говорит она. Леонид не велел справлять обеда, а сказал: «Владыка мне хороший обед справил, и я ел его. Он и вновь устроит все, что нужно для моей души».

27. X. Понедельник. К утру выпал первый снег и похолодало.

Всегда пребывать вдали от Москвы – «больше сосредоточенности, вдумчивости, больше возможности изучения разных предметов ...».

[1] Тураев Борис Александрович – профессор Петербургского университета, преподаватель Петроградского Богословского института (04. 1920 – 05. 1923), историк Древнего Востока.

28. X. Сегодня в 8 часов вечера впервые в своей келии правил парастас[1] накануне двадцать третьей годовщины смерти моей мамы. Вместе с о. Иоанном, диаконом и новопоставленным иереем Евфимием читали вновь проверенные мои синодики. Всех имею примерно 3000. Парастас закончил, не торопясь, к 10 часам вечера.

29. X. Мои раздражительность, вспыльчивость являются сейчас основным тормозом в духовном совершенствовании. Необходимо побороть и это. Святые отцы учат нас, что в состоянии покаяния «ничто так не противно кающемуся, как смущение от раздражительности, потому что покаяние требует великого смирения, а раздражительность есть знак великого вознесения о себе» (стр. 4, сборник «Из книг Святых Отцов», в 1 томе).

За обедней, начав вынимать заздравные частицы, поминая Митрополита Николая[2], нечаянно назвал его Патриархом. Неужели это может означать скорое отшествие Патриарха Алексия[3] в жизнь вечную?

Проездом заходил в храм настоятель Златоустовской церкви прот. N., весьма симпатичный, скромной наружности.

После обедни Ваня задал тему о принципиальности личной и церковной.

Сегодня за великой ектенией о. Иоанн без моего благословения читал заупокойные прошения из Службы, напечатанной в иерейском Молитвослове.

30. X. Сегодня утром мне принесли небольшую, но потрясающую по содержанию заметку об апостоле Луке под заглавием «О том, кто послужит Марии Деве – источнику живой воды» – ко дню памяти Святого Апостола евангелиста Луки. Я не имел в виду идти сегодня на всенощную, но после прочтения этих строк решил соучаствовать в его величании.

После всенощной. Это моя вина была в том, что сегодня вечером пришло в церковь так мало народу.

Система моей работы: все заметки распределяются в бесчисленные коробки, коробочки и конверты; подобранный материал в дальнейшем обрабатывается для заметок.

Все дни и недели последние вспоминаю тюрьму, следствия, допросы, лагеря и Лубянку. Мысленно там – и чувствую, какое значение для души имеют эти переживания. Конец постепенно приближается ко мне, старею: тускнеют глаза, слабеют ноги, голос в силе своей падает, а голова быстро лысеет, но сама по себе еще здорова.

Городские сплетни и разговоры о моем отъезде и переводе в другую епархию.

---

[1] Парастас (греч.) – ходатайство, – последование великой панихиды по всем усопшим православным христианам, совершаемое на всенощном бдении родительских суббот (служится вечером в пятницу).

[2] Николай (Ярушевич) – в сане митрополита с 9. 03. 1941. С 15. 07. 1941 – митр. Киевский и Галицкий; с 28. 01. 1944 – митр. Крутицкий; с 27. 03. 1947 по 19. 09. 1960 – митр. Крутицкий и Коломенский. († 13. 12. 1961).

[3] Алексий I (Симанский) – Патриарх Московский и всея Руси с 4. 02. 1945 – 17. 04. 1970 гг.

Евангелист Лука, апостол от 70-ти, священномученик, автор книги «Деяния апостолов», иконописец. Икона XIV в. Греция

Декабрь

5. XII. После сплошной ночной контрольной проверки почти двух тысяч карточек, закончил алфавитную расстановку архиереев для своего «Каталога русских архиереев». Сейчас эта работа для переписки поступлений к моим работницам ...

Кто-то в соседней комнате говорит: «Ангел шаги наши не записывает» ...

6. XII. Проверял списки архиереев по епархиям в БЭЛ[1], наткнулся на запись «пр. Ионы Маленького»[2] – и сразу стало на сердце легко. Нашего полку прибыло – маленьких, – таких, как я.

7 – 8. XII. Наконец-то, с большим запозданием из-за снежных заносов, выехали мы из Чкалова. В вагоне нашем оказались большие упущения – отсутствовал свет, разбита дверь, из всех окон дуло. Публика ночью замерзла, и мы тоже, хотя спали нераздетыми во всем верхнем под одеялами. Я спал в перчатках теплых.

8. XII. В 11 часов утра подъехали к Куйбышеву.

От Меня это было.

Что же мне, недостойному, сказать на все это? И остается мне только повторить слова св. ап. Павла: Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь (Рим. 11, 36). А[рхиепископ] М[ануил].

15. XII. Сегодня я испытывал чувства духовного презрения к священнику о. Владиславу и гадливость за его литургисание с выкрутасами «по Введенскому»[3]. А он еще оправдывается, что это совершено от «восторга молитвенного».

17. XII. Был у Варвары Петровны. Беседовал об еп[ископе] Нектарии и арх[иепископе] Гаврииле (облачение и митру взял себе).

---

[1] Богословский энциклопедический словарь в 12 т. под редакцией А П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского. Спб., 1900 – 1911.

[2] Иона, иеродиакон Троице-Сергиевой Лавры, по прозванию Маленький. Паломник и духовный писатель XVII в.

[3] Введенский А. И. – обновленческий лжемитрополит, инициатор и лидер обновленческого раскола. С 1915 по 1923 гг. служил в петербургской церкви во имя свв. Захария и Елизаветы. В 1922 г. был запрещен в служении будущим священномучеником митр. Петроградским и Ладожским Вениамином. Не подчинясь запрету, продолжал свою антицерковную деятельность. В 1943 г. искал возможности воссоединения с Московской Патриархией. Умер в 1945 г. вне общения с Православной Церковью.

Церковь Богоявления Господня в Елохове

18. XII. Утром заходил к Святейшему. Сначала он задержался выходить, потом принесли ему телеграммы и письма, и только полпервого он принял меня. Интересовался состоянием приходов, удивлялся моему терпению и перешел к делу Вл[адыки] Филиппа Астраханского[1], указывая мне, как пагубно своеволие архиерейское. «А ведь знаете, я чувствую, что он начинает сожалеть, что не поехал в Одессу. Он уже получил указ об оставлении и молчит». Затем предложил мне сослужить сегодня и завтра на св. Николая в Елохове[2]. Я поблагодарил. Продолжая разговор о Филиппе и непослушных архиереях, он заставил высказаться и меня. И я сказал ему: «Заверяю Вас, Ваше Святейшество, что с моей стороны Вы никогда не услышите никакой просьбы о моем переводе в другую епархию. Как бы тяжело не сложилась моя жизнь в Чкалове, не буду напоминать Вам о себе или через людей выходить на Вас и вызывать решение о моем перемещении». В ответ на это Патриарх снова взглянул на меня. Он хорошо знает цену этих не пустых слов – я их выполню как закон. Только бы Господь дал силы закончить намеченные работы.

Во время шестопсалмия подошел ко мне о. Николай Колчицкий[2] и стал просить устроить при мне молодого иеромонаха Александра из Чернигова, желающего жить под моим руководством. Конечно, я должен был согласиться на это. Постараюсь устроить его у тети Насти. Днем был у Патриарха. Знаменательная беседа о Владыке Филиппе. Муки ожидания неожиданного перевода.

19. XII. Сегодня у меня был тяжелый день. С утра – в Елохове, потом поездка с о. Николаем Колчицким, оттуда – к Ведерникову[3] и на ночь в Измайлово. Протоиерей Николай Колчицкий по дороге в Черкизово рассказывал о Вл[адыке] Филиппе: «На него за это время две новые жалобы поступили в Патриархию. А за прошлые годы столько было жалоб! И он не сумел учесть все это и принять перемещение в Одессу. А сейчас, я уверен, он начал скорбеть о своем оставлении в Астрахани».

[1] Архиепископ Филипп (Ставицкий) – в 1928 – 1929 гг. и с 1943 по 1952 гг. управлял Астраханской епархией.

[2] Николай Колчицкий, протопресвитер, управляющий делами Патриархии, настоятель патриаршего Богоявленского собора.

[3] Ведерников Анатолий Васильевич – профессор, преподаватель Моск. Правосл. богословского ин-та (открыт в 1944 г. в Московском Новодевичьем м-ре).

Патриарх Алексий по своему нездоровью просил меня послужить в храме «Нечаянной Радости»[1] в Марьиной Роще всенощную и обедню в понедельник. Я, конечно, тотчас согласился. Но из-за этого поездку в Лавру пришлось отложить еще на один день.

Вчера и сегодня я испытывал ложный стыд. Когда снимали с меня митру, мне помысл внушал, что все смотрят на мою лысину и осуждают меня за это.

Дневниковые записи митрополита Мануила (Лемешевского)

Дневниковые записи владыки Мануила, восстановленные по годам, месяцам, дням и часам, представляют собой единое повествование, наполненное духовными исканиями, свидетельствами ежечасного служения Богу, скорбями за свою паству и за Русскую Православную Церковь в целом. Все записи – как единая молитва о спасении своей души и душ многих близких Владыке людей о судьбе Церкви, о благе, о мире, о человечестве и об отдельном человеке.

Все записи были сделаны владыкой Мануилом на небольших листочках бумаги различных форматов. Выполнены, в основном, чернилами и простым карандашом. Записи находились среди личных писем владыки Мануила, среди писем духовных чад к нему, в книгах, записных книжках. Эти записи носят характер ежедневного анализа Владыки собственных душевных переживаний, помыслов, наблюдений, впечатлений от определенных событий, снов и т. д.

За время одного дня Владыка мог написать до восьми записочек.

В целом дневник владыки Мануила представляет собой произведение, отражающее все стороны жизни святителя и церковной жизни за период с 1947 по 1963 год. Дневник раскрывает внутренний мир Владыки, характеризует его не только как великую духовную личность, но и как философа, историка, литератора, ученого. Сохранившиеся архивы предоставляют возможность многогранной работы с материалами – каждый аспект записей настолько глубок и интересен, что может быть предметом отдельного исследования. Хронологическая динамика записей позволяет исследовать дневник Владыки не только как целостное произведение, но и по годам, так как каждый прожитый год характеризуют особенности духовных поисков Владыки, его настроения, переживания, чаяния. Возможно отдельное исследование записей, отражающих различные душевные и духовные переживания Владыки: во время Богослужений, в сновидениях, при встречах, во время работы с Каталогом и Чином, его помыслы, духовный поиск, прозорливость и т. д.

Записки каждого года находятся в отдельном конверте. В каждый конверт в отдельных пакетиках вложены записки, сделанные в определенном месяце с соблюдением числового порядка дней. Номера записок указаны на оборотных сторонах листочков.

[1] Храм иконы Божией Матери «Нечаянная Радость». Построен в 1899 – 1904 гг. на средства жителей Марьиной Рощи на земле, подаренной графом А. Д. Шереметьевым.

Храм в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость» в Марьиной Роще. Москва

В отдельный конверт помещены записи Владыки Мануила без дат.

Среди дневниковых записей часто встречались листы отрывных календарей и вырезки из газет с текстами, которые привлекли внимание Владыки. Иногда он сохранял только часть календарного листа с изречениями, пословицами, рецептами и т. д. На отдельных листочках Владыка ставил дату, подчеркивал или выделял слова, предложения, отрывки текстов.

Так же вставлены в записки афоризмы, мудрые мысли, переписанные, возможно, по просьбе Владыки его духовными чадами и им самим и датированные самим Владыкой Мануилом.

А. П. Семенова

СЛОМ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОДА В 1917 ГОДУ

Февральский переворот, совершенный заговорщиками, не мог быть воспринят широкими слоями русского народа как событие законное и желанное. В отличие от истеричной «пьяной» радости Петрограда, в феврале 1917 г. Россия хранила глубокое молчание. Сельское, мещанское население и большая часть солдатской массы находились в состоянии полной дезориентации.

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в подробном отчёте Временному правительству о реакции армии на «отречение» Царя констатировал, что многие к отречению Императора Николая II и к отказу от престола Великого князя Михаила Александровича «отнеслись с грустью и сожалением». Солдаты высказывали мнение, «что без Царя обойтись нельзя и надо поскорее выбирать Государя». В Сибирской казачьей дивизии Сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление. «Выражалась надежда, что Государь не оставит своего народа и вернется к ним. Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что Император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича, что Россия еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно. Отречение Императора на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление. В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием Государя, выразившимся в акте отречения. Манифест великого князя Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления»[1].

Известие о том, что Царя больше нет, повергло многих в смятение. Но всё же нельзя говорить, что монархическое чувство охватывало весь народ. Долгие годы пропаганды врагов монархии, незавершенность ряда реформ и преобразований, стремление крестьян к легкому разрешению земельного вопроса за счет передела чужой земли, затяжная тяжёлая война, наконец, вакханалия февральских дней в столице сделали свое дело. Народное монархическое самосознание, десятилетиями находившееся под давлением либеральных и

[1] Красный архив. Т. 2 (21). М.; Пг., 1927. С. 62.

Решетников Л.П. родился 6 февраля 1947 г. В 1970 г. окончил исторический факультет Харьковского государственного университета. С 1971 по 1974 г. обучался в аспирантуре Софийского университета (Болгария). В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1974 по 1976 г. работал в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. С апреля 1976 г. по апрель 2009 г. – во внешней разведке. Последняя должность – начальник информационно-аналитического Управления СВР России, член коллегии СВР, генерал-лейтенант.

29 апреля 2009 года Указом Президента Российской Федерации назначен директором Российского института стратегических исследований.

революционных идей, было основательно поколеблено. Самодержавие предполагало неучастие народа в активной политической жизни государства. Он мог только помогать Государю царствовать, исполняя его волю. «За народом мнение, за Царем решение», — эта поговорка очень верно отражала суть русского восприятия политического механизма жизни державы. Для того чтобы подняться на защиту Царя и Родины, народ должен был услышать призыв самого Царя. Так было в 1905 году, когда Император Николай II обратился к народу с простыми и ясными словами: «Помогите мне, русские люди, одолеть крамолу!» Всякий раз народ русский, слыша глас царский, считал своим долгом на него откликнуться. И всякий раз эта духовная смычка Царя и народа спасала Россию от бед.

Но в феврале 1917 года не стало не только собственно Царя Николая Александровича, но Царя как помазанника Божьего. В сознании большинства людей это противоестественное положение должно было скоро прекратиться, – Царь снова должен взойти на престол. Вопреки революционной и большевистской лжи о равнодушии крестьян к судьбе свергнутого Государя, они в основной своей массе ждали его возвращения, полагая, что «господа» призовут царя и поведут народ на защиту престола. Князь Н. Д. Жевахов вспоминал, что во время Февральской революции он разговорился с двумя революционными солдатами, которые на поверку оказались простыми русскими крестьянами, верующими в Бога и любящими Царя. На вопрос этих солдат, что же им теперь делать, Жевахов отвечал: «Идите в Думу и требуйте назад Царя, ибо без Царя не будет порядка и враги передавят нас». Реплика одного из солдат на эти слова чрезвычайно показательна: «Так-то оно так, — сказал солдат, — да как бы нам зацепиться за кого-нибудь старшего, кто, значит, повёл бы нас; а мы хоть и сейчас пойдем вызволять Царя и прогоним нечистую силу»[1].

Однако в феврале 1917 г. русская элита, большая часть образованного общества, отвергла дарованного ему Божьего Помазанника, предала своего Царя. В этом предательстве виновны не столько радикальные враги России — революционеры, сколько либеральная оппозиция, представители буржуазии и купечества, немалая часть духовенства и высшего генералитета русской армии. Вместе с тем крушение монархии в России не могло стать результатом только измены верхушк В 1917 г. произошло грехопадение всего народа, который, при всей своей симпатии к монархии, в целом остался пассивным зрителем свержения, заточения, а затем и убийства своего Государя и его Семьи. Все события так называемого отречения — это поединок Царя и «февралистов». До последнего момента Император Николай II надеялся отстоять свои священные права, отстоять законную власть. Он рассчитывал получить поддержку от окружавших его людей, ждал от них исполнения священного долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, трусость, и обман».

«Подавить открыто революцию Николай II не мог, — пишет доктор исторических наук Г. З. Иоффе, — что никаких воинских частей послать в

[1] *Жевахов Н.Д.,* князь, товарищ обер-прокурора Св. Синода. Воспоминания. М.: Царское дело, 1993. Е. 1 – 2. Т. 1. С. 327.

Петроград не сможет. В Пскове он был "крепко" зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников, Рузский, было практически невозможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части, верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А. И. Гучкова, Рузский прямо заявил Николаю II»[1].

В предисловии к сборнику «Отречение Николая II» в 1927 г. большевик Михаил Кольцов писал: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам Монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили»[2].

Николай II предпочёл заточение, мученическую смерть и даже гибель своей семьи участию в братоубийственной войне и беззаконии. Царь, вслед за Спасителем, Которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все блага мира, отвечал сатане: Изыди от Мене, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши (Мф. 4:9).

Второго марта 1917 г. в занесённом пургой Пскове не Государь Николай Александрович отрёкся от престола — большая часть России не захотела иметь Царя. Николай II лишь склонился перед Волей Божьей, в точности как это сделал пророк Самуил, когда народ больше не захотел видеть его судьёй: И сказал Господь пророку Самуилу: послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе, ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними. (1 Цар. 8: 7 — 18).

Святитель Николай Сербский писал в 1932 г.: «Если бы русский Царь Николай II стремился к царству земному, царству мелких личных расчётов, себялюбия, он и по сей день сидел бы на престоле в Петрограде. Но он выбрал Небесное Царство, царство жертвы во имя Господне, царство евангельской духовности, за что и сложил свою голову, за что сложили головы его чада и миллионы подданных»[3]. Протоиерей Александр Шаргунов очень ёмко выразил суть подвига Императора Николая II: «Когда в силу страшных обстоятельств "кругом измена, и трусость, и обман", стало ясно, что он не может исполнять долг Царского служения по всем требованиям христианской совести, он безропотно, как Христос в Гефсимании, принял волю Божию о себе и России. Нам иногда кажется, что в активности проявляется воля, характер человека. Но требуется несравненно большее мужество, чтобы тот, кто "не напрасно носит меч", принял повеление

[1] *Иоффе Г. З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 52.
[2] *Кольцов М.* Отречение Николая II. С. 22.
[3] *Николай Сербский,* свт. Мысли о добре и зле. М, 2001. С. 111.

Божие “не противиться злому”, когда Бог открывает, что иного пути нет... Заслуга Государя Николая II в том, что он осуществил тайну истории как тайну воли Божией»[1]. Являясь русским Царем, Государь не мог себя ограничить западной конституцией — не потому, что он судорожно держался за власть, а потому, что сама власть, по существу своему, не поддавалась ограничению. Ограничить её означало изменить не власть, а изменить ей.

Русский Царь не просто Царь-Помазанник, которому вручена Промыслом судьба великого народа. Он — тот единственный Царь на земле, которому Богом наказано охранять Святую Церковь и нести высокое царское послушание до Второго Пришествия Христова. Русский Царь — Богом поставленный носитель земной власти, действием которого до времени сдерживается сила зла[2]. Понимание этого служения Царя было почти полностью утрачено русской правящей элитой и сильно подорвано в народе. Немного было представителей правящего класса, кто бы в большей или меньшей степени не одобрял свержение монархии: генералы спешили снять с себя царские вензеля и надеть красные банты, поэты, писатели — скорее воспеть новую «свободную» власть «свободной» России, крестьянство — предвкушало передел земли, рабочие — ждали передачи им в управление заводов и фабрик.

Девятнадцатого февраля 1917 года во всех церквах Российской Империи в первую неделю Великого поста совершался чин Торжества Православия. Гремела анафема царским врагам. Через несколько дней Святейший Синод откажется обратиться к народу с требованием прекратить беспорядки в Петрограде, останется полностью безучастным к судьбе свергнутого Государя, будет приветствовать «освобождение» русской Церкви и благословлять «благоверное» Временное правительство. По инициативе и при непосредственном участии митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) из зала заседаний Синода было вынесено царское кресло, которое в глазах значительной части иерархов являлось символом «цезарепапизма». Весьма символично, что в августе 1918 г. митрополит Владимир был предан монастырской братией, выдавшей его революционным бандитам, которые расстреляли Владыку возле его резиденции в Киево-Печерской лавре[3]. Из Святейшего Синода были насильственно удалены убеждённые монархисты митрополит Питирим (Окнов) и митрополит Макарий (Невский). Большинство хотело освободиться от старой власти, но какой будет власть новая, никто не думал. Между тем «...с падением Царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ничем заменены»[4].

Лучшие представители духовенства сумели разглядеть за маской «прекрасной Свободы» дьявольскую гримасу. Епископ Тобольский и Сибирский Гермоген (Долганов) категорически отказался приветствовать революцию.

[1] *Александр Шаргунов,* прот. Указ. соч. С. 12.
[2] *Константин (Зайцев),* архим. Указ. соч.
[3] В 1992 году Архиерейский собор Русской Православной Церкви прославил митрополита Владимира (Богоявленского) в лике священномучеников.
[4] *Воспоминания* генерала барона П. Н. Врангеля. М.: Терра, 1992. Т. 1. С. 26. 91

В качестве резолюции на постановлениях своего епархиального съезда он писал: «Я ни благословляю случившегося переворота, ни праздную мнимой еще "пасхи" нашей (вернее же мучительнейшей Голгофы) многострадальной России и исстрадавшегося душою духовенства и народа, ни лобызаю туманное и "бурное" лицо "революции", ни в дружбу и единение с нею не вступаю»[1]. Владыка Гермоген до конца сохранил свои монархические убеждения, призывал паству «сохранять верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами революции и их современными жрецами, требующими от православных русских людей выветривания, искажения русской народной души космополитизмом, интернационализмом, коммунизмом, открытым безбожием и скотским гнусным развратом»[2]. В 1917 г., будучи епископом Тобольским, владыка Гермоген делал всё, чтобы облегчить жизнь находившейся в заключении Царской Семье. В июне 1918 г. Владыка вместе с другими священнослужителями был утоплен большевиками в реке Туре. В 2000 г. епископ Гермоген был прославлен Русской Православной Церковью как священномученик.

Епископ Макарий (Гневушев), выступая в февральские дни 1917 г. в кафедральном соборе Нижнего Новгорода, говорил: «Стойте же, друзья, непреоборимой стеной вокруг Царского престола. Пусть и теперь, как во времена Козьмы Минина, князя Пожарского, протопопа Саввы, архимандрита Печерского монастыря, и людей всех положений и сословий, соборный колокол созывает всю Русь под единый великий и святой стяг, на котором огненными словами начертано: За Веру, Царя и Отечество»[3]. Владыка Макарий был расстрелян большевиками 4 сентября 1918 г. под Смоленском. Он причислен Русской Православной Церковью к лику святых как новомученик и исповедник.

Конечно, мы не имеем права забывать и обо всех верных Святой Руси людях из самых разных сословий, кто в позорные и страшные февральские дни не испугался засвидетельствовать свою преданность Царю. Княжна Н. П. Грузинская вспоминала: «Февраль 1917-го года застал меня в Москве. Грянул страшный удар грома, вселивший ужас и негодование в наши сердца. Вечером я пошла к графине Белевской, и мы, взрослые, мрачно толковали о том, что думать и что делать. Пока с тоской в душе мы перебирали всякие возможности, в столовой рядом раздались торжественные звуки "Боже, Царя храни". Я пошла посмотреть, что там происходит, и была глубоко тронута тем, что увидела. Младшие дети графини расставили на большом столе все фотографии Царской Семьи, которые могли собрать, поставили пластинку "Боже, Царя храни" в граммофон и в благородном порыве лояльности чистых детских душ

[1] *Мраморнов А. И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова; 1858 – 1918). Саратов: Научная книга, 2006. С. 88.3 Черная сотня: Историческая энциклопедия 1900 – 1917/ Отв.редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

[2] *Мраморнов А. И.* Указ. соч. С. 87.

[3] *Черная* сотня: Историческая энциклопедия 1900 – 1917/ Отв.редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

к тем, кто впал в несчастье, проходили церемониальным маршем перед фотографиями, делая им поклоны»[1].

В мае 1920 г. на греческом острове Лемнос в эмигрантском лагере похоронили четырнадцатилетнюю графиню Елену Граббе. Когда разбирали вещи умершей от туберкулеза девочки, то нашли написанную ею после ареста Государя молитву: «Спаси, Господи, Государя нашего Императора Николая Александровича, уменьши страдания его, поддержи его и соблюди от врагов его. Дай ему, Господи, силу побороть врагов своих и, если будет на то воля Твоя, просвети его на мудрое царствование...»[2].

Менее чем за месяц Временное правительство сломало все старые государственные институты, судебную систему, ликвидировало полицию, дезорганизовало армию. Была упразднена и Государственная дума, именем которой был совершён переворот. Её работа, прерванная Указом Государя 27 февраля 1917 г., никогда больше не возобновлялась. В течение лета несколько раз собирался её Временный комитет, а 6 октября 1917 г. Временное правительство окончательно распустило Думу в связи с подготовкой выборов в Учредительное собрание.

Первого сентября 1917 г. Керенский самочинно и абсолютно незаконно провозгласил Россию республикой, а себя — министром-председателем и верховным главнокомандующим, совершив тем самым окончательную узурпацию власти. Слабая и ничтожная, она продержалась недолго, и на смену ей пришла другая — страшная и античеловеческая. Последующие преступления большевизма заслонили в глазах общественности подлость и предательские деяния Милюкова, Гучкова, Львова, Родзянко, Керенского и прочих «творцов Февраля», ниспровергателей исторической России. Но суд истории над ними состоялся, и было бы неправильно замалчивать его беспощадный приговор.

В бесчинствах и злодействах февралистов можно было узреть грядущий красный террор, Соловки и ГУЛаг. Вот как описывал февральские события в столице очевидец, начальник Петроградского охранного отделения генерал К. И. Глобачёв: «Те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию. Они нисколько не уступают тому, что впоследствии проделывали над своими жертвами большевики в своих чрезвычайках. <...> Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали на набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Одного, например, пристава привязали веревками к кушетке и вместе с нею живым сожгли. Пристава Новодеревенского

[1] *Грузинская Н. П.,* княжна. Записки контрреволюционерки // 1917 год в судьбах России и Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 348, 351-353.

[2] *Решетников Л. П.* Русский Лемнос. М.: ФИВ, 2012. С. 11.

участка, только что перенесшего тяжёлую операцию удаления аппендицита, вытащили с постели и выбросили на улицу, где он сейчас же и умер»[1].

Барон Н. Е. Врангель вспоминал: «Во дворе нашего дома жил околоточный; его дома толпа не нашла, только жену; ее убили,<...> и двух ее ребят. Меньшего грудного – ударом каблука в темя»[2]. Писатель М. М. Пришвин записал в те дни в своем дневнике: «Две женщины идут с кочергами, на кочергах свинцовые шары — добивать приставов»[3]. Массовые убийства офицеров происходили в кровавые февральско-мартовские дни в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе, Свеаборге. Вот лишь некоторые имена зверски убитых: командир запасного батальона Лейб-гвардии Павловского полка полковник А. Н. Экстен (убит 26 февраля), начальник учебной команды запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитан И. С. Лашкевич (убит 27 февраля), командир крейсера 1-го ранга «Аврора» капитан 1-го ранга М. И. Никольский (убит 28 февраля), главный командир Кронштадтского порта адмирал Р. Н. Вирен (убит 1 марта). Это они, верные присяге и долгу, подло убитые, заколотые, сожженные заживо, являются истинными мучениками Февраля, а не мародёры и дезертиры, погибшие либо в стычках с полицией и войсками, либо в пьяных перестрелках друг с другом. Эту публику хоронили на Марсовом поле Петрограда под революционную песню «Вы жертвою пали...».

С первых же дней февралистского режима проявилось его полное пренебрежение к закону и правосудию. Без предъявления какого-либо обвинения была арестована Царская Семья, включая несовершеннолетних детей. По всей стране в тюрьмы брошены сотни так называемых «представителей старого режима»: губернаторов, жандармов, полицейских. 17 марта 1917 г. решением Временного правительства была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия (ВЧСК) — первая ЧК. Через год с небольшим практически одноимённая организация станет главной исполнительной силой красного террора и зальёт Россию кровью. Мало кто знает, что страшный термин «враг народа» появился в феврале — марте 1917 г.

По постановлению первой ЧК, также без предъявления обвинений, в тюрьме Петропавловской крепости оказались все министры Императорского правительства, за исключением тайных пособников переворота П. Л. Барка, Э. Б. Кригер-Войновского и Н. Н. Покровского. В Петропавловскую крепость были помещены подруга Государыни А. А. Вырубова и некоторые другие приближённые Царской Семьи. Вся их «вина» состояла лишь в том, что они служили Царю. Керенскому были хорошо известны условия содержания узников Петропавловской крепости. Один из них, бывший министр юстиции и председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, написал Керенскому

[1] *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. С. 130.

[2] *Врангель Н. Е.* Воспоминания от крепостного права до большевиков. Берлин: Слово, 1924. С. 123.

[3] *Пришвин М. М.* Дневники. 1914–1917. – СПб.: Росток, 2007. С. 112.

письмо: «Испытывая чрезвычайные стеснения от исключения верхнего пальто, шапки, галош, смены белья, туалетных принадлежностей, папирос, денег и часов и имея в виду, что всё это отобранное у меня осталось в Государственной Думе, покорнейше прошу сделать немедленное распоряжение о пересылке указанных выше вещей по новому месту содержания»[1]. Просьба Щегловитова осталась без внимания, и до самой своей мученической гибели от рук большевиков он находился в заточении в тяжелейших условиях. Бывший председатель Совета министров Б. В. Штюрмер был замучен в Петропавловской крепости. Больного истощённого старика революционные власти поместили в Трубецкой бастион, где подвергали побоям и оскорблениям. Когда Штюрмер умирал, жена и другие родственники хотели пройти к нему, но их задержали караульные, объявившие: «Никого не пропустим! Пускай околевает при нас и только при нас. Много чести ему прощаться с родственниками»[2]. Заметим, что речь идёт не о большевистских застенках, не о сталинском ГУЛАге, а о тюрьме «самого демократического правительства свободной России». Обо всем этом были осведомлены Керенский, князь Г. Е. Львов, просвещенный поборник свободы профессор Милюков, думский краснобай Родзянко, почтенный член ЧСК, редактор её стенографических отчетов, поэт А. А. Блок. Певец «Незнакомки» не побрезговал соучаствовать в постыдном судилище над беззащитными людьми. В письме к матери от 18 мая 1917 г. Блок описывал свои впечатления от посещения заключённых в Трубецком бастионе: «Пошли в гости – сначала к Воейкову; это – ничтожное довольное существо. Потом пришли к Вырубовой (я только что сдал её допрос); эта блаженная потаскушка и дура сидела со своими костылями на кровати»[3]. Зная, как умирал в 1921 г. брошенный всеми поэт, трудно избавиться от мысли о Божьем возмездии.

Не может не потрясать степень малодушия, которое охватило многих представителей практически всех слоёв русского народа, включая и священнослужителей. Так, митрополит Вениамин (Федченков), на глазах которого толпа растерзала губернатора Твери, размышлял: «Я думал: вот теперь пойти и тоже сказать: не убивайте! Может быть, бесполезно? А может быть, и нет? Но если и мне пришлось бы получить приклад, все же я исполнил бы свой нравственный долг... Увы, ни я, ни кто другой не сделали этого... И с той поры я всегда чувствовал, что мы, духовенство, оказались не на высоте своей... Несущественно было, к какой политической группировке относился человек. Спаситель похвалил и самарянина, милосердно перевязавшего израненного разбойниками иудея, врага по вере... Думаю, в этот момент мы, представители благостного Евангелия, экзамена не выдержали, ни старый протоиерей, ни молодые монахи... И потому должны были потом отстрадывать»[4].

---

[1] *И. Г. Щегловитов* – А. Ф. Керенскому//ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1.Д. 520. Л. 1-2.

[2] *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. Спб.: Царское Дело, 1998. С. 355 - 356.

[3] *Блок.* Сочинения: В 1 т. М.; Л., 1946. С. 566.

[4] *Вениамин (Федченков),* митр. «Я вспоминаю...» Из записок архиерея. М., 2010. С. 98.

Измена Царю была неразрывно связана с изменой Родине. «Солдат решил, что раз Царя не стало, то не стало и Царской службы и Царскому делу — войне — наступил конец. Он с готовностью умирал за Царя, но не желал умирать за "господ". Офицер, призывавший солдата защищать Родину, становился ему подозрителен. Раз была объявлена "свобода", то кто имел право заставлять его, солдата, проливать кровь на фронте, когда в тылу рабочие провозгласили восьмичасовой трудовой день, а односельчане готовились поделить землю помещика?»[1]

Ещё до опубликования текста так называемого отречения Государя, 2 марта 1917 г., в печати появился «Приказ № 1», который стал отправной точкой развала армии. Главным в приказе был пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. Один из авторов приказа меньшевик И. Гольденберг объяснял позднее причину появления приказа: «Приказ номер один — не ошибка, а необходимость... В день, когда мы "сделали революцию", мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались и приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство»[2]. Солдаты начали митинговать, выходить из окопов, брататься с немцами. Для германского командования свержение царя стало неожиданным, но очень ценным подарком судьбы, преподнесенным, хотя, наверное, и без умысла, русскими заговорщиками и их западными покровителями. Немецкий генерал Людендорф писал: «На востоке наступила огромная перемена. В марте споспешествуемая Антантой революция свергла Царя. Власть захватило правительство с сильной революционной окраской. Наше общее положение значительно улучшилось. Предстоящие на западе бои меня не страшили»[3].

Для того чтобы добить Россию, смертельно раненную «февралистами» и ее же союзниками, германское верховное командование дало возможность проехать через свою территорию из Швейцарии в Петроград русским социал-демократам во главе с Лениным. Приезд этого экстремиста лишь усугубил всеобщий развал в России, который шёл от самых верхов Временного правительства.

Кроме создания комитетов и разгрома командования, «реформатор» Керенский распорядился уволить из рядов армии всех нижних чинов старше 43 лет. Такая частичная демобилизация выбила из вооруженных сил наиболее опытный унтер-офицерский и солдатский костяк. В конце апреля генерал Поливанов, бывший царский министр, выпустил при поддержке революционного вождя Керенского «Декларацию прав солдата», которая, по словам генерала Алексеева, «вогнала последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы». По этой декларации все военнослужащие получали право принадлежать лю-

[1] *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 1–4. М.: Голос, 1992. Т. 4. С. 235.
[2] *Claude Anet*/ La revolution russe:Juin – Novembre 1917. Paris – Payot et C-it, 1918. P.61.
[3] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914– 1918 годов / Под ред. А. Свечина. М.: Государственное издательство, 1924. С. 132.

бой политической партии, вести любую пропаганду, участвовать в выборах. Отменялось отдание воинской чести, отменялись все дисциплинарные взыскания. Армия превращалась в стадо. Она кишела агитаторами и пропагандистами, постоянно собиравшими митинги и шествия. На фронте происходили неслыханные вещи. На одном из участков фронта митингующие «миротворцы» поставили возле цейсовской трубы часового, чтобы тот не подпускал к ней офицеров. «Мотивировали они это тем, — вспоминал очевидец, — что теперь революционная демократия, скоро заключат мир с немцами без аннексий и контрибуций, так что стрелять больше не надо, а так как все офицеры контрреволюционеры, то они этого замирения не хотят и поэтому сами стреляют по немцам»[1].

На другом участке фронта «по нашим офицерам- артеллеристам, идущим на наблюдательный пункт или на дежурство, стали стрелять. Стреляли из нашего же резерва у опушки. Солдаты же проходили совершенно спокойно. Офицеров легко узнавали по зеленым брюкам, поэтому граждане-солдаты не ошибались. Зато мы могли похвастаться, что у нас самая свободная армия в мире»[2]. В такой обстановке Ставка продолжала разрабатывать новое наступление. Однако, продумав все до мелочей, генералы не знали самого главного: удастся ли им вывести солдат из окопов. Германское командование тем временем продолжало через своих платных агентов и через большевистскую партию устраивать демонстрации и митинги в Петрограде под лозунгом «Мир без аннексий и контрибуций!». Подготовка к наступлению проходила в условиях, которые генерал Алексеев определил следующими словами: «Армия на краю гибели». Но он ошибался: армия уже погибла. «8 — 16 июля. Конец России. Войска перестали быть войсками. Россия потеряла возможность защищать самое себя», — писал в своём дневнике профессор Ю. В. Готье[3].

Наступление Юго-Западного фронта продемонстрировало небывало высокий уровень артиллерийского огня. Он буквально смел противника с лица земли. Это был результат преодолённого под руководством Государя «снарядного кризиса». Затем вражескую оборону прорвали корниловцы, которыми командовал капитан М. О. Неженцев. Они захватили семь тысяч пленных и 48 орудий. Но, продвинувшись глубоко на вражескую территорию, корниловцы не получали никакой помощи от остальных частей, которые опять начали митинговать. Немцы нанесли ответный удар, достигнув небывалого успеха, которого не ожидали сами. Русские бежали толпами, оставив в руках неприятеля 85 офицеров, 2900 нижних чинов, десять орудий. «Это были уже не те русские солдаты», — злорадно отметил Людендорф. Девятого июля три немецкие роты обратили в бегство две русские дивизии. Отрадным исключением было сопротивление преображенцев под командованием полковника А. П. Кутепова. Тем не менее 12 июля противник занял Тернополь, и та-

[1] *Русское* прошлое. 1 – 1991. С. 84.
[2] Там же.
[3] *Зимин Ю. В.* Россия – Революция – Гражданская война. С. 59.

ким образом вся Буковина и Червленая Русь были оккупированы. Двадцать первого августа германские войска вступили в Ригу. Русские беспорядочно бежали за Двину. «Армия обезумевших тёмных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования. Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах», — писал в те дни генерал Корнилов[1]. Ему вторил генерал Деникин: «Фронт представлял зрелище небывалое. Он забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов своих братьев, погибших бесцельно и бесполезно. Беспощадная рука вытравляла в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, животным чувством — желанием сохранить свою жизнь»[2]. Русская армия агонизировала.

Таким образом, в феврале 1917 г. рухнули государственные и духовные опоры русского народа, произошёл серьёзный надлом его традиционного национального кода, окончательно сломленного всеми последующими событиями.

Главной целью февральского переворота была замена русской православной цивилизации на западную так называемую демократическую цивилизацию, с её прагматизмом и либеральной идеологией. Оценивая эти устремления вождей Февраля, Иван Ильин отмечал: «Какое политическое доктринёрство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинить в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать с её наиндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада»[3].

Февраль 1917 г. привёл наш народ к Октябрю. Нет сомнений, что и Февральская, и Октябрьская революции были осуществлены под руководством единого центра. Известный русский юрист П. И. Новгородцев утверждал, что «кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов также повинен в Керенском, как Керенский в Ленине»[4]. Февраль и Октябрь — звенья одной цепи, они имели общих покровителей и кредиторов. Судя по всему, Керенский изначально был поставлен на свою должность временно и, по замыслу его заграничных хозяев, должен был быть позднее заменён более радикальным лидером. Один из ведущих финансистов русской революции американский промышленник Ч. Крейн летом 1917 г. уверял, что «революция находится лишь в своей первой фазе, она должна расти. Революция Керенского уступит дорогу коммунизму»[5].

---

[1] Там же. С. 60.
[2] *Зимин Ю. В.* Указ. соч. С. 60.
[3] *Ильин И. А.* Наши задачи. Т. 1. С. 48.
[4] *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 562 – 564.
[5] *Саттон Э.* Уолл-Стрит и большевистская революция. М.: Русская идея, 1998. С. 20.

Троцкий, Ленин и другие большевики получали деньги от тех же американских финансистов, что и Керенский. В декабре 1917 г. американский миллионер У.-Б. Томпсон направил на нужды большевистского правительства 1 млн долларов[1]. «После февральского беззакония ничего иного, кроме большевизма, не могло и не должно было быть», — считал эмигрантский литератор Виктор Кобылин[2]. Писатель Б. А. Садовский дал верное объяснение неизбежности появления большевизма: «С потерей Самодержавия я скорблю о последнем оплоте былого. Но нет — не воскресить его! Всё минуло. Мелкие людишки не поддержат великого завтра. Поэтому мечтать о возрождении России так же глупо, как надеяться на восстановление Древней Греции. Люди теперь из другого теста, с другой душой. Им не жалко ломать наши святыни. Неподданный — неверующий»[3].

Большевизм не свалился на Россию как «снег на голову». Он долгие годы взращивался в сознании русского общества. Большевизм стал закономерным итогом богоборчества и богоотступничества. В начале XX века они получили широкое развитие в душах представителей российской элиты. Архиепископ Антоний (Храповицкий) откровенно констатировал ещё в 1905 г.: «Дела идут скверно, особенно церковные: церкви всё более пустеют, а люди всё более становятся бессовестными»[4]. Самое страшное, что эта «бессовестность» охватила духовные семинарии, которые выпускали часто не пастырей, а революционеров с духовным образованием. «В семинариях, — писал отец Павел Флоренский, — воспитывались наиболее активные безбожники»[5]. Не удивительно, что духовные семинарии не давали достаточного числа священников. Благовещенская семинария, например, за десять лет не подготовила ни одного священника[6]. В предреволюционные годы жандармское управление не раз констатировало предосудительное поведение семинаристов, распространение среди них атеистической литературы, связи с радикальными студенческими организациями. Так, в одном из жандармских сообщений отмечалось, что в Тверской семинарии часть учащихся пела непристойные песни в престольный праздник перед храмом, выбрасывала из священнического дома иконы[7].

Ещё более масштабными были упадок веры и распространение богоборчества в педагогических и других высших школах. «Я учусь в высшем учебном заведении, откуда выходят учительницы, — писала в 1913 г. В.В. Розанову одна курсистка, — и вот среди этой молодёжи я до сих пор, в течение двух лет, не встретила никого, кто бы любил Родину, стремился бы к тому, чтобы принести ей пользу; нет! Кругом полное равнодушие, безразличие (в лучшем случае) ко всему русскому и, с другой стороны — презрение к России, к её якобы

[1] *Саттон Э.* Указ. соч. С. 20.
[2] *Кобылин В.* Анатомия измены. С. 198.
[3] *Садовский Б.* Заметки. Дневник (1931 – 1934) // Знамя. 1992. №7. С. 174.
[4] В церковных кругах перед революцией // Красный архив. Т. 31. М.; Д., 1928. С. 247.
[5] *Флоренский Павел,* свящ. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 659.
[6] *Евлогий (Георгиевский),* митр. Указ. соч. С. 184.
[7] *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 34.

отсталости. Всё русское — гадко и смешно! И это будущие учительницы! Что они дадут детям?! Ни веры, ни любви к Родине! А профессора (большинство) способствуют развитию враждебности и презрения к России, уже с первого курса начинают вставлять в свои лекции разные иронические словечки о России и о русских»[1].

Во всем этом богохульстве, презрении и ненависти к России отчетливо просматривается зловещий лик большевизма.

Большевизм — во всемирной истории явление особое. Ни один режим, ни до, ни после, не возводил в такой степени богоборчество и ненависть к национальному началу в ранг главных приоритетов своей политики. Основой большевизма была антимораль. Его кредо сформулировано в словах Ленина: «Нравственно то, что отвечает интересам пролетариата. Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»[2]. На деле за словесной «заботой» об интересах пролетариата скрывалось абсолютное отрицание всего духовно-русского, агрессивное и последовательное богоборчество. Ф. М. Достоевский одним коротким, но очень точным словом охарактеризовал сущность этих людей — бесы. Многие большевистские деятели в тот или иной период своей жизни погружались в оккультизм с сатанинским уклоном, некоторые являлись членами тайных обществ. Ленин, известный своей патологической ненавистью к христианству, ещё в начале XX в. читал лекции в парижской Русской высшей школе общественных наук, созданной масонской ложей «Космос»[3]. Троцкий «внимательного изучал исследования о бесах и демонах, об их князьях, дьяволе и об их тёмном царстве»[4]. Свердлов с юных лет увлекался каббалистическим оккультизмом и чёрной магией[5]. Бухарин в юности считал себя «антихристом», глумился над Святым Причастием[6], позже вступил в масонскую ложу[7]. По западным источникам, членами масонских лож являлись известные большевики Красин, Луначарский, Скворцов-Степанов[8]. Последний наряду с Ярославским (Губельманом) был инициатором и активным пропагандистом программы «воинствующего атеизма» в СССР в 20 — 30-е гг.

Всё это и было питательной средой пресловутой большевистской «нравственности» позволявшей, исходя из бесовских «принципов», уничтожать людей сотнями тысяч, в том числе и представителей того же пролетариата, лишь по причине их непригодности делу мировой революции. Та же «нравствен-

[1] *Розанов В. В.* Сахарна. М., 1998. 352.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41.
[3] *Брачев В. С.* Русское масонство XVIII–XX веков. СПб.: Стома, 2000. С. 244.
[4] *Емельянов Ю.* Троцкий. Мифы и личность. М.: Вече, 2003. С. 122.
[5] *Шамбаров В. Е.* Оккультные корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 334 – 335.
[6] *Энциклопедический* словарь братьев Гранат. М., 1926. Т. 41. Ч. 1.С.54.
[7] *Аронсон Г.* Масоны в русской политике // Новое русское слово. 8 – 10, 12. 10. 1959.
[8] Там же.

ность» вполне допускала тотальное уничтожение людей по признаку принадлежности к «паразитическому» классу и сословию. Эта «нравственность» позволяла отдавать исконные русские земли военному противнику, только для того, чтобы сохранить захваченную власть. Эта «нравственность» позволяла разрушать храмы, сжигать иконы, глумиться над честными мощами, убивать священников. Эта «нравственность» позволяла обрекать на людоедство крестьян Поволжья, Казахстана и Украины, обрекать на нищету и бесправие рабочий класс русских городов. Высказывания и руководящие указания «вождей» большевизма ярко иллюстрируют наш вывод. Возьмём для начала заявления самого главного из них — председателя Совнаркома (правительства) Ленина.

«БЛАГОВЕСТИЕ В КРАСКАХ»

Сербский святой преподобный Иустин (Попович) писал в 1966 году своей духовной дочери: «Милое мое о Господе чадо. Ты занимаешься святым и великим трудом <...>, переводя Евангелие Спасителя в краски и выражая его в святых иконах. Такое благовестие – это апостольский подвиг».

Беседа главного редактора «ДС» архимандрита Георгия (Шестуна) знакомит нас с человеком, более двадцати лет несущим такой подвиг, – сербским иконописцем Владимиром Ќидишевичем.

В 2003 году по приглашению митрополита Амфилохия (Радовича) самарский архитектор Юрий Харитонов и московский иконописец Александр Чашкин, расписавший в Самаре храм вмч. Георгия Победоносца, оказались в Черногории. Поселили их в городе Будва, где тогда шло восстановление монастыря Подмайна. Осматривая новые фрески в монастырском храме, Александр Чашкин сказал, что это росписи нового Феофана Грека. При посещении храмов и монастырей в Сербии и Черногории русским гостям удалось увидеть много других подобных работ. Оказалось, что автор – сербский иконописец Владимир Кидишевич, известный под именем Бата («младший брат»).

Родился Владимир в 1955 году в Югославии, на хуторе. Учился в гимназии в Белграде. Художественное образование получил в Белградской академии живописи.

С братией Заволжского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня

Отслужил в армии. Был художником, реставратором. Уже более двадцати лет занимается фреской – росписью по сырой штукатурке.

Познакомившись с Батой, Юрий Харитонов пригласил его в Самару, в надежде, что тот распишет строящийся по его проекту храм Всех святых. В 2007 году Владимир Кидишевич приехал в Самару и, увидев храм, согласился. Митрополит Самарский и Сызранский Сергий, посещая Сербию и Черногорию, познакомился с Батой и его творчеством. Владыка дал иконописцу свое благословение на роспись храма Всех святых, и осенью 2013 года Владимир Кидишевич приступил к работе.

– Мы сегодня вместе с вами помолились, причастились в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Животворящего Креста Господня. Какое у вас впечатление о службе и обители?

– Скажу так: закрою глаза – и я как на Афоне или в Сербии – все одно. Это для меня главное.

Еще я увидел, что это хороший монастырь, потому что монахи так сухи-сухи, а одна лишь кошка здесь то-о-олстая. Это значит, что еда в монастыре есть, но братия воздерживается.

Хорошо, что нет сюда асфальтированной дороги: был бы асфальт – к вам бы гости каждый день наезжали.

Александр Чашкин, Юрий Харитонов и Владимир Кидишевич (Бата). Черногория

Заволжский Свято-Ильинский женский монастырь. Беседа с игуменией Ниной (Механиковой)

– Расскажите про иконы. В России почти сто лет ничего не было, а сейчас снова храмы строят, иконы пишут. В основном берут образцы и копируют. В чем же суть иконы?

– Я не знаю, зачем художники сейчас только копируют. Надо писать, как Бог научил, открыл, как душа требует. Что в душе, то будет на доске. Не знаю, как сказать по-русски... Это должно быть «живописание», а не «мертвописание». У нас называют «живопись» и у вас тоже. Надо живописать, а не мертвописать. Если нужна хорошая копия, то зачем на доску переводить – это же стоит больших денег. Проще напечатать на бумаге: три рубля – и вот хорошая копия.

В иконе главное – лик. Много делают копий безликих. Хорошо передают одеяния, все складки, а вот лики получаются невыразительные.

Когда я работаю, меня часто спрашивают: где эскиз, где картон, где проектор, где бумаги? Думаю, что через несколько лет только так и будут работать... Это очень плохо. Уже не смогут без проектора, без чертежа.

Если копируют иконы, не замечают, что лик – VIII века, одежда – XIV века, а цвета – XIX века. Для копирования не надо знать ничего, не надо работать головой, сердцем и душой.

– Когда вы стали писать иконы?

– После академии я был рабочим на реставрации монастыря XIII века. Мы восстанавливали фрески. Там был старый художник, он наблюдал за нашей работой. Он много знал и мне говорил, что повидал в жизни, рассказывал о кра-

сках. Показал, что синяя – из-под зеленой земли, а темно-синяя – из-под неба. Этот человек и мой профессор из академии открыли мне технологию фрески.

Потом я работал в обычной художественной артели, писал картины маслом, абстракции. Не знаю, что случилось, но в один день пришла мысль идти в церковь. Я никогда не был на Литургии. И вот в воскресенье в восемь утра, когда я был в центре города, меня как будто кто-то взял за руку и повел.

Потом я пришел домой, взял все мои книги о художестве, все краски, масло – и все выбросил с балкона. Жил я тогда на пятом этаже. У меня была одна доска, не помню для чего, и я написал Богородицу. Это был 1984 год. С того дня я пишу только иконы и фрески. Это чудо! Хвала Богу за все!

Около десяти лет писал иконы. Люди покупали их, потому что я не делал копии, а писал большие иконы. Сейчас почему-то для дома делают малые иконы. Такие иконы не для дома, они для благословения, для дома нужны большие.

– А сейчас вы пишете иконы на досках?

– Не так часто, но пишу.

– А где берете доски на иконы?

– Беру любые. Если доска была несколько лет, скажем, два-три года, на улице, на солнце, под дождем – это наилучшее.

Сейчас у мастеров много готовых досок с левкасом. Их не надо делать самим, готовую шикарную доску можно купить. Потом золото. Без золота никуда.

Я сказал один раз людям, которые делают доски с грунтом, гладкие как стекло. Осмотрел такую доску – я не могу с ней работать. Она готова. На ней ничего не хочется писать, она сама по себе хороша. Ее уже так можно вешать на стену.

– Есть разница: писать иконы на досках или на стенах?

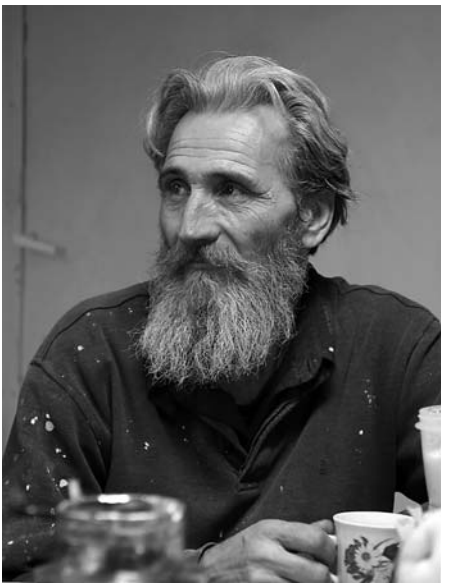
– Конечно, есть. Иконы – одно, стенопись – другое. В иконе надо быть более тщательным в деталях – она здесь, близко. А фреска в храме, на стене. Если там делать, как на иконе, маленькие детали, то на расстоянии пяти метров это невозможно увидеть. Там все быстрее и грубее. Нет таких тонких переходов: они не работают на фреске. А в иконе все прописывается более тщательно.

С фреской по сырой штукатурке надо быстро работать. Это не икона, которую можно отложить, сделать перерыв, оставить на завтра. А в храме по влажной штукатурке надо завершить работу за один день. Это тяжело.

Конечно, сегодня много людей, мирян и монахов, которые пишут иконы. Многие из них говорят, что не надо идти в художественную школу и академию, если хочешь работать с иконой. «Почему?» – спрашиваю. – «Потому что икона – это не художество, это другое». А потом они пишут иконы, на которых одно око – здесь, а другое – там. Анатомии не знают. Конечно, они же не учились в художественной школе...

А учиться надо. Надо знать, что такое композиция, что такое гармония. Художество и импрессионизм, египетская и греческая скульптура, барокко, модернизм – это только школа.

В Черногории я был в одном женском монастыре. У монахинь было благословение митрополита смотреть, как я работаю. Хотел посмотреть их рисунки, но они отвечали, что у них нет рисунков. Спрашиваю: – «Но как же вы делаете?» – «Мы сразу начинаем писать икону». – «Но как же так? Надо сначала нарисовать, а потом краски накладывать». – «Нет, – отвечают, – мы так».



В минуты отдыха

А митрополит Амфилохий[1] сказал им, чтобы они слушали меня. Я поставил на стол яблоко и просил до завтра нарисовать его. На следующий день посмотрел их рисунки – очень плохо. Там были в тот день две монахини, спрашиваю их: «Как вам это нравится?» Они отвечают: «Плохо». – «Значит, не умеют яблоко нарисовать, а Богородицу умеют?»

Надо учиться, знать анатомию, правила. А еще иметь дух. Дух дается на Литургии, а анатомия – в художественной академии.

Все знания, которые человек берет из жизни, он передает на икону, не на пейзажи, портреты, а на иконы. Потому что в иконе – наилучшая гармония и композиция. Например, Донская икона Богородицы – это совершенство гармонии и композиции плюс духовность.

Сейчас пишут иконы новых святых, которые не имеют иконописных ликов.

Человек учится на художника, а потом становится копировщиком. Зачем тогда было учиться? Если ты учился, то будь художником в иконе, но не просто художником, а иконописцем.

– Как вы начали писать фрески?

– Лет двадцать назад я тоже копировал. Потом увидел, что моя душа – праздная. Икона, золото – все как в оригинале, но меня ничего не радует. Потом я закрыл все книги, репродукции и начал писать. Вначале – Богородицу, как я Ее увидел в своей душе. И мне стало хорошо.

Уже расписал двадцать храмов в Сербии, Черногории, на Афоне, а сейчас и в России. Хвала Богу и слава!

[1] Митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий (Радович) – архиерей Сербской Православной Церкви, один из крупнейших христианских мыслителей нашего времени. Родился 7 января 1938 г. в селе Баре Радовича, в Нижней Мораче. Окончил Духовную академию Св. Саввы в Белграде, где ныне преподает на кафедре православной педагогики. Учился на философском факультете Белградского ун-та. Преподавал в Париже в Свято-Сергиевском ин-те. Духовный сын прп. Иустина (Поповича) и афонского старца Паисия.

В России оказался по благословению митрополита Амфилохия. Этот владыка меня многому научил. Но много мы никогда не разговаривали. За двадцать пять лет он мне сказал несколько слов, это все. Он объяснил мне, как надо делать, чтобы работа была хорошая: «Что первое на ум придет, то и делай. Если будешь думать – ничего не получится, потому что первое – от Бога, а второе, третье, четвертое – это уже твоя комбинация». И я старался следовать его советам все эти годы.

Однажды владыка Амфилохий спросил меня: «Почему ты не делаешь фреску? Мне нужна в одном храме фреска "Жертва Авраамова". Сколько тебе надо денег?» Я так обрадовался: «Это я вам, Владыка, должен дать деньги за то, что вы дали мне стену!» Это был мой первый опыт. Когда освящали храм, митрополит спросил: «Эту фреску можно окропить?» – и вылил на нее всю святую воду.

В академии нам преподавали римскую фреску: как делать раствор, как его накладывать на стену. Когда я занимался реставрацией, видел фрески в старых монастырях. На службе трудно рассмотреть росписи: идет Литургия, молитва. А на лесах у меня было время, весь день я изучал, как раньше работал мастер, что он делал.

– За что вы так любите фреску?

– Здесь должно быть мало материала и все природное – Божий материал. Так мы ближе к Богу. Чем меньше наших технологий, тем мы ближе к Богу. Это просто и долговечно. Для православного верующего человека икона за Литургию должна все сказать. Мягко, потихоньку. Сильной, яркой краски не надо. А у нас краски натуральные, поэтому я люблю фреску.

– В Сербии сейчас еще кто-то пишет фрески?

– Еще пишет мой друг – иеромонах Лазарь. Мы вместе работали в четырех храмах: я – алтарь, он – купол, я – левую сторону, он – правую, а «запад» вместе. Очень хорошо получилось. Потом он ушел в монастырь, я женился.

– Иконописцы берут природные краски в той местности, где работают, поэтому и иконы разные?

– От этого школы разные: новгородская, псковская, ярославская…

Первый раз в 1991 году мы работали с отцом Лазарем в монастыре красками из Германии. И так один месяц, другой месяц. Мне было не по себе: краски разноцветные на лесах, как конфетные обертки.

В одно воскресенье, мы пошли погулять на гору. Было жарко, мы устали, сели на траву. И под ногой я увидел желтую землю. Я потер – желтая.

Отец Лазарь спросил:

– Что это?

– Краска, – отвечаю я.

Он взял в руки, посмотрел: «Да!» Мы набрали пакет. Вернулись – поставили в воду. Отстоялась – мы получили желтую охру. Дал ее отцу Лазарю.«Иди, – говорю, – пиши ореол (нимб)».

Он нанес на ореол. И когда наутро мы зашли в храм, то увидели, что все краски темные, все темно, только этот ореол сияет. И мы сказали: «Все, больше из Германии не надо», – и выбросили остатки в реку.

Потом из этой охры мы легко получили красную: ставим на печь на несколько минут. Белая – известь, черная – сажа от виноградной лозы. Это очень просто: подпалите – лоза быстро горит, добавите воду, и у вас будет краска черная как уголь.

Белая есть, черная есть, желтая – есть, красную добыли. Все – ничего больше не надо.

Черная из лозы, натуральная охра и чуть-чуть извести – получается хорошая зеленая.

– А синяя?

– Если смешать черную от виноградной лозы и известь – будет голубая. Это чудо, но она будет голубая!

– А известь гашеная?

– Гашеная, специально гасят водой. Известь – это камень, который будет потом снова камнем, потому фрески и долговечны. Штукатурка станет камнем. Я всегда славлю Господа за все! Кто первый это увидел? Кому первому пришло в голову, чтобы измельчить камень, добавить воды и получить его в другом состоянии – текучий камень. Камень, который можно наливать! Это наука.

– Сейчас художники очень много красок применяют в иконописи, хорошо ли это?

– Если много красок – это попугай, птица такая, у нее много красок. Так не надо. Зачем на иконе попугай?

Я видел старинные храмы XII – XIII веков, там также две-три краски – и все, и только природные.

– А у вас сколько красок?

– Две-три. Иной раз у меня нет голубой. Но в росписях храма Всех святых я добавил и использую ее, потому что это большой город, большой храм, много людей. А эта краска, как царская. В византийском храме должна быть и голубая краска. А если маленький, как у нас в Черногории, Сербии и на Афоне, я голубую отдельно не использую, только черную и белую в комбинации с охрой – она будет голубая. Но это надо знать.

Иной раз у меня нет красной. Ставлю охру в печь – и она становится красной как кирпич. И одна зеленая земля. Это все, больше не надо.

– Сейчас используют акриловые краски. Чем они отличаются от природных?

– Это другой вопрос. Дело в человеке, а не в краске. Значит, человек не научился ничему другому. Почему так? Я люблю кофе, а другой любит чай. Я только кофе пью, чай – никогда. Я думаю, что это у меня хороший вкус, а другой, который пьет только чай, так же думает о себе. Это проблема.

В современной жизни – телевизор, много рекламы на улице, много цветов. И люди видят только такие цвета. У них и дух такой. И человек не может представить, как икону можно писать земляными красками, он их просто не видит.

За работой в храме Всех святых в Самаре

Многие люди не знают, откуда приходит солнце, не видят рассвет, не знают, откуда молоко, – думают, из магазинного «тетрапака». Люди все время смотрят телевизор, компьютер, видят яркие цвета, которых нет в природе.

Мой сосед каждый вечер принимает гостей. Уже двенадцать часов ночи, а они все у него. А завтра в шесть на работу, и так каждый день. И он мне говорит: «Как мне тяжело, как я устаю...» Конечно, тяжело – какая жизнь у тебя! Многие люди так живут, а так жить не надо.

Сегодня работают люди, которые, по сути, не художники, они этому не учились. Они не учили, что такое композиция, что такое гармония, знают только, как копировать. И таких много. Сегодня батюшки и монахи не знают, как надо следовать традиции в иконописи. Тридцать лет назад такого не было, теперь же и священники не всегда могут отличить икону от копии, а это плохо. Иногда люди пытаются копировать фрески старинных храмов, монастырей. Но там фрески, как воздух! А современный человек – копирует – и его фреска подобна рекламе жигулевского пива: малюет яркими химическими красками, а сам стоит в храме, глядит в оригинал – и не видит разницы! Просто невозможно на это смотреть, а он не видит! Это проблема.

Многие не понимают, зачем ходить в храм, зачем Литургия? Можно дома посмотреть фотографии храмов, росписей. Можно послушать песнопения, посмотреть видео Литургии на Афоне, в Белграде. Все можно увидеть дома, зачем

Земное и небесное

в храм ходить? Не понимают, что главное – это живая Литургия.

– Есть ли у вас ученики? Передаете ли вы кому-нибудь свои знания?

– За двадцать лет у меня было десять или двенадцать учеников. Но никто не захотел остаться со мной. Думалось мне, что я плохой учитель. Сказал об этом владыке Амфилохию. Причина же, скорее всего, была в том, что мы много работали в монастырях. Мои помощники все работали семь-восемь дней и уезжали. Я не знал почему, но потом понял: в монастыре надо слушаться игумена, ходить в храм на молитву, надо молчать.

Долго работали в одном монастыре, за это время ко мне приходили ученики. Я говорил им: «Мы не идем в город, монастырь в девять вечера закрывают, а завтра в 4.00 – на Литургию и на работу». Но они каждый день уходили в город – по магазинам, в кафе, на пляж. Так они и ушли. Никто не хочет вставать рано, в три-четыре утра. Надо каждый день делать штукатурку, раствор, леса ставить. Это тяжело. Хотят только писать иконы, чтобы были чистая рубашка, кофе, ракия. Моя работа не такая, потому и нет учеников.

Я научил одного монаха в Черногории, который жил там на острове на озере. И еще одного монаха на Афоне в Хиландаре.

– Богословие вы изучали?

–Я не знаю богословия. Я только художник.

– А святых вы изучали? Читали о них, смотрели, реставрировали их иконы? Такое ощущение, что вы просто знаете святых лично, такие живые они у вас получаются. Даже лики ангелов все разные и реалистичные.

– Знаете, вы видите сколько нас – первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой – ни один не похож на другого. Так же и там. Это жизнь. Так Господь сделал, и мы должны глядеть на Него. Каким был святой, как жил, что делал. Я прочитал жития святых и много-много книг.

Как можно написать пророка Исаию, если художник не знает его, какой он был – седовласый или темный, маленький или большой? Когда написал пророка Иезекииля, меня спрашивают, почему у него глаза такие удивленные, как

у ненормального. А я говорю: «Почитай, что он увидел? Всеобщее воскресение мертвых: как кости обрастают плотью и кожей и оживают... Если бы ты такое увидел, какие были бы у тебя глаза?»

– Как стать хорошим иконописцем?

– Если художник собирается стать хорошим иконописцем, он должен вести себя как человек, который хочет быть хорошим футболистом. Что он для этого делает? Он каждый день ходит на тренировки и занимается целый день. И так он становится хорошим футболистом. Так и иконописец. Надо много работать, ходить на Литургию, причащаться и исповедоваться, читать Священное Писание, Жития святых. Что будет в душе, то будет и в иконе.

Св. пророк Иезекииль

– Когда заходите в новый храм, вы уже видите как его надо расписывать?

– На это есть правило, канон: что должно быть в алтаре, что в куполе, на правой и левой сторонах, и в храме. Для начала надо сделать иконографический план.

Храм мученика или святителя, приходской или монастырский, деревенский или городской – все они имеют свои различия, и роспись отображает это. И эти различия надо учитывать, чтобы роспись была доброй.

Храм создан для Литургии! Главное – Литургия, остальное – ничто. Это не выставочный зал, не место для чтения или пения. Не нужно много окон, стены – для фрески. Зачем много света? В темноте все открывается постепенно, как в Боге. Сначала темно, ничего не видно, а потом – о! Георгий Победоносец. С другой стороны – о! Димитрий Солунский. Красота! Не надо, чтобы в окна заглядывал этот мир: внутри, в храме – свой мир.

Я спрашивал у монахов, почему раньше не было, да и сейчас нет пустых пространств на стене, а все занимают росписи. Ответ был таков: «А чтобы ум не отвлекался на пустое место».

В Хиландаре во время обеда я сидел напротив окна и всегда смотрел в него: на ветер, как деревья наклоняются. Игумен заметил это и сказал мне: «Больше не садись на это место!» – и повернул меня так, чтобы я видел только святых. Он ничего не стал объяснять, а я спрашивать, только сказал ему: «Благослови». Но я точно знаю, что он пересадил меня из-за того, что я смотрел наружу.

– В храмах вообще свободного пространства не должно быть?

– Да. Это же иконы. Что надо еще? Если не будет икон, то человек – на улице.

– Как создается храм?

– Если мы христиане, мы знаем, Кто главный. Главный – Господь! Он все благословляет. А на земле храм должны создавать три человека: епископ, архитектор и художник (иконописец). Епископ благословляет, архитектор и художник думают: что, как и где будет. Очень важно, чтобы архитекторы и иконописцы молились, ходили в храм, на Литургию. Знали, что происходит в алтаре.

Православные храмы не блистают наружным украшением. Это как человек: главное не снаружи, а внутри. Внутри, в сердце, Бог! Снаружи храм простой, а внутри – иконы, фрески, золото, кадила, хорос[1], благовония – Царство Божие! У католиков всё наоборот: снаружи красота, а внутри ничего – холодно.

В архитектуре все должно быть природным: камень, кирпич, краски. Сегодня считают, что это плохо, что надо заменить раствор извести гипсокартоном, дерево на окнах пластиком. А люди почему-то принимают все это, думая, что так лучше. Я сам сложил восемь кирпичных иконостасов, делал по ним фреску. При этом не пользовался отвесом, и если стена чуть-чуть уходила – выравнивал и шел дальше. И она стоит так – не идеально ровная, а живая. Говорят: «Не надо так!» – и показывают стены и углы, к которым страшно прикоснуться – ровные и острые, как нож. Ставлю штукатурку, сглаживаю, и нет «ножа» больше. Становится мягко, тепло – по-людски. Это не криво, это – живо. Если криво, то это плохо, а живо – это хорошо. Так делали в старых храмах.

– Вы бывали на Афоне в сербском монастыре?

– Да, делал фреску в Хиландаре. В Есфигмене, где живут зилоты[1], случился один интересный случай. Около монастыря я увидел пещеру. Маленькая пещера два на два метра. Жил я тогда у одного келиота, и он спросил меня, где я был. Рассказал, что был в Есфигмене и видел там эту пещеру. Келиот сказал: «Это пещера, в которой жил Антоний Киево-Печерский». Слава Богу! И на мобильный телефон мне пришло сообщение: жена поздравила меня с днем рождения. У меня был день рождения, и я был в пещере святого Антония! И когда потом посмотрел календарь: 23 июля – память мучеников, пострадавших в Никополе, и преподобного Антония. В этот день я был у него в пещере! Это интересно, – Сам Господь все так устроил.

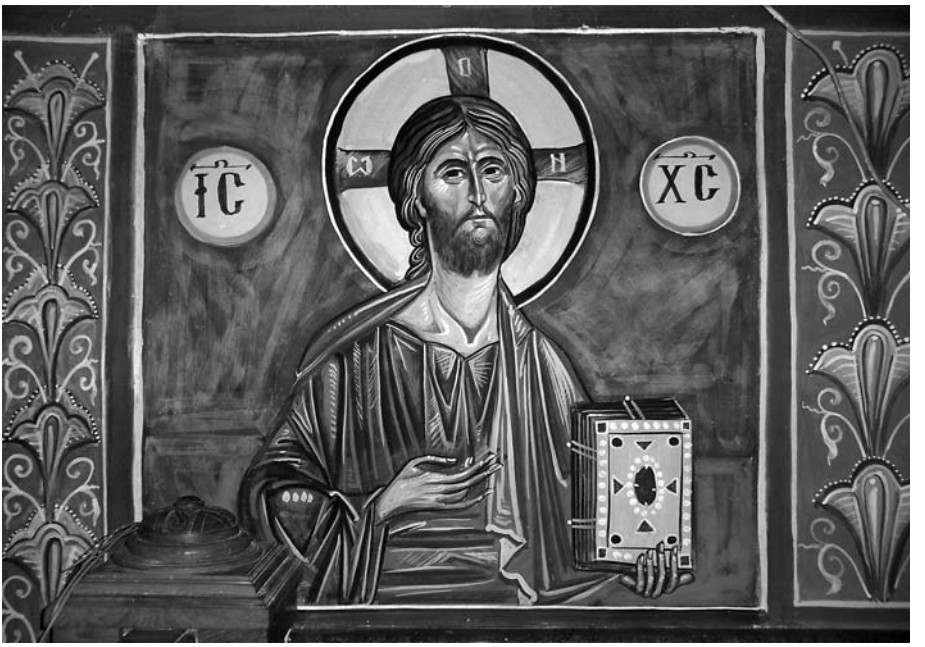
– По сырой штукатурке надо работать быстро. А как же, если икона большая, много фигур?

– Каждую краску надо сразу класть на те места, где она должна быть. Например, нужна красная – наноси сразу везде. Не на одно только место, а потом на другое, – нет, сразу на все места клади красную.

– Праздники – это сложные композиции, как возможно написать их за день?

– Обычно... Например, ореолы – это желтая охра. Надо двенадцать ореолов, так на все сразу и наносим, чтобы эту краску уже убрать, если она больше

[1] Хорос (*греч.*) – паникадило в форме одноярусного и многоярусного круга.



Роспись сербского храма

не понадобится. Потом лики, руки, если в полный рост – ноги. И так раскрываем всю икону. Не по одному святому: сначала святителя, потом одного апостола, другого... Нет, пишем всю икону сразу.

Невозможно писать один завершенный фрагмент. Так нельзя: работаешь, работаешь, а потом пошел отдыхать. Так будешь работать три года. Далее начинаешь работать со складками, – только складки и все сразу, а не одну, думая: остальное потом, а сейчас буду писать ноги, руки. Нет, тогда будет хаос, и человек не успеет за весь день.

– Многие, когда пишут икону, боятся ошибиться. Поэтому нужны макеты, черновики, прориси, переводы...

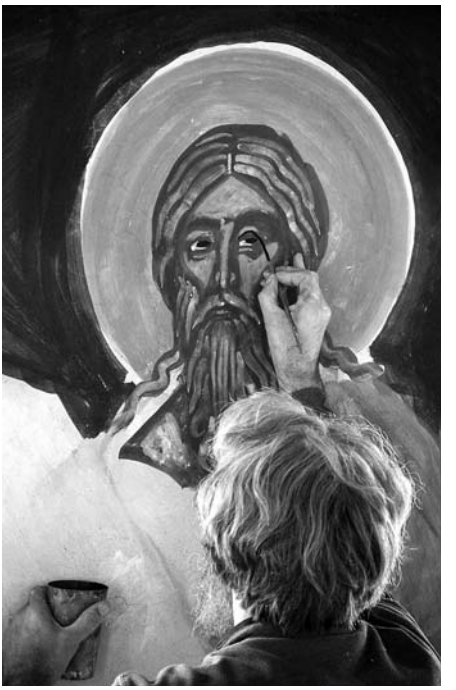
– Почему иконописцы считают, что в иконе ничего нельзя исправлять, дописывать. Будто она один раз написана, и её нельзя трогать! Кто не ошибается в мире? Кто может сделать сразу всё без исправлений? Один Бог! Человек часто ошибается, исправляет. Это нормально.

– Когда смотришь на образы Спасителя, написанные в разных странах, видишь присутствие национальных черт в Его Лике. Что это?

– В Хиландаре есть знаменитый образ Спасителя. Некоторые думают, что его написал серб. Как они не видят, что это писал грек?! В каждой стране свой Лик Христа. У русских Лик русский, у греков – греческий. У одного старца

[1] Зилоты – церковная партия в Константинополе XII – XIV вв., ведшая борьбу с партией «политиков». Представители этой партии проповедовали самостоятельность Церкви и невмешательство в ее дела.

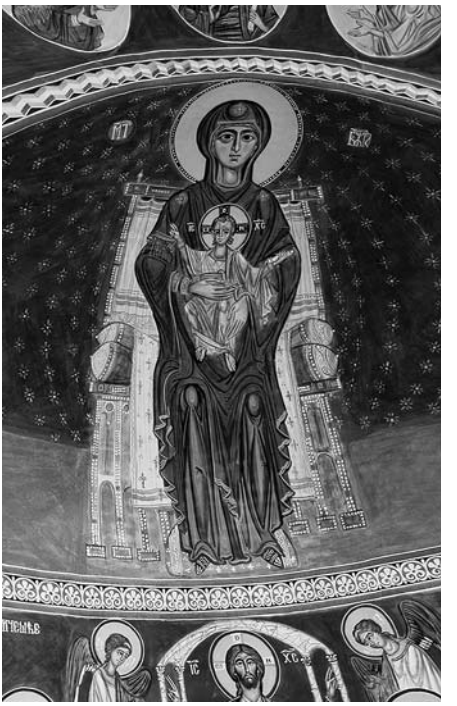
Этапы росписи



Этапы росписи

МТ
ІС
ХС

МТ
ІС ХС


МТ
ІС
ХС

СТИ
ВЕЛИКОМУЧЕНИК
ГЕОРГИЈЕ
СТИ ВЕЛИ
КОМУЧЕ
НИК
ДИМИТРИЈЕ
СТЫ
ИСТА
КЪ
СИЛИ
НЬ
СТЫ
СИМЕ
СОНЬ
МИРО
ТОЧЬЦЬ
ХОТЕИ
СПСТИ СЕ
СОПРАЗУ
СЛОВИЯ
ДА ПРѢ
СТАНЕТЬ
ШИДЪ
ЕЧЕДА
ПЕЛУШАИ
ТЕМЕНЕ
И СТРАХ
У ТНЮ
НАУЧЮ
ВЫ

ПАЛАМА
СИРИН
СИРИН

ІС
ХС

спросили, сколько Ликов у Христа? И он ответил: сколько народов на земле, столько и Ликов.

– Как серб чувствует себя в России?

– Мы, сербы, – народ маленький, но как маленький красный перчик, мы говорим: «Попробуй нас!» Мы не видим себя без России, без русских. На вопрос, сколько всего сербов, раньше отвечали, что нас с русскими – 300 миллионов. Сейчас, наверное, поменьше.

– В наше время трудно выбрать, кого можно считать сербом, кого – русским.

– У нас был духовный старец Иустин (Попович), большой человек, сейчас он канонизированный святой. Властвовавшие тогда коммунисты думали, что он против них, а он только молился и проповедовал на Литургии. В газетах и на телевидении не выступал, за ним шпионили. Однажды его арестовали и повезли на суд в Белград. Везли в вагоне поезда, сопровождал его полицейский, который был хорошим человеком. Они разговорились. Полицейский спрашивает отца Иустина, почему и зачем он против государственной власти, против Тито, против коммунизма. Старец ответил: «Кто вам сказал, что я против коммунизма? Это вы против меня». Полицейский стал говорить святому, что, мол, наша держава хорошая, у нас все есть, и хотел, чтобы отец Иустин это подтвердил, согласился с ним. А отец Иустин спрашивает его: «А кто ты?» Полицейский ответил, что он серб, любит Родину и хочет, чтобы его держава процветала, поэтому ей служит. Старец переспросил его: «Почему думаешь, что ты серб? – Ты веруешь в Бога, молишься, ходишь в церковь, на Литургию? Твои папа и мама веруют?» Полицейский сказал, что Бога нет, родители – коммунисты, сейчас новая эпоха: «Но я – серб, потому что я родился в Сербии, мои родители родились в Сербии». Тогда отец Иустин, показывая в окно на пасущееся стадо, сказал: «Но и бык тоже рожден в Сербии, и родители его родились здесь, но он не серб!» Это ведь правда, а люди ее не знают, или не хотят знать.

Храм Всех святых. 2007 г. Самара, архитектор Ю. И. Харитонов

Мне хорошо в Самаре. Я работаю в храме, который проектировал мой друг Юрий Харитонов. Юрий приютил меня. Мы с ним познакомились в Черногории. Он хороший человек, у него добрая семья, они заботятся обо мне как о родном.

В Самаре много хороших православных людей, много храмов, монастырей. Очень я благодарен владыке Сергию, митрополиту Самарскому и Сызранскому, за приглашение, за благословение и возможность рабо-

С самарской ученицей – игуменией Ниной (Механиковой)

тать на Русской земле. Владыка знает и бережет традиции, это видно по храмам и иконам.

Когда меня пригласили, не очень хотелось ехать: в Сербии тепло, солнце, а в России дождь, снег и холод. Но митрополит Амфилохий спросил у меня, сколько русских расписывают храмы в Сербии? Сказал ему, что знаю несколько человек. Тогда он спросил: «А сколько в России работает сербов?» Я ответил, что ни одного. И он на это сказал: «Ты будешь первый. Тебя митрополит приглашает, владыке Сергию нельзя отказывать – быстро пакуйся и езжай в Россию!» Так я оказался в Самаре и об этом не пожалел. Простите меня.

В тексте использованы фотографии архим. Георгия (Шестуна), Юрия Харитонова, Михаила Тимофеева.

УГОЛОК РОССИИ В ПАРАГВАЕ

Я мечтал об одном. В море продажного разврата и растления я надеялся найти горсть героев, способных сохранить и возрастить те качества, которыми создалась и стояла Россия. Я верил, что эта закваска, когда совершится полнота времен, когда успокоится взбаламученное море революции, сохранит в себе здоровые начала для будущего. Если нельзя было спасти Россию, можно было спасти ее честь.

Иван Беляев

Представление героя

Иван Тимофеевич Беляев оставил яркий след в истории Парагвая как русский первопроходец, географ, этнограф, антрополог, лингвист, впервые описавший культуру и быт индейцев Чако Бореаль (Чако на языке индейцев гуарани – охотное поле, Бореаль – северное. Это название используется для выделения парагвайской части Чако в обширной области Гран Чако, куда входят также территории Аргентины и Боливии).

Как лингвист он составил словари испанский-макка и испанский-чамакоко, доклад о языке племени макка, где Беляев выделяет санскритские корни этих индейских языков и прослеживает восхождение к общей индоевропейской основе. Ему принадлежит теория об азиатской прародине коренных жителей Американского континента, которая была подкреплена записями фольклора индейцев макка и чамакоко, собранными исследователем во время путешествий в Чако.

Ряд трудов Беляев посвятил религии индейцев Чако. В них он поставил вопрос о схожести индейских мифов с ветхозаветными сюжетами, о глубине их религиозного воззрения и в этой связи об универсальном характере основ христианской морали. Беляев разработал новаторский подход к вопросу о приобщении индейцев к современной цивилизации. Он принципиально выступал против любого насилия или навязывания индейцам европейской культуры сверху. Беляев своей практической деятельностью на посту директора колонии-школы «Бартоломе де Лас Касас» отстаивал принцип взаимообогащения культур Старого и Нового Света задолго до того, как эта концепция получила широкое признание в Латинской Америке.

Его деятельность включала в себя обустройство русской колонии в Парагвае, развитие географической и этнографической наук, борьбу за защиту прав и свободы индейцев, исследование ранее недоступных территорий Чако Бореаль. Генерал Иван Тимофеевич Беляев и другие русские добровольцы отстояли независимость Парагвая в Чакской войне и сорвали тем самым планы

нацистской Германии упрочить свое влияние в центре южноамериканского континента.

В это время в парагвайской армии служило около трех тысяч русских офицеров и солдат, в том числе двое (Беляев и Эрн) в генеральском чине, восемь полковников, четыре подполковника, тринадцать майоров и двадцать три капитана. Беляев был генерал-инспектором парагвайской артиллерии, а с 1933 года начальником Генерального штаба парагвайской армии. Будущий президент Стресснер служил тогда под их началом и навсегда вынес убеждение, что русские офицеры – люди чести.

В парагвайской столице Асунсьоне[1] и других городах страны улицы и проспекты носят имена русских воинов: Команданте Беляев, Команданте Саласкин, Команданте Канонников, Офисьеро Серебряков. На карте Асунсьона значится улица России. А на западе страны есть город Фортин-Серебряков. Там же стоит памятник русскому генералу Беляеву – главному военному советнику парагвайской армии.

Неизвестным осталось идейное наследие Беляева, видевшего в сохранении и приумножении гуманитарной культуры русского народа залог его исторического прогресса. Он был инициатором создания в Парагвае колонии русских беженцев «Русский очаг», «духовного пристанища для сотен тысяч изгнанников с родной земли, где обычаи, религия и вековая культура их Родины могли бы сохраниться как в ковчеге до лучших времен».

Детство и юношество

Иван Тимофеевич Беляев родился 19 апреля 1875 года в Санкт-Петербурге, в казармах Лейб-гвардии Измайловского полка. Отец его – Тимофей Михайлович, служил во 2-й Лейб-гвардейской артиллерийской бригаде. Прадед будущего генерала по материнской линии – Леонтий Федорович Трефурт, дипломат екатерининской школы, был адъютантом Суворова и принимал участие в знаменитом Итальянском походе. Другой прадед по материнской линии – А. И. Эллиот, потомок старинного шотландского рода, приехал в Россию по приглашению Екатерины II для воссоздания российского флота и отличился в сражениях при Чесме и Наварине. Позднее Беляевы породнятся с А. Л. Блоком. Отец поэта был женат вторым браком на сестре Ивана Тимофеевича. Брак оказался неудачным, семья распалась, и молодая мать с дочкой Ангелиной, сводной сестрой поэта, переехала жить к старшему брату будущего поэта – Михаилу. После смерти отца поэта в 1913 году все наследство перешло к его сыну от Бекетовой – Александру Блоку. Блок, не будучи знаком со второй женой своего отца, с редким великодушием, – по словам Ивана Беляева, – передал ей часть наследства – около 75 тысяч рублей – и вскоре представился ей сам со своей супругой, дочерью профессора Менделеева. С тех пор семейство Блок стало часто появляться в доме Беляевых.

[1] Асунсьон основан в 1537 г. испанским конкистадором Хуаном де Саласар-и-Эспинозой на месте поселения индейского племени гуарани.

С раннего детства Иван Беляев был во многом предоставлен самому себе. Мать умерла через пять дней после его рождения, и отец вскоре женился вторично. Мачеха не сумела найти общего языка с детьми (пятью братьями и сестрами). Родителей Ивану заменили книги. Проводя долгие часы в родовой библиотеке усадьбы предков, мальчик зачитывался романами Майн-Рида и Фенимора Купера, подолгу рассматривал географические карты и атласы. В эти годы произошло первое знакомство с Парагваем. Оно состоялось на чердаке усадьбы, где в архивах прадеда – суворовского адъютанта, он нашел старинную, XVII века, карту столицы Парагвая – Асунсьона. Парагвай поразил юное воображение мальчика смелостью и мужеством народа, который до последней капли крови сражался с захватчиками, Аргентиной и Бразилией, в 1864 – 1870 годах.

В кадетском корпусе у Ивана Беляева почти не оставалось свободного времени. Оно было поделено между военными дисциплинами и страстью, захватившей его всерьез. Он выкраивал время для занятий с дальним родственником – академиком Сергеем Федоровичем Ольденбургом – по географии и антропологии, штудировал книги об индейцах, изучал испанский. Это был сознательный шаг, сделав который, человек обретает возможность сам влиять на свою судьбу. Беляев был принят в

Иван Тимофеевич Беляев и Александра Александровна Захарова

Императорское Географическое общество по рекомендации профессоров Богуславского и Мушкетова. Лекции Семенова-Тяньшаньского, пример Миклухи-Маклая вдохновляли и звали к открытиям. По окончании военного училища сказалось перенапряжение в годы учебы, помноженное на тяготы службы и невероятную тягу к самообразованию. Стали беспокоить боли в сердце, и Беляев получил отпуск на Кавказ для поправки здоровья. Но научный интерес не оставлял его в покое. На Кавказе была написана им брошюра «На земле хевсуров». Она стала его первым научным трудом.

В 1906 году Беляев вернулся в Петербург. Два события внесли хаос в его жизнь: неожиданная кончина молодой жены и поражение России в войне с Японией. В минуту отчаяния родилось желание уехать в Парагвай военным инструктором. Но сознание долга личного участия в срочной реформе военного дела удержало его на Родине. В 1913 году появляется составленный им Устав горной артиллерии, горных батарей и горно-артиллерийских групп, ставший серьезным вкладом в развитие военного дела в России. Последовавшая вскоре вторая женитьба на Александре Александровне Захаровой вернула надежду на семейное счастье, но поставила крест на военной карьере в полку. Купеческое происхождение жены вынудило Беляева покинуть гвардию, где строго блюлись каноны «чистоты дворянской крови».

Накануне первой мировой войны Беляев поступает на службу в I Кавказский стрелково-артиллерийский дивизион. Война полностью приковала его мысли и чувства к России.

Война и революция

Иван Тимофеевич был классическим монархистом, уверенным в особом характере государственных институтов России и ее особой исторической миссии, которая не предполагала принятия ценностей демократического Запада. События русско-японской войны лишь утвердили Беляева в этом мнении. Беляев возмущался «провокационным» и «антирусским в своей основе» поведением Европы и США в ходе войны. Он писал об их стремлении «подрубить корни самого существования Державы, вечно стоявшей на страже мира и справедливости». Беляев считал, что поддержка Западом Японии в войне с Россией навсегда нарушила европейское соотношение сил и исключила возможность взаимного доверия, связав невидимой нитью судьбу Порт-Артура с судьбой Пирл-Харбора, Хиросимы и Нагасаки. Как и многие другие, Беляев считал большой ошибкой командования сознательное принесение в жертву элитных и кадровых частей армии. Командиры менялись каждые два-три года. Молодые офицеры после первого лагеря убывали в академии.

«В копыте лошади, – писал Беляев, – есть белая линия, от которой начинает расти рог. Можете срезать копыто, загонять в него гвозди, но если коснетесь белой линии, то оно пропало. Старые офицеры, для которых их полк стал родной семьей, а честь знамени – дороже жизни, были той ”белой линией“, без которой боевая

дружина превращается в шайку авантюристов, были убиты и ранены на войне».

В 1915 году Беляев разрабатывает и безуспешно подает «наверх» идею создания в глубоком тылу особых запасных батальонов от каждого действующего полка, где уцелевшие кадровые офицеры и солдаты могли бы воспитывать в молодежи «дух старой армии». Участь Ивана Тимофеевича Беляева во время первой мировой войны не отличалась особенным своеобразием, если сравнивать ее с участью большинства кадровых офицеров старой русской армии, верных присяге и не сомневающихся в справедливом характере войны со стороны России. В 1915 году Беляев был представлен к Георгию «за спасение батареи и личное руководство атакой» в боях на Карпатах. В 1916 году, командуя дивизионом тяжелых гаубиц, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. В 1917 году Беляев, произведенный в генерал-майоры, остро переживал моральное разложение армии, стоявшей, по его мнению, уже на пороге победы. Отношение Беляева к Временному правительству было негативным. Приказ №1 Петроградского Совета, составленный и опубликованный в феврале – марте 1917 года (отмена прав начальника, избирательный порядок в армии, отмена отдания чести, контроль солдатских масс над офицерами и т.д.), рассматривался им однозначно как гибельный для армии и России. В марте 1917 года на псковском вокзале, в ответ на требование унтера со взводом солдат снять погоны, Беляев ответил: «Дорогой мой! Я не только погоны и лампасы, я и штаны поснимаю, если вы повернете со мною на врага. А на "внутреннего врага", против своих, не ходил и не пойду, так вы уж меня увольте!»

Многие офицеры покидали ряды Белого движения, устав от того, что Роман Гуль – автор романа «Ледяной поход» [Первый Кубанский поход Добровольческой армии под командованием генерала Л. Г. Корнилова. – *Ред.*]– назвал «всероссийской колошматиной и человекоубоиной». Так начался крестный путь русского генерала, пролегавший через Дон, Кавказ и Крым, Новороссийск и Константинополь.

В мае 1918 года Беляев оказался на Дону. Он был все еще увлечен идеей Белого движения. Ему нравился порядок, наведенный в русской армии. Генерал Романовский[1] предложил ему должность начальника артиллерии. Командующий Деникин[2] (Корнилов[3] к тому времени был уже убит) поддержал его. Врангель[4] отзывался о

[1] И. П. Романовский – генерал-лейтенант Генерального штаба, участвовал в формировании Добровольческой армии, начальник штаба Добровольческой армии, затем Вооруженных сил Юга России (ВСЮР).

[2] А. И. Деникин – участник русско-японской войны, Главнокомандующий армиями Западного и Юго-Западного фронта в первую мировую войну (1914 – 1917 гг.), один из организаторов Добровольческой армии, помощник командующего Л. Т. Корнилова в «Ледяном» походе, после гибели командарма заменивший его. С января 1919 г. – Главнокомандующий ВСЮР. С 1920 г. до своей кончины в 1947 г. – в эмиграции. Проживая во время немецкой оккупации во Франции, резко отклонил предложение фашистов сотрудничать с ними против России.

[3] Л. Г. Корнилов – с начала первой мировой войны во главе 48-й пехотной дивизии; в июле 1917 г. – Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, один из лидеров Белого движения, командующий Добровольческой армией.

[4] П. Н. Врангель – в годы первой мировой войны командовал сводным корпусом в чине генерал-майора, затем командовал 3-им Конным корпусом. С образованием Добровольческой армии влился в её ряды, после отставки Деникина – Командующий ВСЮР, 4.11.1920 г. – главнокомандующий Русской армией в Крыму, в 1924 г. в эмиграции создал Русский общевоинский союз (РОВС).

Беляеве как о человеке прекрасной души, храбром и добросовестном офицере, хотя и отмечал, что Беляев не всегда разделял и поддерживал взгляды своего начальства. Беляев некоторое время исполнял обязанности заведующего снабжением армии, однако вскоре он был отозван с этого поста самим командующим из-за того, что выступал против реквизиции продовольствия у крестьян. Беляев предлагал создание специальных охранных рот, которые препятствовали бы грабежам.

В ноябре 1919 года командующим Добровольческой армией назначается генерал Кутепов. При нем Беляев получает должность инспектора артиллерии армии и полную свободу действий в управлении всем ее артиллерийским хозяйством. Летом 1919 года Добровольческая армия овладела Харьковом, и командующий приказал Беляеву наладить работу по выпуску оружия для фронта на остановившемся с начала войны харьковском паровозостроительном заводе. Бронепоезда не раз спасали положение белых на Южном фронте, однако пик успеха, пришедшийся на лето-осень 1919 года, оказался прелюдией грядущей катастрофы. Беляев прекрасно понимал вред репрессивной политики в отношении собственного народа и добился от Кутепова принятия срочных мер по укреплению дисциплины в армии, введения смертной казни без различия чинов за убийства и грабежи мирного населения. Однако принятие этих мер носило запоздалый характер. В ноябре девятнадцатого года артиллерия Беляева прикрывала отход из Харькова корпусов Май-Маевского во время долгого отката с частями белой армии к югу. За Новороссийском началась совсем другая жизнь – жизнь эмигранта.

В Америке

Беляев попал в Буэнос-Айрес в начале 1923 года. К тому времени славяне составляли третье по численности (после итальянцев и испанцев) национальное меньшинство – примерно сто двадцать тысяч человек. Первые русские в эту страну начали прибывать в 1876 году после принятия Национальным конгрессом закона, поощрявшего иммиграцию в Аргентину. Сначала это были представители национальных окраин России – евреи, поляки, немцы. Основная масса переселенцев – русские крестьяне центральных губерний – хлынула в период 1905 – 1913 годов в связи с неурожаем на родине. Иммигранты получали землю в собственность, работу, органично вливались во все более разраставшуюся русскую колонию. В начале XX века Аргентина стала второй после США страной, куда направлялся основной поток эмигрантов из России. Она влекла к себе прекрасным климатом, плодородными землями, благоприятной социальной средой, как губка впитывавшей в себя культуру, традиции и религии других народов. В этом прекрасном климате абсолютной терпимости русская колония к двадцатым годам стала представлять собой довольно замкнутый мир, живущий собственными интересами, где читали собственные газеты, отдыхали в собственных клубах, молились своему Богу.

Первый православный храм в Аргентине был открыт в Буэнос-Айресе 14 июня 1888 года. Настоятелем нового храма, построенного в 1889 году,

привлекавшего к себе внимание аргентинцев и вызывавшего восторг иностранцев своей архитектурой и внутренним убранством, стал протоиерей отец Константин Изразцов – фигура в высшей степени примечательная и неоднозначная.

Жизнь Беляева в Буэнос-Айресе сложилась бы очень тяжело, если бы не неожиданный визит и покровительство баронессы Жессе де Лева, покойный муж которой был в свое время хорошим знакомым отца Ивана Тимофеевича. Беляеву удалось с ее помощью найти работу. Он стал преподавателем немецкого и французского языков в одном из колледжей и, не теряя времени, совершенствовался в испанском языке, изучение которого начал ещё в юности. Через некоторое время на страницах газеты «Эль Либераль» появилось несколько рассказов о русской революции, подписанных «Хуан Белайефф».

Беляева не оставляла идея создания новой русской колонии на южноамериканской земле. Однако все контакты и разговоры в русской колонии в Буэнос-Айресе заканчивались желанием в любой форме отделаться от надоедливого генерала и его идей.

Не видя никаких перспектив для русских в Аргентине, Иван Тимофеевич обратил свой взор к загадочной и желанной стране детства – Парагваю. Возможно, что организация колонии русских эмигрантов в Парагвае была для Беляева самоцелью, стремлением во что бы то ни стало реализовать туманный идеал.

Так или иначе, эта идея находилась в неразрывной связи с реальностью. 1924 год – год признания Западом Советской России, стал «черным годом» для десятков тысяч русских эмигрантов в Европе; начались гонения в Болгарии и Югославии, тысячи русских семей лишились работы в Турции, правительство которой проводило политику сближения с Советской Россией. Ухудшилось положение русских эмигрантов во Франции, Германии, Бельгии, Люксембурге. Их коснулась безработица в первую очередь. В амнистию, которую провозглашало правительство Сталина, никто не верил. При первой же предоставившейся возможности Беляев посетил парагвайское представительство в Буэнос-Айресе. В Парагвае происходила очередная революция, поэтому Беляев был принят сухо. Одиннадцать месяцев спустя ситуация изменилась. В осуществлении планов Беляеву помог бывший президент Парагвая доктор Мануэль Гондра и военный агент полковник Санчас. Парагвайцы охотно приняли генерала и приветствовали его желание дать русским возможность обустроиться в Парагвае, предупредив, что страна обнищала. И вот в марте 1924 года Иван Тимофеевич сел на пароход «Берна», идущий вверх по реке Парана до столицы Парагвая города Асунсьон. Там он начинает хлопоты по организации русских колоний на парагвайской земле. Беляев приводил аргументы в пользу своей затеи, говоря об огромных неиспользованных землях в Чако, способных прокормить тысячи новых поселенцев и помочь воплотить в жизнь идею «патриотической эмиграции». С самых первых шагов по парагвайской земле Беляева не покидало ощущение, что

он ходит по родной земле. Его поразило сходство вокзала в Асунсьоне с Царскосельским вокзалом, а сам Асунсьон напоминал Владикавказ. В столице страны было всего пять автомобилей и одна мощеная улица, существовали трамваи и электрическое освещение, несколько хороших магазинов. Жизнь была дешева и спокойна.

Через белградскую газету «Новое время» Иван Тимофеевич направил призыв ко всем, кто мечтает жить в стране, где он сможет считаться русским, приехать в Парагвай и создать там национальный очаг, чтобы сохранить детей от гибели и растления. 29 июня 1924 года военный министр генерал Скенони передал Беляеву устное согласие президента республики доктора Э. Айялы на создание в Парагвае русского культурного ядра. Ему было поручено организовать приезд в страну двенадцати специалистов – инженеров, путейцев, конструкторов, геодезистов и т.д. – официально для содействия восстановлению экономики Парагвая. Каждому специалисту гарантировалось жалование депутата парламента страны (от 2500 до 5000 песо в месяц). Было отмечено, что первая группа станет базой для последующей иммиграции. Беляев взял на себя ответственность за то, чтобы приглашенные специалисты имели соответствующую квалификацию и диплом, а также гарантировал неучастие каждого из них в рядах Красной Армии. На призыв Ивана Тимофеевича скоро откликнулись инженеры Шмагайлов и Пятицкий, путеец Абраменко, конструктор Маковецкий, геодезист Аверьянов, инженеры Серебряков, Снарский, Яковлев и Воробьев. Из разговоров с министром Беляеву стало ясно, что прежде, чем приступить к созданию «Русского очага» в Парагвае, русским придется защищать страну от агрессии…

Экспедиции в Чако Бореаль

Двадцать четвертого октября 1924 года военный министр Парагвая Луис Риарт вызвал к себе Беляева и дал ему четкие инструкции. Он приказал разведать окрестности Байя Негра и найти наиболее удобные места для расположения гарнизонов. Также ему предписывалось провести глубокую разведку этого района с целью определения мест для расположения будущих долговременных оборонительных сооружений, наблюдательных пунктов, коммуникаций и т.д. Необходимо было подготовить генеральную карту района с отмеченными местами для расположения оборонительных сооружений. По возвращении – представить детальный доклад в Министерство обороны с указанием количества и качества работ, необходимых для реализации предложенных проектов.

Понимая всю важность поставленного перед ним задания и принимая его, Беляев не мог предположить всей его сложности. Охваченный с ранней юности страстью к изучению индейских культур, только-только попав в Парагвай, он стремительно бросился в сельву к индейцам. Беляев хотел найти оптимальное решение проблемы, не причиняя значительного вреда проживающим в Чако племенам. Генерал хотел сочетать военные аспекты экспедиции с научно-гу-

Члены экспедиции И.Т. Беляева в Чако Бореаль

манитарными – изучать и оказывать посильную помощь индейцам Чако. Беляев предполагал, что выполнить это задание можно только вступив в непосредственный контакт с индейцами. Всего было совершено тринадцать экспедиций в область Чако. Первая состоялась в октябре – декабре 1924 года, последняя – в августе 1931 года. Каждая, как правило, длилась от двух недель до нескольких месяцев. Самая крупная – в лагуне Питиатута – продолжалась полгода. Составлялись подробные карты, делалось описание местности как с военной, так и с гражданской точек зрения, велись дневниковые записи. Однако самым главным было нахождение взаимопонимания с племенами, населявшими Чако.

В составе экспедиций кроме военнослужащих Парагвая и индейцев-проводников принимали участие русские, успевшие к тому времени осесть в стране: братья Игорь и Лев Оранжереевы, капитан инженерных войск Орефьев-Серебряков, сын известного русского полярника, участника первых рейсов ледокола «Ермак» Георгия Экштейна Александр Экштейн. Пренебрегая опасностями, испытывая нужду и голод, Беляев и его спутники нанесли на карту обширнейшие участки неведомой территории, вошли в контакт с племенами, полностью оторванными от цивилизации, и разоблачили зловещие легенды, копившиеся вокруг них. Территория Чако перестала быть загадкой. На первом Конгрессе Панамериканского института географии и истории, состоявшемся в декабре 1932 года, делегат Рамос Хименес обосновал права Парагвая на часть Чако Бореаль, целиком основываясь на географических открытиях парагвайцев в Чако, совершенных под руководством «отважного ученого, которому Парагвай обязан многим». Делегатами были отмечены заслуги Беляева как картографа, биолога и климатолога, впервые составившего целостное описание этого географического района. Особо были отмечены этнографические заслуги Беляева. Беляев положил начало науке об индейцах Чако, ранее совсем не известных парагвайцам. Путешествия Беляева в Чако стали первым шагом на пути к преодолению исторического отчуждения между народами Парагвая, началом долгой борьбы русского ученого за человеческие права индейского населения Чако Бореаль. Открывая миру индейцев Чако, Беляев показывал их с новой стороны прежде всего самим парагвайцам. Беляев считал, что ни в одной из стран Америки коренное население не представляет такого интереса для этнографа, как в Чако Бореаль. Он отмечал, что группы аборигенов живут здесь на различных уровнях примитивной культуры и в разной степени контакта с цивилизацией. Тобас, макка, сасиагуай – это самые благородные племена Чако.

Индейцы Чамакоко. Парагвай, 1900.

За время странствий Беляев изучил язык индейцев макка и чамакоко, перевел на русский язык большую поэму «Аормелата» («Великий потоп»), записал многие устные сказания – поэмы и легенды. Беляев покорил индейцев прежде всего, как больших детей, лаской, и они считали его своим другом. Индейцы проделывали долгий путь пешком, чтобы встретиться с Беляевым. Дружба Ивана Беляева с индейцами помогла парагвайцам вовремя остановить проникновение боливийцев, угрожавших Парагваю потерей стратегически важных рубежей в Чако.

Чакская война (1932 – 1938) – крушение планов создания нацистского блока в Южной Америке

Это была самая кровопролитная война XX-го века в Латинской Америке. В ней обе стороны понесли большие людские потери (250 тыс. убитых и раненых). Территорию Чако, полупустынную, холмистую на северо-западе и болотистую на юго-востоке, считали своей собственностью и Боливия, и Парагвай. Лига Наций добилась прекращения огня. Тем не менее конфликт, питаемый предвкушениями выгод от добычи нефти, подспудно тлел. Боливия (которую поддерживала американская корпорация «Стандарт Ойл» и, в целом, США) помимо экономических выигрышей от эксплуатации месторождений, рассчитывала и на улучшение своих геостратегических позиций, так как в случае захвата Чако она получила бы порт на реке Парагвай и возможность выхода к Атлантическому океану по реке Ла-Плате (и танкерной транспортировки нефти).

В июне 1932 года война разразилась по-настоящему. 10 мая 1932 года правительство Парагвая после захвата боливийцами форта Карлос Антонио Лопес объявило страну в состоянии войны с Боливией. Условия, в которых начиналась война, были заведомо невыгодны для Парагвая. Изначально перевес сил был на стороне Боливии. По людским ресурсам она превосходила Парагвай примерно в три с половиной раза. Против 60 военных самолетов Боливии Парагвай мог выставить только 17 устаревших моделей. В парагвайской армии полностью отсутствовали танки и огнеметы, имевшиеся на вооружении у боливийцев. Соотношение между Боливией и Парагваем по количеству крупнокалиберных пулеметов составляло 5,7 : 1, автоматического стрелкового оружия – 2,3 : 1, винтовок – 4 : 1. Парагвай мог позволить себе закупить лишь винтовки Маузер, ручные пулеметы Мадсен и минометы Стокс-Брандт.

В августе 1932 года Беляев отправляется с отрядом войск вверх по реке Парагвай, чтобы освободить захваченный боливийцами форт Карлос Антонио Лопес. Однако главным врагом оказались не боливийцы, успевшие к приходу Беляева покинуть форт, а малярия. Вскоре весь отряд, численностью в шесть тысяч человек, был поражен болезнью. Поняв, что главные силы боливийцев переместились на более освоенные ими территории к югу от Питиантуты, Беляев, сам жестоко страдавший от малярии, в сопровождении четырех индейцев отправился под Бокерон – место решающих боев, куда он прибыл в сентябре и был назначен инспектором артиллерии при штабе командующего парагвайскими войсками в Чако полковника Эстигаррибиа. В следующем месяце декретом президента республики Эрнесто Айала Беляеву присваивается воинское звание дивизионного генерала парагвайской армии. Вместе с ним в боях за свободу Парагвая участвовали другие русские, которые, в отличие от немецких и чилийских наемников боливийской армии, сражались не за деньги, а за независимость страны, которую хотели видеть своей второй родиной. Среди них трое были начальниками штабов армий, один командовал дивизией, двенадцать – полками, а остальные – батальонами, ротами, батареями. Рядом с Беляевым находились генерал Эрн, кавалеристы майор Корсаков и капитан Касьянов, капитаны Салазкин, Бутлеров, Дедов, Чирков, Ширкин, Высоколан, лейтенанты Малютин, Канонников, Ходолей и другие. Плечом к плечу с Беляевым сражались и его спутники по знаменитому путешествию к лагуне Питиантута – Владимир Орефьев-Серебряков, Александр Экштейн, лейтенанты братья Оранжереевы. Отдел картографии Генерального штаба возглавлял Николай Голдшмидт. Его именем подписаны полевые карты парагвайских войск тех времен.

Целью наступления боливийцев был выход к реке Парагвай напротив города Консепсьон, что позволило бы боливийцам перерезать тыловые коммуникации парагвайской армии. На направлении главного удара находился парагвайский форд Нанава, в районе которого Кундтом было создано почти двукратное превосходство в силах (6000 боливийцев против 3600 парагвай-

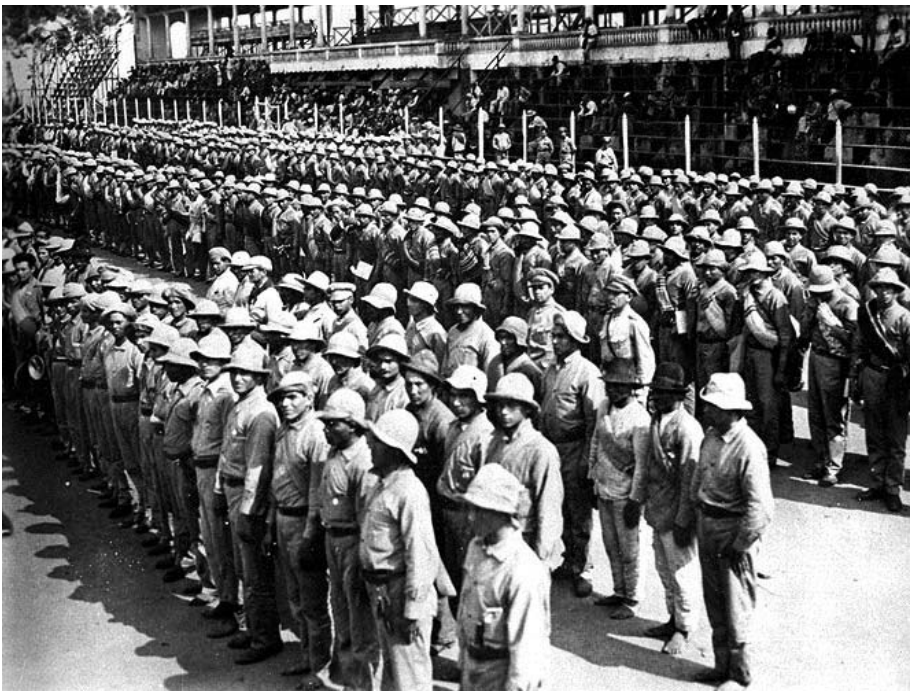
цев). Возможность удара на Нанаву рассматривалась Беляевым еще во время второго путешествия в Чако (январь – февраль 1925 г.). Тогда он исследовал всю близлежащую местность, выявил ее тактические характеристики, подготовил в докладе министру обороны предложение по ее защите и усилении оборонительных сооружений, составил подробные карты. Незадолго до начала боливийского наступления Беляев и Эрн тщательно подготовили форт к обороне: возвели новые укрепления и усилили старые, спланировали и искусно изготовили ложные артиллерийские позиции, чтобы сбить с толку боливийскую авиацию, имеющую превосходство в воздухе. Оборонительные сооружения изготовлялись из подручного материала – крепчайшей древесины кебрачо, в изобилии имеющейся в этой части Чако. Удар на Нанаву не был неожиданным, он заранее предвиделся Беляевым, опыт которого, особенно знание тактики противника, использовал командующий парагвайскими войсками в Чако, впоследствии маршал и президент Хосе Феликс Эстигаррибиа.

Десятого января 1933 года началось боливийское наступление на Нанаву. За десять дней боев парагвайцы потеряли убитыми 248 человек, а боливийцы, так и не сумевшие овладеть укрепленным районом, – свыше 2 тысяч. Не смогли ничего сделать и три эскадрильи боливийских бомбардировщиков, поливавших огнем и сбрасывавших бомбы на позиции парагвайской артиллерии. Боливийские самолеты сбрасывали бомбы на замаскированные под артиллерийские орудия стволы пальм, каждый раз предусмотрительно передвигавшиеся на все новые огневые позиции. Первое поражение, однако, не отрезвило Кундта. В конце апреля 1933 года Беляева назначили начальником Генерального штаба парагвайской армии. Заслугой Беляева, неплохо знавшего прямолинейность тактики главнокомандующего боливийской армии немецкого генерала Ганса Кундта и хорошо изучившего приемы германской армии на полях первой мировой войны, следует признать определение направления и срока нового наступления боливийских войск.

Кундт позднее заявил, что в Боливии он хотел опробовать новый метод атаки, использованный им на Восточном фронте. Однако эта тактика разбилась об оборону, построенную русскими для парагвайцев. Во втором отчаянном наступлении на Нанаву 6 июля 1933 года немецкий генерал принес в жертву лучшую часть боливийской армии.

Наступление боливийцев началось под прикрытием танков Брандта и фон Криеса. Впереди наступавших колонн шли огнеметчики. Парагвайские окопы и доты отвечали гранатами и артиллерийским огнем. Один из головных танков, подожженных парагвайцами, надолго задержал общее наступление. Другой удалось остановить за 60 метров до передовых окопов (потом башни этого танка будут отправлены в боевой музей Асунсьона). Отбив восемь волн боливийских атак, парагвайцы перешли в контрнаступление. Боливийские потери вновь составили свыше двух тысяч человек.

Беляев широко применял тактику укрепленных пунктов и диверсионных отрядов. Были созданы укрепрайоны, оснащенные минометами, пулеметами



Парагвайские рекруты

и окруженные минными полями и колючей проволокой. С этих баз парагвайцы совершали рейды против боливийцев, которых генерал Кундт упорно бросал в лобовые атаки на укрепленные пункты. Однако боливийской армии не помогли даже танки – они успешно уничтожались гранатами из засад.

Вторая половина 1933 и начало 1934 года принесли много перемен. Отныне парагвайские войска неудержимо наступали. Боливийцы были вынуждены оставить уже большую часть Чако Бореаль. Их армия, которая в начале войны находилась в 150 милях от Асунсьона, была оттеснена на 200 миль к западу. Пока босоногие парагвайские солдаты маршировали на запад, распевая русские солдатские песни, переведенные Беляевым на испанский и гуарани, сам Беляев сопровождал в поездке по Чако специальную комиссию Лиги Наций по примирению, так как победы Парагвая изменили дипломатическую конъюнктуру. Возглавлявший комиссию американский дипломат Никольсон остался доволен открытой, разумной и конструктивной политикой Парагвая, потрясен его военными успехами и развитием событий на фронтах. Парагвайское наступление прекратилось лишь в 1935 году. Подойдя вплотную к боливийскому нагорью, армия, из-за растянутости коммуникаций, должна была остановиться. Истощенная же до предела Боливия уже не могла организовать эффективного контрудара. В этих условиях в июне 1935 года между двумя странами было подписано перемирие.

Значение Чакской войны прежде всего в том, что русские офицеры парагвайской армии, сражавшиеся против немецких офицеров боливийской, не просто «доигрывали» между собой незавершенные сражения первой мировой войны, но и завязывали, таким образом, авангардные бои по отпору наступающему фашизму. Кадровые русские военные, ветераны первой мировой и гражданской войн, составили цвет парагвайской армии. «Если бы не русские офицеры, мы бы давно загнали ваше войско за реку Парагвай!» – говорили боливийцы. Путешественники из нашей страны, волею судеб заброшенные в Асунсьон, бывают несказанно удивлены, оказавшись на улицах, названных в знак благодарности в честь русских офицеров, внесших неоценимый вклад в борьбу за независимость Парагвая. Объективное суждение о роли русских в этой войне дал незаинтересованный наблюдатель – американский исследователь, специалист по военным вопросам Дэвид Зук. Он называет Беляева «несравненным», отмечая, что парагвайскому командованию удалось использовать уроки первой мировой войны и предвосхитить опыт второй, применяя тактику массированного сосредоточения артиллерийского огня и широкое использование маневра. Подчеркивая смелость и выносливость парагвайских солдат, их способность стойко переносить все тяготы и лишения боев в тяжелейших природных условиях, американский специалист, тем не менее, считает, что именно командование войсками, в котором Парагвай существенно превосходил Боливию, решало ход и исход войны. Этот вывод был сделан еще раньше, в августе 1934 года, руководителем чешской военной миссии в Боливии генералом Плачеком, отмечавшим, что ведение кампании противником характеризуется повышенной активностью и маневренностью.

Наступило, наконец, время, когда русский генерал мог рассчитывать на исполнение своей мечты о «Русском очаге» – ядре культурно-патриотической эмиграции русских людей в Парагвае.

Идея «патриотической эмиграции»

Русская эмиграция приносила неоценимую пользу Парагваю, который начал восстанавливать расшатанную экономику. Страна постепенно оживала благодаря активной помощи русских специалистов. Учеными, выходцами из России, был организован первый инженерный факультет в Университете города Асунсьон, русские внесли большой вклад в развитие теоретической и прикладной науки в Парагвае.

Вклад русских в дело защиты свободы и независимости Парагвая позволил парагвайцам ближе узнать и полюбить их, увеличив шансы на создание крупных колоний и поселений. Дальнейшая эмиграция русских была желательной для правительства Парагвая. Русские показали себя людьми высочайшей культуры и храбрыми воинами. Правительство Парагвая наделило Беляева полномочиями для организации массовой эмиграции в Парагвай. Единственная цель, которую преследовал Беляев, создавая русскую колонию, была цель сохранения «русского духа». Основные составляющие этого понятия – монархическое

чувство, православие, готовность к самопожертвованию во имя Родины, высокие моральные качества. Идейный настрой первых колонистов соответствовал убеждениям Беляева.

В конце 1933 года в Париже по инициативе Ивана Беляева, его брата Николая и парагвайского консула Хуана Лапьера был создан Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай. Почетным председателем центра был избран известный деятель Белого движения атаман Африкан Петрович Богаевский. Два раза в месяц начала выходить газета «Парагуай», девизом которой стали слова: «Европа не оправдала наших надежд. Парагвай – страна будущего». Парагвайским правительством для русских колоний были выделены крупные площади земли в междуречье рек Парагвая и Параны. Парагвайские должностные лица и просто состоятельные люди содействовали делу обустройства русских колоний.

В апреле 1934 года из Марселя в Южную Америку отправился пароход с первой сотней эмигрантов на борту. В письме к Беляеву председатель Колонизационного центра атаман Богаевский отмечал «уверенность казаков в покровительстве» Беляева и выражал надежду на «беспрепятственное продолжение начатого процесса». В начале июля 1934 года брат Беляева Николай проводил из Марселя вторую группу из девяноста человек. А в августе была подготовлена к отправке третья группа переселенцев. На первом этапе существования колоний колонистам требовались лишь материальные, моральные и физические силы. Первые переселенцы должны были иметь твердое желание работать.

Беляев разработал и подал для рассмотрения в Палату депутатов парагвайского парламента проект закона о правах и привилегиях русских иммигрантов. Проект предусматривал свободу вероисповедания, создание национальных школ, сохранение казачьих обычаев и традиций, общинного владения землей. Проект вводил полный запрет на продажу спиртных напитков ближе, чем за пять километров от создаваемых станиц. В нем отвергалась дискриминация приезжающих по возрасту, полу, имущественному положению, физическим или умственным способностям. Все прибывающие освобождались на десять лет от уплаты пошлины на ввоз имущества. К концу 1934 года в Парагвай было отправлено шесть групп эмигрантов. Движение приобретало массовый характер. Но к этому времени идея создания «Русского очага» становилась все более эфемерной. Причины крушения «патриотической эмиграции» носили объективный и субъективный характер.

Чакская война обошлась Парагваю очень дорого. Огромные военные расходы подорвали экономику страны. Производство промышленной продукции поддерживалось за счет бесплатного труда боливийских военнопленных. Политическая ситуация в стране была нестабильна. Реальная помощь правительства русской иммиграции была минимальной. Иммигранты жаловались, что не получили обещанного. Иван Беляев был озабочен судьбой своих соотечественников. Каждому прибывшему русскому колонисту выдавали только

мачете, а топор и молоток приходилось выписывать из Аргентины. Бытовое неустройство приводило к постоянному оттоку иммигрантов в другие страны – Аргентину, Бразилию и Уругвай, – как только они осваивали азы языка и утверждались в местных обычаях.

Субъективные факторы нанесли делу «патриотической эмиграции» наибольший вред. Вина легла на эмиграционные верхушки – парижскую и парагвайскую. Идея «патриотической эмиграции», отвергавшая интервенционистские, приспособленческие цели, грозила пошатнуть позиции кругов, которые обеспечили себе авторитет и добились привилегий в белоэмигрантской верхушке. Серьезным ударом по планам «Русского очага» стал уход из жизни влиятельных фигур, так или иначе поддерживавших начинания Беляева – смерть барона Врангеля (1928 г.), Богаевского (1934 г.), похищение агентами НКВД генерала Кутепова. Это, как считал Иван Беляев, помогло его недругам в Парагвае, недовольным тем исключительным влиянием, которое он оказывал на жизнь колонии. Генералы Эрн и Бобровский вступили в контакт с «новыми лицами» из эмигрантской верхушки в Париже, с целью «разложить русскую колонию в Парагвае и лишить ее патриотического смысла», представляя дело Беляева как «подрыв тех мощных организаций, которым суждено с помощью Германии разгромить большевистскую Россию».

Иван Тимофеевич Беляев никогда не питал особых иллюзий в отношении «помощи Запада», еще меньше ждал помощи от Германии. В годы Великой Отечественной войны он глубоко переживал за свою Родину и искренне желал победы Красной Армии. Русская колония в Парагвае всегда придерживалась резко антикоммунистических взглядов. Может быть поэтому начало войны Германии против СССР было воспринято частью бывших царских офицеров с надеждой: появилась возможность вернуться в Россию; потом же, мол, можно будет «разобраться» и с самими немцами. Беляев выступал против этого. О подобных настроениях русских в Асунсьоне сообщал в 1940 году в Госдепартамент генконсул США в Аргентине Дэвис Моннет. Он получал информацию от священника Алехо Пелипенко, который по поручению униатской церкви обслуживал паству в Аргентине, Уругвае и Парагвае. Украинский националист, Пелипенко вряд ли мог быть объективным, называя «нацистами» генералов Николая Эрна и Ивана Беляева. По большому счету, практически все примеры пронацистской деятельности русской колонии в Парагвае, которые привел автор монографии «Нацизм и фашизм в Парагвае» Альфредо Зиферхельд, связаны с украинскими поселениями, в которых руководящую роль играли полковники Разумовский, Подмогильный, Василий Воробей и Михаил Кислый. Агенты ФБР, следившие за «пятой колонной» в Парагвае, так и не получили каких-либо серьезных сведений о пронацистской деятельности русских и были вынуждены ограничиваться утверждениями о том, что «к национал-социализму они гораздо ближе, чем к либерализму». После второй мировой войны, в связи с изменением ситуации на международной арене и потребностями момента, американцы в той же самой русской колонии стали искать «коммунистических агитаторов». Сведений же о

деятельности советских ОГПУ (НКВД) и военной разведки в Парагвае в этот период не обнаружено, хотя, зная о том, какое пристальное внимание они уделяли РОВСу, можно предположить, что она имела место.

Стараниями эмигрантской верхушки в Париже дело «патриотической эмиграции» в Парагвай было быстро свернуто. Патриотическую идею перевели на чисто коммерческую основу, скромные материальные возможности эмигрантов были подорваны. Стали появляться различные альтернативные центры, готовые за определенную плату организовать выезд в Южную Америку. Пользуясь тем, что генерал находился вдали от Парижа, «люди со стороны» втирались в доверие к Беляеву и разрушали дело. Одним из примеров растаскивания «иммиграционного проекта» генерала Беляева по «частным лавочкам» может служить случай с организацией эмиграции в Парагвай русских староверов и казаков из Прибалтики.

В марте 1934 года Беляев получил письмо от президента общества «Русская эмиграция в Африку» Федорова с просьбой оказать содействие выезду в Парагвай тысяче семей русских староверов и казаков, осевших в Литве. Сначала они намеревались выехать в Марокко, но, прочитав в журнале «Казак» манифест Беляева, призывающий к отъезду в Парагвай, решили попытать счастья на южноамериканской земле. Беляев одобрил эту идею. Он признал Федорова своим личным представителем в Парагвае и уведомил о том, что обратился в МИД с просьбой назначить его почетным консулом. Получив звание почетного консула Парагвая, Федоров заявил о «независимом характере своей эмиграционной организации» и предложил Беляеву принять в ней участие при условии полного разрыва с Колонизационным центром. На это Беляев пойти не мог. Он пытался дезавуировать Федорова как своего личного агента в Прибалтике. Но это уже не могло помешать Федорову проводить самостоятельную эмиграционную политику.

Распад колонии «Надежда» не привел к краху личных судеб колонистов благодаря заботам Беляева. Всем вернувшимся в Асунсьон генерал выхлопотал квартиры, необходимые документы и помог устроиться на службу. Это были небольшие должности, но при дешевизне парагвайской жизни прожить на это жалование было можно. Многие пошли в армию и с годами дослужились до высоких чинов.

Так нашла свой конец, не воплотившись в жизнь, идея «патриотической эмиграции». Возможно, удели Беляев больше внимания «субъективному фактору», парагвайская колония сумела бы выжить. В записках Беляева есть строки, дышащие безнадежностью, но есть и другие, не допускавшие отчаяния, отказа от борьбы: «Памятником … остались тысячи русских интеллигентов, частью устроившихся в Парагвае или расселившихся по Аргентине, Уругваю, Бразилии, и двадцать тысяч крестьян, нашедших здесь спасение … не считая тысяч других, застрявших в иных краях. Поля, дома, хутора, скот – их тяжелый труд не пропал даром. И от этих людей я не слышал иного, кроме искреннего привета и благодарности».

Велик вклад русских и в культурную жизнь страны. При участии россий-

ских архитекторов был отстроен Асунсьон – столица Парагвая. Дочь генерала Эрна, Тала, стала основательницей первой в стране балетной школы. И еврейская колония в Парагвае была создана в основном эмигрантами из России. Эта община дала Парагваю таких крупных художников, как Ольга Блиндер, Бернардо Краснянский и Бернардо Измахович, который проявил себя также в архитектуре. Альфредо Зиферхельд, историк и публицист, опубликовавший более десяти книг по новейшей истории страны. Наши соотечественники всегда по-российски щедро делились знаниями и опытом с гражданами Парагвая, оставляя в их жизни благотворный след.

Прощание с «Белым Отцом»

Крушение планов создания «Русского очага» не повергло Беляева в отчаяние. Оставалось дело, которое манило и звало к действию с юношеских пор – изучать и защищать, спасая от тотального истребления во многом еще загадочных для белого человека «бронзовокожих детей пустыни».

В ходе экспедиций Беляев фактически открыл для внешнего мира племена, обитавшие в Чако Бореаль, изучил их языки, обычаи, религию, нравы. Научная работа, которая началась еще в 20-е годы, не прекращалась ни во время войны, ни во время забот, связанных с русской эмиграцией. С мая 1936 года Беляев перешел на должность консультанта министерства обороны Парагвая без обязанности выполнять какие-то функции. В ноябре 1936 года в министерстве сельского хозяйства встал вопрос о создании Национального патроната по делам индейцев, кандидатура на пост директора не вызывала сомнений. Беляев – ученый, автор многочисленных статей и памфлетов в защиту индейцев – получил возможность действовать от имени правительства. Его цель – добиться от властей «человеческого» отношения к индейцам. Взгляды Беляева были изложены в «Декларации прав индейцев».

Изучив жизнь коренных обитателей Чако, Беляев считал необходимым закрепить за ними в законодательном порядке землю их предков. Беляев считал, что индейцы от природы «свободны как ветер», не делают ничего по принуждению и должны сами быть двигателем собственного прогресса. В этих целях он предлагал предоставить индейцам полную автономию и одновременно с ликвидацией неграмотности постепенно внедрять в сознание их обитателей основы культурной жизни, демократических ценностей, права и т.д. При этом русский ученый предостерегал от искушения нарушить складывавшийся веками образ жизни индейцев – их культуру, быт, язык, религию, поскольку это, при свойственном индейцам консерватизме и уважении к памяти предков, лишь оттолкнуло бы их от «культуры белого человека».

«Декларация» требовала от белых элементарной справедливости: возвращения части ранее отторгнутых земель, распространения на индейцев тех прав, которые до сих пор принадлежали только белым – неприкосновенности жилища, свободы передвижения, предпринимательской деятельности. Единственной привилегией индейцев было право на круглогодичную охоту и рыбную ловлю

на заселенных ими территориях, и то лишь до тех пор, «пока правительство не изыщет фонды для организации независимых индейских колоний» в качестве «временной компенсации за земли, отошедшие к белым переселенцам».

Беляев не останавливался на достигнутом. Наконец-то было найдено практическое применение поэтическому и драматическому дару, который долгое время оставался не востребованным. В апреле 1938 года в национальном парке Асунсьона с шумным успехом прошло театрализованное представление «Индейская фантазия». Автором либретто был Беляев, режиссером – артист Роберто Холден Хара, дирижировал оркестром известный парагвайский композитор Хосе Асунсьон Флорес, широко использовавший в своем творчестве национальный фольклор индейцев. Артисты, семьдесят индейцев племени макка, изображали один из героических эпизодов Чакской войны – гибель индейского вождя Чикинококa при защите парагвайского форта Карлос Антонио Лопес. Сорок индейцев и Беляев как руководитель труппы получили приглашение на гастроли в Буэнос-Айрес. Эти гастроли, длившиеся целых три месяца, принесли хорошие результаты: парагвайцы вернулись на родину с круглой суммой и желанием выкупить у правительства участок земли для организации индейской школы. Аргентинцы под впечатлением увиденного, начали борьбу за равноправие индейцев в своей стране. Средства, вырученные за постановку феерического спектакля «Прибытие Колумба», пошли на открытие образцовой школы для индейцев.

В 1940 году на торжественном заседании, состоявшемся в здании парагвайского Красного Креста, в присутствии представителей общественности и культуры было принято решение о создании научно-общественной Ассоциации индеанистских исследований Парагвая (АИИП). В состав Директората вошли президент АИИП, известный парагвайский врач и ученый Андрес Барберо, казначей – полковник Эухению Мартинес, инженер Николай Эрмакофф и директор будущей колонии-школы – генерал Иван (Хуан) Беляев.

Ассоциация преследовала научные и практические цели: научные предполагали создание музея, исследовательского института и выпуск специализированного журнала, практические ставили задачу добиться от правительства выделения земельных участков для передачи в частную собственность индейцам, чтобы помочь им перейти к оседлому образу жизни. Подчеркивалась необходимость распространения на индейцев всех прав и обязанностей члена современного общества, повышение санитарно-гигиенических условий жизни в индейских общинах, сотрудничество с другими организациями, в том числе и международными, в деле улучшения положения индейцев.

Собранные за счет общественных пожертвований, личных взносов учредителей и от издания специализированного журнала (журнал «Анналы Ассоциации Индеанистских Исследований Парагвая» начал выходить с 1945 года, редактор – Хуан Беляефф) средства должны были поступать индейцам, которые имели право самостоятельно распределять их между собой согласно своим нуждам.

Индейцы Чамакоко

Усилия Беляева не пропали даром. 25 января 1941 года декретом президента Республики в распоряжение Ассоциации были переданы земли на берегу реки Парагвай для обустройства первой индейской колонии-школы, получившей название «Бартоломео де Лас Касас» – по имени испанского священника, выступавшего в защиту прав индейцев в XVI веке. Другой декрет закрепил за оседлыми индейцами (макка, тобас и т.д.), имеющими хижины в Чако, земельную собственность. Была утверждена должность специального наблюдателя за соблюдением конституционных прав индейского населения страны. Беляева восстановили в должности директора Национального патроната и присвоили ему титул Генерального администратора индейских колоний в Парагвае.

Первые 239 индейцев племени макка поселились на острове недалеко от Асунсьона. Вещи, необходимые для первоначального обустройства (топоры, пилы, лопаты, каноэ, лошади, скот и т.д.) были приобретены на деньги, полученные от выступлений индейского театра, за счет пожертвований членов Ассоциации и просто сочувствующих делу Беляева. На эти деньги построили школу – обычную хижину без окон с крышей из тростника, где учили грамоте Беляев и его помощница – доктор Бронислава Сушник – детей индейцев-колонистов и тех, кто впервые отважился увидеть мир за пределами сельвы.

Пожилые индейцы занимались сельским хозяйством. Они выращивали батат, маниоку, маис, сорго, сахарный тростник, арбузы, дыни. Мужчины охотились. Вскоре многие асунсьонские модницы стали щеголять в страусовых перьях, добытых индейцами и выделанных их женами. Огромной популярностью пользовались сувениры из кожи, пончо и ковры, украшенные традиционными индейскими орнаментами. Крепкие спиртные напитки были запрещены. Индейцы употребляли лишь «лох» – местный витаминизированный напиток наподобие пива с малым содержанием алкоголя. За санитарным состоянием колонии и ее жителей регулярно наблюдали медики, члены Ассоциации.

Беляев преподавал детям основы общественной жизни, истории, географии и личной гигиены на различных индейских языках и диалектах, а знал он их более десяти, и одновременно обучал индейцев самым главным молитвам. Беляев отмечал сходство верований индейцев Чако с христианской религией. Макка имели понятие о Святой Троице, бессмертии души и рае (под другими названиями).

«Белый вождь» вскоре стал достопримечательностью парагвайской столицы. Иностранцы не покидали Асунсьон, не познакомившись с Беляевым.

Это был симпатичный, среднего роста старик, с классической бородкой русского солдата и глазами, излучавшими огромную доброту и интеллект. Последние годы жизни парагвайского Миклухи-Маклая были целиком посвящены индейцам. Беляев совершал постоянные поездки на остров, в школу-хижину. До самой смерти он оставался верен своему девизу: «Защищать обиженных до последнего вздоха». Дом Беляева поражал крайней бедностью быта. Он жил в хижине, которая не имела даже потолка. Его дом был наполнен индейцами, их детьми. Часть эмигрантов, к сожалению, относилась к нему, как к сошедшему с ума старику, позорящему своими отношениями с индейцами русскую нацию.

Что касается открытости дома Беляева, то об этом написал М. Д. Каратаев: «Довольно многочисленные группы чимакоков два-три раза в год приходили в столицу и располагались в генеральском дворе. Являлись они из Чако в настолько "декольтированном виде", что полиция их не впускала в город, и темной ночью они тайком пробирались к генералу в сад, окруженный высоким забором. Троих или четверых он снабжал своими старыми штанами или пижамами, чтобы они могли выйти на улицу …».

После смерти Беляева в 1957 году индейцы трогательно заботились о его верной спутнице жизни – Александре Александровне, к тому времени уже безнадежно больной.

Каратаев пишет: «Воистину невообразимой может оказаться человеческая судьба. О русском генерале Беляеве, как таковом, через два-три десятка лет исчезнет всякая память. Но как индейский касик – друг и благодетель этого народа – он не будет забыт, пока на земле останется хоть один чимакок. Рассказы о нем, обращаясь в легенды, будут передаваться из поколения в поколение, и, может быть, настанет такой день, когда в Чако ему воздвигнут памятник как индейскому национальному герою».

Хоронили Беляева с высокими почестями – как генерала, Почетного гражданина Парагвая, Почетного Генерального администратора индейских колоний… В некрологе говорилось об «апостоле борьбы за права индейцев», «русском по рождению и парагвайце сердцем», который стал «знаменем культурного освоения Чако».

Отпевание состоялось в русской православной церкви города Асунсьон в присутствии большинства членов русской колонии, представителей вооруженных сил, общества отставных ветеранов Чакской войны. Во дворе и вокруг церкви стояли сотни индейцев, пришедших проститься с «Белым Отцом».

Когда гроб с телом Беляева перевозили из церкви в здание Общества отставных ветеранов, вождь чимакоков сидел на козлах рядом с кучером, а все его племена в скорбном молчании шествовали за колесницей. Индейцы и отставные ветераны сменяли друг друга у гроба, в то время как собравшиеся во дворе и не присевшие ни на минуту краснокожие пели «Отче наш» на своем языке так, как научил их Беляев.

Индейцы хоронили не просто хорошо относившегося к ним белого. Он стал для них своим. В клане Тигров чимакоки провозгласили его касиком. Каратаев, узнав об этом, писал: «Маленький, щуплый и благодушный Беляев был похож на тигра как гвоздь на панихиду. Дома жена ласково называла его заинькой, и это подходило к нему гораздо больше». Отнюдь не внешний вид Беляева послужил отправной точкой для причисления его к клану Тигров, а что-то иное, что поняли только индейцы, гораздо лучше разбиравшиеся в таких тонкостях.

Памятник И. Т. Беляеву

Индейцы несли почетный караул два дня, а когда гроб с телом Беляева на военном корабле был вывезен на остров посреди реки Парагвай, избранный им местом последнего упокоения, когда отгремел военный салют и отзвучали надгробные речи, индейцы отстранили белых. В хижине, где их вождь учил детей, они долго пели над ним свои надгробные песни. После похорон сплели над могилой шалаш, посадили вокруг кусты роз. На простом четырехугольнике земли, без холма, выложили простую надпись: «Здесь лежит Беляев».

УРОКИ ИСТОРИИ – В ШКОЛЕ И НЕ ТОЛЬКО

Почему я решил высказаться

Размышления об истории – неотъемлемая форма активности личного и общественного сознания. Сказания о деяниях предков – основная составляющая фольклора всех народов. Эллины упивались своими мифами, кельты – сагами, финны – рунами, русские – былинами, а это всё история. Самым популярным жанром художественной прозы в Новое Время стал исторический роман, к которому, конечно же, относится и «Война и мир».

Или возьмите детей. Для них нет большей магии, чем сказка, а ведь эта магия начинается завораживающей фразой: «в некотором царстве, в некотором государстве», то есть обещанием погрузить слушателя в прошлое. В общем, интересу к былому все возрасты покорны. Чем это объяснить?

Этот интерес порождается той преизбыточной жизненной силой, которую Бог вдунул в человека при самом его сотворении (Быт. 2, 7). Эта сила так велика, что только малая её часть расходуется на деятельность в окружающем предметном мире, а остальную часть человек вынужден тратить на деятельность в воображаемом мире, в царстве грёз и фантазий, которое каждый расширяет до тех пределов, которые он в состоянии освоить.

В раннем детстве различия между этими мирами почти не существует, поэтому детство – самая счастливая пора жизни, пора полноты существования. К сожалению, у взрослеющего человека появляется потребность отличать «реальное» от «воображаемого», и к последнему он начинает относиться, как к чему-то второсортному, не стоящему того, чтобы расходовать на него душевную энергию. Но предметная сиюминутная действительность слишком убога, чтобы разместить в себе весь потенциал наших переживаний, поэтому в «реальное» мы включаем не только то, что есть, но и то, что по нашему мнению было, то есть историю, и тут-то отводим душу, предоставляя себе возможность участвовать в жизни предыдущих поколений. Наша жажда

Тростников Виктор Николаевич – философ, по образованию физик, математик; разрабатывает проблемы теоретической и прикладной философии и богословия. Родился в 1928 году в Москве. Окончил физико-технологический факультет МГУ в 1953 году. Работал в Ленинграде, затем вел преподавательскую деятельность по высшей математике в различных вузах Москвы. Был доцентом кафедры высшей математики МИИТа. Имеет ряд публикаций по вопросам физики и математики, в том числе монографии по математической логике. Труды Тростникова в 90-е годы, кроме лекционной деятельности, книг и статей по «научной апологетике», знаменуются постепенным переходом философа от апологетики к экзегетике и от космологии к сотериологии. Центральной темой в них становится тема спасения. В этой связи Тростников ставит вопрос о природе и происхождении нашей цивилизации, считая, что она целенаправленно препятствует делу спасения, и вводит в свои произведения размышления эсхатологического порядка.

жизнедеятельности, не удовлетворённая запросами убогой повседневности, вознагрждается тем, что мы, читая Вальтера Скотта, сражаемся на стороне Ричарда Львиное Сердце с Саладином, с героями Дюма осаждаем Ла-Рошель, читая Мельникова-Печерского подвизаемся с отшельниками, а Ильфа и Петрова – проворачиваем аферы с Остапом Бендером. Вы скажете, что «Двенадцать стульев» – не исторический роман, и никакого Остапа Бендера не существовало. Это верно, но разве нереальность этого героя препятствует реальности ваших ему сопереживаний? Такого Ричарда Львиное Сердце, каким его изобразил Вальтер Скотт, тоже не было. А каким он был на самом деле?

Вот это-то «на самом деле» и стоит сегодня в центре дискуссии о школьном учебнике истории. Все требуют, чтобы учебник излагал «историческую правду». Возможно ли это? О том я и хочу высказать свои соображения.

Что такое история?

Кого бы вы ни спросили об этом, вы получите один и тот же ответ, совпадающий с тем, что сказано в энциклопедии: «наука, изучающая прошлое». Несмотря на общепризнанность, в этом определении неверно каждое из трёх слов.

История родственна биографии. Она представляет собой биографию либо какого-то людского сообщества, либо всего человечества (всеобщая история). Биография же есть история индивидуума. Разница, как мы видим, только в субъекте (он же объект). Но разве я могу сказать, что моя биография есть наука, изучающая моё прошлое? Биография в переводе с греческого есть жизнеописание. Его могут составлять какие-то посторонние люди, а могу написать и я сам. Второй вариант, конечно, предпочтительней. Что скажет обо мне посторонний биограф? Родился тогда-то, детей столько-то. Но разве в этом заключалась моя жизнь? Жизнь – это то, что бурлило во мне между этими формальными вехами, и о ней знаю только я один, поэтому истинным жизнеописанием может быть только автобиография, то есть воспоминание. Никто, кроме меня, не может помнить, какой была моя жизнь. «Профессор, снимите очки-велосипед, я сам расскажу о времени и о себе»[1]. Только я, благодаря тому, что обладаю личной памятью, могу рассказать о том, в чём состояла моя жизнь в тот или иной отрезок времени, что меня волновало, что я любил и ненавидел, что искала моя душа, короче говоря, каков был жизненный путь моего «я»! Но эта рефлексия, этот самоанализ не имеет ничего общего с наукой – это повторное переживание былого, его перенесение из прошлого в настоящее. И тот, кто сам не прошёл этим путем, а судит о нём по зафиксированным в документах событиях, не сможет описать его правдиво. Сторонние биографы обычно и не пытаются сделать это, а ограничиваются событийной стороной. На Новодевичьем кладбище в Москве я увидел поразившую меня надгробную надпись: здесь лежит такой-то, член Союза писателей СССР. Тем, кто его хоронил, больше нечего было о нём сказать! И, заметьте, они

[1] Из поэмы В. В. Маяковского «Во весь голос».

даже не сказали, был ли он писателем, и правильно сделали, поскольку это была бы уже внутренняя характеристика.

Всё сказанное относится и к общественной биографии, то есть к истории. Это тоже воскрешение в памяти пережитого, но теперь уже целым народом, перенесение всего того, что составляло самую суть его существования – чувств, мыслей, надежд, радостей и горестей из прошлого в настоящее. А такое перенесение может быть осуществлено только в воображении. Кто-то скажет: а вот у меня на полке стоит томик Костомарова, этот томик существует сейчас – вот вам и прошлое в настоящем, и не в воображении, а на бумаге. Это – логическая ошибка. На бумаге никакого прошлого нет, а есть только нанесённые типографской краской знаки, которые мы называем буквами. Это предмет, мёртвая материя, которая не может содержать в себе никакой жизни – ни прошлой, ни настоящей. Но этот предмет способен помочь грамотному человеку, прочитавшему эти буквы, оживить прошлое в своём сознании, сделать его на какое-то время для себя настоящим. Читая о гибели царевича Димитрия в Угличе, мы не переселяемся в шестнадцатый век, как об этом принято говорить – никуда из своего времени мы не выходим, – а воспроизводим в своём сознании некий фрагмент жизни шестнадцатого века с эпизодом смерти царевича и переживаем этот эпизод через четыреста лет после того, как он был пережит очевидцами. Совпадают ли наши переживания с их переживаниями? Наверняка не совпадают. Тогда были другие люди, они по-другому видели мир, по-другому думали, чувствовали, у них были другие страхи и другие упования, и отождествлять своё сознание с их сознанием мы не способны. Жизнь шестнадцатого века, вызванная нами в двадцать первый век, не похожа на ту, какой она была, как вытащенная из воды медуза не похожа на ту, что плавала в море. Какая же тут историческая правда или правдивая история? Это не воскресшая прошлая жизнь, а возникающее в нашем уме сегодняшнее представление о прошлой жизни, которое всегда ложно. В реку времени нельзя войти дважды.

Но ведь в формировании нашего представления о прошлом участвует и наука – работа с источниками, археологические раскопки и т.п. Может быть, наличие этой составляющей в воссоздании живого образа прошлого даёт все-таки право называть историю наукой?

Нет, не даёт. Возьмём такую аналогию. Современная медицинская диагностика невозможна без сложных приборов. Можем ли мы из-за этого назвать её приборостроением? Разумеется, не можем. Какая бы техника в ней ни применялась, она остаётся врачебным искусством. Окончательный диагноз в любом случае подсказывается врачу его интуицией, основанной на клинической практике, на приобретенном опыте. Именно интуиция позволяет ему создать в своём воображении картину того болезнетворного процесса, который невидимо происходит внутри бесконечно сложного человеческого организма. Что же дают приборы? Их показания ограничивают диапазон деятельности интуиции, отсекая многие варианты, но и в этом, более узком диапазоне, последнее слово принадлежит ей.

То же самое и в истории. Наука остаётся для неё таким же вспомогательным средством, каким приборостроение служит для диагностики. Она своими данными просто ограничивает полёт фантазии историка, но та реконструкция прошлой жизни народа, которую ученый даёт в своём учебнике или в монографии, всё равно остаётся плодом его фантазии.

Так какой же ответ нам в конце концов надлежит дать на вопрос, что такое история? История есть особый вид художественного творчества, создающий в нашем воображении картину жизни предыдущих поколений, не противоречащую установленным наукой событиям минувших времён и их датировке. Из этого определения мы и будем исходить в дальнейшем.

Основной парадокс историографии

Всем хорошо известно, что в так называемой «исторической науке» всегда существовало и существует множество школ и направлений, не только не согласных друг с другом, но и ожесточённо полемизирующих между собой. Определив историю как род художественного творчества, мы не должны этому удивляться: художественное творчество основано на воображении, а воображение у каждого историка работает по-своему.

Но вот какая здесь возникает несообразность. Творческое воображение историка лимитируется добытыми наукой историческими фактами, и чем больше установлено фактов, тем, казалось бы, меньше у историков возможности фантазировать, следовательно, тем меньше должно быть между ними споров. В действительности же всё обстоит прямо противоположным образом. О жизни Древнего Египта, о котором мало данных, все специалисты говорят примерно одно и то же: экономика держалась на богатых урожаях в дельте Нила, поклонялись богу Амону, фараон был верховным жрецом, ему строили гробницу в виде пирамиды, из которой он должен перейти в сонм богов и с неба благодетельствовать египтянам. О лучше известном средневековье расхождений побольше, например, о причинах и роли крестовых походов и об инквизиции. А вот по поводу совсем недавнего времени, где документирован чуть ли не каждый Божий день, высказываются самые противоречивые мнения. В чём тут дело?

Пока можно сказать только одно: очевидно, споры между историками ведутся о чём-то таком, что не связано с фактами и датами, то есть с материальной составляющей исторического процесса. Но тогда яблоко раздора нужно искать в другой его составляющей – духовной. К ней-то нам и надо теперь присмотреться.

Материальная сторона жизни народа есть экономика в самом широком понимании этого термина. Духовный аспект народной жизни – это религия, тоже понимаемая в самом широком смысле, то есть как тип верования, принятая иерархия ценностей. В таком понимании к верованиям относится и атеизм, – вера в то, что Бога нет, которая тоже, в свою очередь, определяет шкалу ценностей. Экономика – тело жизни, религия – её душа. Состояние национальной

души, вероятно, как-то связано с состоянием тела, но эта связь очень непрямая и научному объяснению не поддаётся. А ведь то, что больше всего интересует нас в истории – радости и горести наших предков, их внутренняя жизнь – зависит, в первую очередь, от состояния национальной души и только потом – от экономики. А поскольку наукой документируется и датируется в основном материальная составляющая жизни предков, то в отношении её духовной, то есть самой интересной, в сущности, стороны можно фантазировать сколько угодно, не особенно считаясь с фактами.

Как мы уже говорили, погружение в историю притягательно для нас в значительной мере потому, что даёт нам возможность раздвинуть временной ареал нашего существования и пожить, хотя бы в воображении, в иных условиях по отношению к тем, в которых нам привелось жить по факту. Мысленно переселяясь в эту другую жизнь, мы невольно сравниваем её с нашей и находим её либо лучшей, либо худшей. В первом случае нам хочется перенести эту прошлую жизнь в настоящее, во втором случае нас охватывает страх, как бы она не вернулась.

Здесь и лежит ключ к разгадке парадокса. Когда историки рассказывают нам о давно минувших временах, нам ясно, что тогдашний образ жизни сегодня невоспроизводим, и нам всё равно, хорошим он был или плохим с нынешней точки зрения. Но когда мы читаем описания недавнего прошлого, нам представляется вполне возможным, что оно вернётся вместе со своими порядками. Те из нас, которым эти порядки нравятся, кто ностальгирует по ушедшему, хотят, чтобы историк дал недавнему былому положительную оценку, тем самым приглашая к нему возвратиться, а те, кому оно не по душе, будут требовать от историка решительного осуждения того периода, дабы он, не дай Бог, не повторился. Первые и вторые будут ожесточённо спорить друг с другом, отстаивая «правдивую историю», понимая под правдивостью истории не соответствие фактам, которыми прикрываются, а правильную, по их мнению, оценку прошлого. Именно так ведут себя те, кто ныне обсуждает школьный учебник истории. Особенно резкая поляризация возникает у нас, когда речь заходит о совсем недавнем – об эпохе Сталина. Это имя производит какое-то магическое действие: все просто заходятся в требованиях исторической правды. Одни видят её в том, что Сталин – святой, достойный церковной канонизации, другие хотели бы утвердить эту правду, поступив с ним как с Кромвелем: эксгумировав его останки и вздёрнув их на виселице. И, что самое замечательное, – каждая из сторон легко подтвердит правдивость своей точки зрения железобетонным фактом, то есть обоснует её «научно».

Бессмысленность разработки «правдивого» учебника истории, который всех примирит, вытекает из того обстоятельства, что разработчики стремятся утвердить с помощью учебника не какую-то абстрактную правду, а правоту и правильность своего конкретного мировоззрения. А поскольку в России бытует множество мировоззрений, исповедуемых разными партиями, то выход один: пусть каждая партия напишет свой учебник истории.

Давайте пофилософствуем

Что же у нас получилось? Получился релятивизм, получился субъективизм, получился агностицизм. Но ведь это ужасно, так жить нельзя. Для нормальной жизни нужен абсолют, нужна объективность, нужно твёрдое знание. И естественнее всего искать эти три точки опоры в истории. Но наши рассуждения привели к тому, что их там нет. В таком случае, может быть, попробовать найти их в чём-то другом?

Начнём с поисков объективности. В истории её нет по той причине, что история есть описание несуществующего, ибо предмет этого описания – жизнь наших предков – ушёл в небытие, его уже нет. Извлечь былую жизнь из небытия мы можем исключительно с помощью воображения, а воображение субъективно. Прошлая жизнь не дана непосредственно нашим органам чувств, поэтому мы всегда имеем дело лишь с нашим представлением о ней. На формировании представления сказывается не только специфика объекта, но и специфика субъекта. Это лишает рисуемую историком картину прошлого объективности. Вот если бы он мог сесть в машину времени и физически побывать в прошлом, оно стало бы для него объективной реальностью. Так думает большинство. Но философия думает иначе, и прислушаться нам нужно именно к ней. Почему? По той причине, что подлинная философия – а мы только её будем именовать философией, – как раз и есть отыскание ответа на вопрос, что такое объективная реальность.

К настоящему времени этот вопрос решён, – хотя о том знают только немногие специалисты, – и в его решении приняли участие, помимо философов, богословы и, как ни странно, физики-теоретики. Окончательный вывод, к которому привели более чем двухтысячелетние размышления на эту тему выдающихся мыслителей разных стран в самом кратком виде можно сформулировать следующим образом.

То, что мы называем в обиходе «внешним миром», есть в действительности комплекс наших ощущений – зрительных, слуховых, осязательных и так далее. Совокупность показаний наших органов чувств обрабатывается сознанием нашего «я», и в нём возникает некий образ. Но эти показания не произвольны – их порождает нечто такое, что существует независимо от нас и вне нас. Кант считал, что природа этого нечто навсегда останется для нас неизвестной, но в начале XX века квантовая физика неожиданно её разгадала: объективная реальность оказалась абстрактной идеей, имеющей сложное математическое выражение, которую назвали «универсальной пси-функцией». Она существует сама по себе, отдельно от нас, она не эволюционирует во времени, но содержит в себе категорию времени, когда наше сознание вступает с ней в контакт в акте «наблюдения», она создаётся в нас чувственный образ «внешнего мира», совершенно на неё непохожий. В этом образе чистая идея (пси-функция) обретает плоть, наполняется жизнью, звуком, цветом, красотой, поэзией, любовью.

Пси-функция бесконечно умна, порождаемый ею образ бесконечно прекрасен. Но ведь как-то обидно думать, что всё прекрасное, содержащееся в этом образе, обрело бытийность только с появлением на земле человека в качестве «наблюдателя», извлекающего его из абстрактной идеи и утратит её с исчезновением человека.

На самом деле, для нас есть «хорошая новость»: учение о Троице подсказывает, что это не так. Идея мира – Отец, образ этой идеи – Сын, оживотворение образа – Святой Дух. Мир всегда был и умным, и прекрасным, и живым в сознании нераздельной Троицы, и человек лишь подключается к Её сознанию на том отрезке времени, в течение которого он существует.

Идея, образ и жизнь присутствуют и в истории, и они так же нераздельны, как Лица Святой Троицы. Это значит, что если мы будем располагать хотя бы приблизительным образом исторического процесса и картиной жизни прошлого, можно будет по ним восстановить и третью его составляющую – идею этого процесса, смысл истории. Ведь поскольку мы имеем развёртку этого смысла в жизнеописании, то, употребив логику, можем свернуть это жизнеописание в его идею, то есть понять суть произошедшего. А суть не эволюционирует во времени, какой она была тогда, такой остаётся и сейчас, и мы можем осмысливать её не как нечто исчезнувшее, а как существующее. И если история всё-таки может быть названа наукой, то лишь в той степени, в какой она расшифровывает вечный, а потому не ушедший в минувшее прошлое смысл происходящего.

Так каким же должен быть учебник?

Ответ на этот вопрос теперь напрашивается сам собой. Если речь идёт о всемирной истории, то учебник должен разъяснить учащимся, в чём состоит Замысел Бога относительно сотворённого Им человечества, а если об отечественной истории, – разъяснить, какова та специфическая миссия, возложенная Творцом на Россию, исполнение которой будет частью исполнения всего Замысла. Конечно, нас интересует прежде всего учебник русской истории, и именно вокруг него ведутся самые ожесточённые споры. Если мы установим, в чём состоит предназначение России, споры станут неуместными об этом прежде всего и надо рассказывать в учебнике. А принимая во внимание зафиксированные в источниках события прошлого, предназначение России можно установить однозначно по следующим пяти событиям.

I. В 959 году послы российской княгини Ольги обратились к германскому королю Оттону I с просьбой прислать на Русь епископа для крещения народа. Тот с радостью согласился и назначил миссионера, которому приказал готовиться к выполнению этого важного дела. Но тот перед самым отъездом внезапно умер, а назначенному вместо него епископу Адальберту всё время мешали какие-то неожиданные обстоятельства, и когда он наконец отправился в путь, обстановка на Руси изменилась, власть перешла от Ольги к язычнику Святославу, и горе-крестителя со свитой встретили на границе так враждеб-

но, что те, кто остались целы, еле унесли ноги обратно.

Не напрашивается ли тут мысль, что Богу было неугодно принятие русскими христианства в его западной модификации, то есть католичества? Это предположение подтверждается и тем, что когда двадцать лет спустя князь Владимир запросил крестителей из православного Царьграда, кесарь Василий II уже не мог ему отказать, так как незадолго до этого дружина Владимира помогла ему победить войско узурпатора, пытавшегося захватить власть[1].

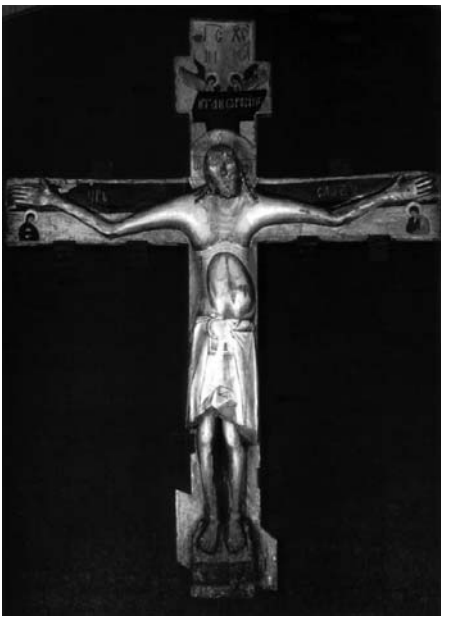
II. В XIII веке в результате поражения на реках Калке и Сити наши князья стали данниками Орды, а Русь в целом была объявлена её улусом, администрация которого назначается ханами путём выдачи ярлыков на княжение. Главной мечтой русских людей на многие годы стало национальное освобождение, но чтобы сбросить иго, сил явно не хватало. И, естественным образом, у наших политиков родился замысел изгнания овладевших Русью язычников с помощью единоверцев – христианских государств Запада. Этот план поддержали все князья… кроме одного, который считал, что с Ордой нужно ладить и даже сотрудничать, а католиков не подпускать к нашей земле на пушечный выстрел. Что, казалось бы, мог сделать родившийся в захолустном Переславле-Залесском князь Александр?

Но судьба вознесла его на новгородское княжение, и там он обошелся с латинскими миссионерами точно так же, как когда-то Святослав с Адальбертом. Александр разгромил их на Неве и на Чудском озере и вышвырнул вон.

Подыскивая адекватную характеристику личности Александра Невского, невольно приходишь к заключению, что это был пророк, в отличие от ветхозаветных гонимых пророков вознесённый на вершину власти и потому сумевший повести Русь по единственно верному пути, подсказанному ему свыше. Иначе как мог он узнать, что основное сокровище Руси, вручённое ей Творцом, не земля, а Православие, которому угрожают не веротерпимые монголы, а стремящиеся латинизировать весь мир паписты? И как собственным умом мог он предузнать, что Орда будет год от года слабеть и в конце концов погибнет от внутренних распрей?

III. Летом 1423 года на Ростовской земле было чудесным образом обретено деревянное распятие византийской работы, ныне хранящееся в храме Иоанна Златоуста села Годеново. Это произошло ровно за тридцать лет до падения Константинополя, так что годеновское чудо трудно истолковать иначе, чем предвестие о том, что Руси предстоит принять от Византии крест хранения истинной веры, то есть стать Третьим Римом.

[1] В 988 г. русское войско, посланное князем Владимиром, обеспечило победу императору Василию II над узурпатором Вардой Фокой. За усмирение бунта воеводы Фоки князь Владимир просил руки сестры императоров Константина и Василия – Анны – и присылку духовенства для крещения Руси. Императоры согласились, но условия своего не выполнили. Тогда Владимир взял Корсунь и этим заставил их исполнить обещание. Корсунь он вернул грекам как выкуп [вено] за невесту, дружину свою крестил и крестился сам.



Честной Животворящий Крест Господень

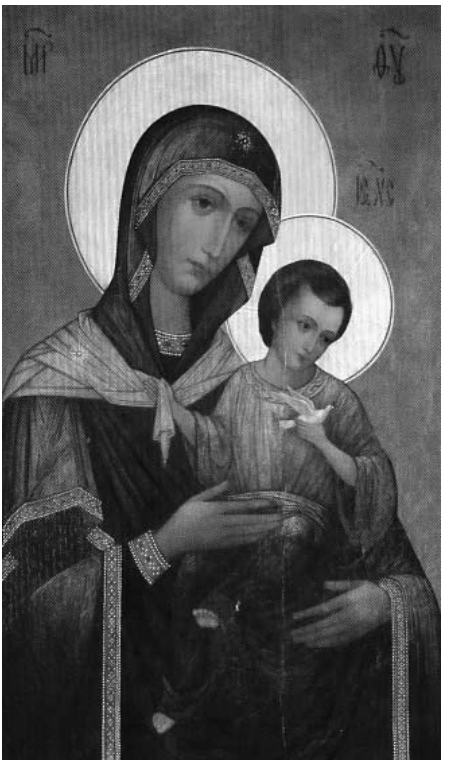
Храм свт. Иоанна Златоуста. Село Годеново

IV. В 1437 году на русской митрополичьей кафедре волею судьбы оказался некто Исидор, известный теолог, проникнутый духом латинства. Естественно, что на Ферраро-Флорентийском Соборе он подписал в 1439 году унию с Западной Церковью. Это переполнило чашу терпения паствы, и когда Исидор возвратился в Москву, Великий князь Василий II Васильевич согнал его с кафедры. Так мы остались без предстоятеля, поставленного Царьградом, и нам пришлось объявить нашу Церковь автокефальной. Предательство Исидора обернулось благом. И в 1447 – 1448 годах. Русь одновременно обрела единого Великого князя[1] и церковную независимость[2] – стала Третьим Римом, к чему до этого всё и шло.

V. В 1458 году через таинственного посыльного пленённый турками Константинопольский Патриарх Геннадий[3] передал Псковскому Спасо-Елеазаровскому монастырю Цареградскую икону Божьей Матери – список с главной святыни Софийского собора. Это никак нельзя истолковать иначе, кроме как благословение начавшему свой исторический подвиг Третьему Риму от заканчивавшего его Второго Рима:

Был Рим Второй и дальновиден, и умён:
Он понял, что врага не одолеть ему,
И эстафету веры до конца времён
Он передал на сохраненье Третьему.

Можно было бы продолжить перечень исторических событий, как лыко в строку ложащихся в концепцию предназначения России быть столпом и утверждением Христовой истины до конца времён, но мы не будем отбивать хлеб у составителей учебника, который должен воспиты-



Цареградская икона Божией Матери

Патриарх Константинопольский Геннадий II Схоларий

вать в учащихся решимость включиться в исполнение этого предназначения. Других задач у учебника нет и быть не может.

[1] В 1447 г. окончилась междуусобная война за московский престол, и Великий князь Василий II Васильевич (Темный) торжественно въехал в Москву.

[2] В 1448 г. нареченный митрополит Иона Собором русских архиереев посвящён в митрополиты Киевские и всея Руси, что положило начало фактической самостоятельности Русской митрополии.

[3] Геннадий II Схоларий (1403 – 1472) – патриарх Константинопольский, первым занявший эту кафедру после падения Византийской империи. После захвата Константинополя турками бежал из города, но был захвачен в плен и продан на невольничьем рынке в Адрианополе. Через несколько месяцев султан Мехмед II вызвал его в Константинополь и утвердил на Патриаршей кафедре. Через два года Геннадий II отрёкся от престола и удалился сначала на Афон в Ватопедский м-рь, а затем в м-рь Продрома, где и был похоронен. Его имя внесено в Синодик Константинопольского Патриархата. Знаменательно, что подобно благоверному князю Александру Невскому, патриарх Геннадий II предпочёл турецкое пленение соглашению об унии, которое предлагал подписать легат папы кардинал Исидор (бывший митрополит Киевский).

«БЕРЕЖЕНЫЙ ХЛЕБУШЕК ЛЮБВИ»

Смоленцев Алексей Иванович родился 26 марта 1961 года в г. Йошкар-Ола. С 1962 г. живет в Кирове (Вятке). Окончил Московский ин-т стали и сплавов и Литературный институт им. А. М. Горького.

По основной специальности работает в Федеральном медико-биологическом агентстве России, по совместительству – ст. научным сотрудником Вятского гуманитарного госуниверситета. Кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Публиковался в центральных и региональных изданиях, автор книг «Иван Бунин. Гармония страдания», «Пересеченная местность», «Береженый хлеб».

Ангел

<...>

Время жизнь свою править выше,
Русских душ расключать ключи.
И имеющий уши – слушай,
Потерявший себя – ищи.

Время падать идолам наглым.
Вновь Христу – мой народ – свеча.
Так – молчит за плечами Ангел
И огонь от его меча.

+ + +

Смерть ушла, и жала не осталось,
Но зачем, волнуя кровь, опять
Подступает к горлу, словно жалость,
Вечеров весенних благодать?

Хмарь костров и пыльный смет обочин –
Зарыдать – и не имеешь слез…
И горька, как свежесть первых почек,
Эта жизнь, которая всерьез.

И душа, что за любовь ломима,
Вновь взыскует: бодрствуй и внемли…
Вечный сон о вешней тени дыма
В молодом смятении земли.

Самара

Вопреки теченью катерок
Трудится, стремится к цели дальней.
А и впрямь Самара – городок
И зеленый, и провинциальный.

Набережной бережный уют
Весь осыпан яблоневым цветом,
Соловьи незримые поют,
Осеняя Родину рассветом.

А вверху, над вольницей реки,
Там, где грянет солнца изобилье,
Облаков касаются, легки,
Серебром трепещущие крылья.

Золото и зелень, купола,
Благовест сочится мёдным воском,
Бьют у Сергия колокола, –
Сретенские отвечают в Борском.

И вовек над благодатью сей
Иноземный не взойдет воитель, –
Так сказал святитель Алексей –
Города небесный покровитель.

Так и будет. Обороной пост.
С Господом любое лихо стерпит
На границе азиатской степи
Православной Родины форпост.

Пред Храмом Христа Спасителя

Смотрю на купол, душу запрокинув.
Вот так же наша вера высока.
Стремительно небесную стремнину
Сквозь створ крестов проходят облака.

О, быстротечность вечности! Туда
Вольюсь ли частью, избежавшей тлена?
Будь милостив… И, преклонив колена,
Я бью челом – тверда земля, тверда.

Христос Спаситель, чудо храма славлю!
До высоты достанет ли скорбей?
Но укрепленьем в вере православной
Дай быть, как грунт, на паперти Твоей.

Во глубине России

Наша вера – межреберья рана:
Кровь течет, но схимой прочен сан.
День и ночь в молитве непрестанно
Пребывает старец Иоанн.

Храм в теснине кладбища. На страже
Православья крепкие посты.
Противоантихристовы кряжи –
Жестко ощетинились кресты.

Се оплот. В церковных сводах Ангел
Бдит, испепеляя мрака край.
Неусыпным чтениям Евангелий
Внемлет Чудотворец Николай.

Времена прошли. Настали сроки,
Четками отсчитанные дни.
Бьются, вьются бесы, как сороки,
Как трещат в преддверии они.

Видит старец, в Боге прозревая,
Все враги России, чуя суд,
Хрюкая и воя, и стеная,
На ответ к Спасителю ползут.

Замер мир. России изможденной – сон.
Но – звон! Кадило? Врат ключи?
Старец, паче снега убеленный,
Пламя Евхаристии в ночи.

+ + +

Годы шумели ли, воды ли талые?
За переправой судьбу не меняют.
Душу разжав, словно пальцы усталые,
Боже, я сам отпускался от края.

Гибель моя. Но и в эти мгновенья
Был благодарен Тебе, что даешь
Не перепутать паденье с пареньем,
Правду Твою и лукавого ложь.

Падал и полз для того, чтобы снова
Встать и идти, трупных язв не тая.
Знал – это крест, это плата за слово –
Неизреченная милость Твоя.

Как Ты склонялся ко мне, окаянному,
След на снегу – это Ты нес меня.
Дай только прежде конца покаяние,
Дай мне прощение прежде огня.

Не оставляй меня. Слышишь? Не надо.
Дай предстоять среди нищих Твоя.
Даже и там, за церковной оградою,
Благовест Твой да достигнет меня.

Весь пред Тобой я. Карая и милуя, –
Не оставляй… Упокоив потом
Рядом с отцовскою тихой могилою
Под православным русским крестом.

Так слышал Иоанн...

...И видел Иоанн, что свет не меркнет,
И слышал глас, рокочущий над ним:
«И Ангелу Лаодикийской церкви
Ты напиши: так говорит. Аминь.
Твои дела мне ведомы. И даром
Из уст Моих тебя б я не изверг.
О, если б ты был холоден иль жарок!
Но ты лишь тепл. А это – тоже грех.
Ты говоришь: «Моих богатств немало,
И нет нужды...» – се заблуждений мрак.
Узнай же, что несчастен ты и жалок,
И более – ты нищ, ты слеп, ты наг.
Приди ко Мне. Глазною мазью вежды
Помажь свои, чтобы прозреть. Тогда
Я дам тебе и белые одежды,
Чтоб срамом не зияла нагота,
И золото, что вмиг обогащает,
Но чистотой обязано огню...
Лишь помни: только тех Я обличаю,
Наказываю – тех, кого люблю.
Покайся! И будь ревностен ты в вере.
Я – у дверей. Кто слышит голос Мой –
Откроет Мне. И общая вечеря
Нам предстоит: Я с ним, и он – со Мной.

И будет побеждающий достоин
Со Мною на престоле сесть Моем,
Точь-в-точь как Я достоин стал престола
И, победив, сел рядом со Отцем.
Имеющие ухо да услышат,
Что Дух Вселенский говорит церквам».
...Как звук трубы, был глас, звучащий свыше.
Так записал. Так слышал Иоанн.

+ + +

Мы, тихим снегом небеса теряя,
И нисходя в земное бытие,
Уже не помним то, что было раем,
Не помним про небесное свое.

Идем, идем, идем... Господни хлопья,
Ложимся на асфальты и жнивье...
И это мы – и существо холопье,
И воплощенье робкое Твое.

Небесные искрящиеся точки, –
Зачем нам явлен бренный мир земной?
Нас небо ждет. Но так же ждет и почва,
И тихо жаждет, памятуя зной.

Задумав нас как отрицанье ночи,
Ты дал нам выбор, яко Ты наш Бог.
Мы – серые снега, снега обочин
Отеческих, расхристанных дорог.

Но справа лечь – еще не значит правым
После зимы предстать перед Тобой.
Притечь к Тебе и оказаться равным
Тому, что и задуман был Тобой.

О зимнем, о земном весь день хлопочем.
Чему мы служим и кого поем?
Мы серые снега, снега обочин,
Нам не взблистать и самым ярким днем.

Но тот же мир, тот самый, – мог быть счастьем.
И поле, и обочина – Твои,
Когда б мы удостоились Причастья,
Когда бы не забыли о Любви.

И, – что полей божественная нега, –
Мы, сирые обочины Твои,
Убелены Тобою паче снега,
Взблистали б в блеске Солнечной Любви!

Но в смерть усне... Бескрайни наши сны.
В Твои врази обратные не внидем...
Ужели так? И Страшный Суд весны
Нас унесет, как мутные обиды?

Новые бесы

Соберись, кто уже обессилел,
Не остави моленье свое.
Бесы вышли из тела России
И кружат на просторах ее.

И играют с людьми, и дурачат:
То рисуют, то прячут нули.
И по-новому учат батрачить:
Дело делай – сиди на мели.

Учат жить только ради прокорма,
Смерть Рожденью явила свой счет,
И уже дистрофия как норма
Коридорами в школах бредет.

Осквернённую смрадом обитель
Чистит к Богу струящийся плач,
А зияющий их предводитель
Распростер по экрану свой плащ.

Но экран не Россия – недолго
Им крутить злодеяний кино.
Накуражившись, бросятся в Волгу
И, визжа, погрузятся на дно.

Горе горькое

Как похмелье раздирало веки.
Как хотел, чтоб сном предстала явь.
Но всю жизнь в одну и ту же реку
Так и лез. Как будто можно вплавь…

Бог, в Которого еще не верил,
В юные щенячие года
Столько раз выбрасывал на берег,
Но я лез, упрямо лез туда,

Где змеино стекленилось зелье,
Вкривь и вкось Отчизну прочертив…
На Руси есть питие веселье?
Питие есть горе на Руси!

Сколько нас, упившихся, задушенных,
Сколько нас уже за гранью, там,
Где грехами вспученные души
Злее тел смердят по берегам.

Пьем за Русь, стакан подняв, как знамя,
А выходит – здравица врагу.
Родина, она сейчас не с нами,
Церковь не на этом берегу.

Там они, где чтя былую славу,
Рать ведет последний смертный бой:
Каждый русский, каждый православный
На счету в незримой битве той.

+ + +

Снова гласом победным
Лунный выбелен зрак.
Тихим светом молебна
Преисполнился мрак.

И восходит икона
Над фундаментом плеч:
Нам доверил Никола
Возвращения честь.

Погуляли с толпою,
Но труды есть труды, –
Вновь в молитвенном строе
Каменеют ряды.

Над Христовою ратью
Образ, светел и строг,
Дарит нас благодатью
Неготовых дорог.

Зуд комарьего жора,
Солнца жгучий язык
И Медянского бора
Бесконечный тупик.

Зато венчан на царство
Со-Крестовых скорбей
Не в мгновениях часа,
Но под тяжестью всей.

Село Великорецкое, с 6 на 7 июля
после полуночи

Поминовение

Памяти братьев Смоленцевых

В чистоте и струящейся неге
От земных отдыхая невзгод,
Нынче встретились братья на небе:
И Иван, и Евгений, и Петр.

Три судьбы миновали. Три силы
Растворились в пределах земных,
Но шумят на просторах России
Тополя, пережившие их.

Тополя, что посланием в вечность
От отца их устремлены,
От отца, чья судьбина – безвестность
На просторах Великой Войны.

Он рождению сына не ахал:
Строго тополь садил под окном,
Видно знал: возникаем из праха,
В прах уходим, – но в небо живем.

И у братьев – земля как начало:
Первый шаг, первый жизненный срез, –
Запах пашни и запах соляра, –
Хлеборобы времен МТС.

Их по-разному время пластало,
Но об этом другой разговор.
И шумят тополя, где стояло
В оно время селение Бор.

Мне ли слогом их судьбы осилить?
Мне ли их рассудить бытие?
Тех, что были корнями России
И стволом, и ветвями ее.

Упокой же их, Господи! Воля
Да пребудет Твоя, яко свет, –
Да вчиниши их в место покоя,
Там, где нет воздыханий и бед.

8 июля. Приближение к Вятке

И беззвучьем огненного крика
Плавится разверстый солнца рот…
Это снова Николай с Великой
Воинство усталое ведет.

Огнь мозолей пожирает пятки,
Ноша за плечами давит вниз.
Они снова вымолили Вятке
Лето, осень, урожай и жизнь.

Новому не поклонившись веку,
Мудрости заемной вопреки
Вновь вошли в одну и ту же реку,
С той же возвращаются реки, –

И подав пометочки о близких,
До земного окончанья дней
Будут помнить грязь под Монастырским,
И двойную радугу над ней.

«Радуйся, Николае», – пропето.
По миру опять рассеет Бог.
Через год, на третье утро лета
Соберет Никола свой горох.

Последний Завет

Евгению Лазареву

Третий Рим и в ночи, и в снегу
Захлебнулся. И сон его тесен…
Сквозь двухтысячелетнюю мглу
Вдруг откроется полдень в Эфесе.

Дрожь и зыбкость вселенских основ.
От креста разрешаются плечи.
Грянул час: Иоанн Богослов
Возвращается в Логос Предвечный.

Он, земных не стяжавший оков,
Утверждающий веру как камень,
Уже слышит отеческий зов
И прощается с учениками.

Иоанне, отверзи уста!
Как нам плыть средь мирского тумана?
Ты – последний, кто видел Христа,
Ты был избранным паче, чем званым.

И в стесненном отчаяньи круга
Сталь мороза прорезала зной.
Молвил: «Братья, любите друг друга», –
И пространство зашлось тишиной…

Третий Рим. Темный морок испуга.
Но пред тем, как низвесть сатану,
Русским словом прозренная вьюга
Закружила и мает страну.

Как нам быть, если верный поруган,
Если ненависть застит нам свет?
Слышу: «Братья, любите друг друга», –
Вечно Новый Последний Завет.

Русский монастырь

Перечитаю Псалтырь.
Боль моя вспять потечет.
Русский спасет монастырь –
Или ничто не спасет.

Синее небо. Кресты
Словно из солнца отлиты.
Здесь все рецепты просты:
Труд и молитва.

Сколько над смыслом ни бейся,
Здесь обретешь невзначай:
Молишься – верь и надейся,
Любишь – терпи и прощай.

Смиренная любовь

Осенние зябнут поля.
Ночной исчезающей тенью
К утру поседеет земля
В ознобе прозренья.

Осенние думы, струясь,
Замрут, воплощая безгласность.
И вот уж не слякоть и грязь,
А четкость и ясность.

Живи, покидать не спеша,
Ни кров, ни небесную кровлю.
И пусть серебрится душа
Смиренной любовью.

Береженый хлеб

Пасхи золотая синева.
Дар приму от нищенки убогой.
И с тех пор, как данное от Бога,
Берегу сухарик и слова:

«Радуйся! Воскресло Жизни Чадо!
Не побрезгуй, милый человек,
Свежий ситник – ежедень и сладок,
Береженый хлебушек – весь век».

Господом подсказанная мера,
Ревностно хранимая во дни,
Радость моя первая и вера –
Береженый хлебушек Любви.

Горохово

Русь незрима. В чине страстотерпцев
Наши села скрыты от врага.
Прохожу и задеваю сердцем
Камень стен. Тесны Твои врата…

Нет села? Но как тогда упрямо
Умудрилась быть и не пропасть
Между колокольницей и храмом
К роднику ведущая тропа?

Лествицей акафистною внидешь
В мир, где паче светлого светло,
И из трав проступит вятский Китеж –
До поры незримое село.

Скрытое от взора, словно в схиме,
В подвиге смирения высокого
И живет, и помнит свое имя,
Богом нареченное – Горохово.

Крестный ход

Владимиру Крупину

За крестом по горестной Отчизне...
Краткий отдых. Тихо и светло.
Здесь когда-то радовалось жизни
Русское исконное село.

Здесь, где в травах не найти дорогу,
Жили и умели, и могли,
И седьмой день посвящали Богу,
И святой источник берегли.

Тихо и светло. Свершилась драма –
Боль России и судьба ее, –
Нет следа? Но помнит остов храма,
Помнит время прежнее свое.

И его трепали те же грозы.
Тракторок усиленно пыхтел.
Тщетно. – Мочевиной и навозом
Завалили Радости Придел.

Как они глумились над Великим!
Словно из утробы светлый плод,
Все скребли, все выскребали Лики,
Оборвать пытаясь русский род.

Пыжились. Но удержал Спаситель.
Урезонил хамские дела.
Выстояла Радости обитель –
До сих пор жива душа села.

Вдруг услышу между вещих строчек,
Тающих в божественной тиши, –
Сердце ли? – Святой воды источник –
Бьется. Не сумели заглушить!

И тогда увижу здесь впервые
Не простор, что полонен травой, –
Светлый образ нынешней России,
Православной Родины – живой...

Значит, рано нам сдаваться ночи,
Да и дел-то соберешь в горсти –
Возродить живой воды источник,
Храм расчистить, Родину спасти.

Сыроежка

Маме

...на тропе, близ скита
Пресвятой Богородицы Ксилургу[1]*,*
Я увидел сыроежку...

Небо молится здесь. Море – стонет.
Здесь дарован Горе горний труд.
Сыроежки растут на Афоне,
Словно дома, в России, растут.

В школьных прописях Божия правка.
Верь и бойся, проси – и тебе
Фиолетовой камилавкой
Просияет в опавшей листве

Сыроежка. И только? И – столько! –
В мертвом сердце очнется, что спит:
Вспомнишь мать покаянно и горько
У святой материнской стопы.

Что творил ты? До дна и до края
Достигал. Но из смертных оков
Вынимала тебя, – разгильдяя, –
Материнской молитвой Любовь.

Как ты, мама? Молитва не стынет.
Шла, Дивеевской правдой дыша,
И до Самого Божьего Сына
Ты за сына земного дошла.

Он меня – сыроежку смиренья –
Взял, на камне любви укрепив.
…Мама, будем в небесных селеньях,
Вместе с папой пойдем по грибы…

Дождик декабрьский

Ненависть – тяжкая ноша.
Город бесснежье гнетет.
Плачет блаженный Алеша
Возле церковных ворот.

[1] Главная святыня скита Ксилургу – стопа праведной Анны, Матери Пресвятой Богородицы. Св. прав. Анна имеет особую благодать предстательства за бесплодных супругов и страждущих младенцев.

Храм Серафимовский темен. –
Некого больше лечить? –
И в непокрытую темень
Дождик декабрьский стучит.

Дождик летит и не тает,
Грязью ручейной бурлит.
– Вятке Любви не хватает,
Нам не хватает Любви.

Только Любовь и нетленна,
Званья и почести – прах.
Веру декабрьским успеньем
Нам возвращал Патриарх[1].

Даром молитвенной силы
Он бытие превозмог,
Чтоб предстоять о России
Ближе к Престолу Его.

И на глазах – изумленье –
Дождик до снега простыл.
Праздник иконы «Знаменье» –
Слякоть смиряется в стынь.

Родины отсвет дочерний –
Вятка, еще поживем?
В храме лампадки к вечерне
Теплит отец Симеон.

Вот уже больше и больше –
Тесны – ряды прихожан.
Хлынул с народом Алеша
В свой Серафимовский храм.

Общую исповедь править –
С верой ко Господу Сил –
Батюшка вышел Геннадий,
Сдержанно провозгласил:

– Кротость Давида – основой,
Смута страшней, чем война.
Ризы не троньте Христовой
Не раздирайте ея.

[1] Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II (Ридигер) скончался 5 декабря 2008 г.

Вот от кадила клубами
Мира творение – дым.
Царскими вышел вратами
В службу отец Серафим.

…Паперть уже запорошена.
Холод над Вяткой, как нимб.
Молится Богу Алеша
Вместе с народом своим.

Византийское время

Солнце уходит. И – темен
Миг миру, а полночи – сыть.
Се византийское время
Пресуществляет часы.

В костницах чисто и мглисто
Праведных сном восковым.
Одр сей – Афон каменистый –
Станет ли гробом моим?

Било скликает на битву,
Черный поднимется сонм:
Твердо встает на молитву
Ангелоносный Афон.

Тело едино – горе –
Крестное знаменье тронет
В Лавре, в Хиландаре,
В Иверском, в Пантелеймоне.

Стражу имеете? – Ста
К камню Афона.
Светлым пришествьем Христа
Мрак раздерется закона.

Стражу иную – пятью
Ранами – взыщет Отец.
Ей – Иисусовой нитью –
Четки снизал Он сердец.

Дрогнут стасидий подножья,
Вспрянет Афон в стременах –
Высшее мужество – Божий
Смерть попирающий страх.

Афон

Удержит кто на вираже,
Почти у края?
Афон работает в душе
Не уставая.

«Работа», «почести», «друзья» –
Как осыпь – морю.
Нагим из чрева вышел я,
Наг пред Тобою.

Но был смятен: я – знавший боль, –
Ужели трушу?
Афон оружием прошел
Больную душу.

<...>

За лицемера помолюсь,
Не дам отмщенья.
Так надо, Господи? – и пусть,
И мне – прощенье.

Афон работает в душе
Светло и строго,
И мне давно пора уже
Работать Богу.

Гвоздь

Господи, я Твой гвоздь.
Рану пробил Тебе.
Господи, я здесь не гость,
Промысл Твой есть о мне.

Был я еще рудой.
Боль та откуда бе?
Это был отблеск той,
Что причиню Тебе?

Грех изостряет грань.
Выкован во гресех.
Господи, кроме ран,
Что мы Тебе несем?

Матери не стыжусь,
Сына Ея пригвоздя?
Как же я Ей молюсь,
После того, – что я…

Этот с лобзаньем лез,
Мерзость ощерив уст.
Я в заусенцах слез
Мукам Твоим гожусь.

Господи, сталь болит.
Телом иду в Крови.
Мной, за меня пробит –
Это – Венец Любви.

<...>

Воскресный час в Серафимовском храме

Зачем сейчас? – Есть дни другие. –
Такая рань! Мороз и тьма.
Душа летит на Литургию
В родимый храм.

<...>

А в храме каждый шорох внятен,
И служка правило ведет,
И свечи щедро пламень тратят
От восковых своих щедрот.

Ни воздыханья, ни печали, –
И мирен дух, и в сердце тишь.
Перед Владимирской очами
И ближе к Хлыновской стоишь.

Плечом к плечу в своем народе
Крепить Дивеева стену.
Златым Евангельем выходит
Господь на проповедь в миру…

…Отсюда – щит Иерусалима,
Путь к погребальным пеленам.
Мы верны. «Иже Херувимы» –
И «Символ веры» грянет храм.

Так восхищает Воскресенье
Всех восприемников Христа
От ежедневного несенья
До целования Креста.

Селение жизни

Село высоко село
Божьего Трона в подножье.
Здесь от Любови светло
И непреложно.

Выйди на берег реки:
Жизни течение быстро.
Сосны зачем высоки?
Травы зачем шелковисты?

Ищет творенье Творца,
Сердцем неопытным ходит.
Веет туман у лица,
И от воды – холод.

Предощущеньем Любви
Шесть сотен лет не напрасны.
Во-н-ме-м! – прольется. Гряди,
Великорецкая Пасха. –

Алые крылья – заря.
Белые – ангелов крылия.
Из глубины Алтаря –
Свет Литургии.

В жизни, дарованной мне,
Свет лишь имеет значенье.
Что же творил я в себе
В ночь отреченья?

<…>

Господи! Тело и Кровь.
Вниду, гордец прокаженный?
Хочешь? Верни мне Любовь
Неосужденно.

…С Красной Пасхальной строки
Берег Реки и Отчизны.
«Великорецкое» – рцы.
Это село моей жизни.

«Духовный Собеседник» в 2014 году

Публикации, посвященные 700-летию игумена земли Русской, основателя духовного сердца России – Троице-Сергиевой Лавры – преподобного Сергия Радонежского.

К 100-летию первой мировой войны. Размышления известных русских историков и философов И. А. Ильина, В. Н. Тростникова, Л. П. Решетникова и других о духовном смысле войны и ее последствиях в истории России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого, молитве Иисусовой и добродетельном житии.

В рубрике «Из епархиального архива» публикация наследия митрополита Мануила (Лемешевского).

Цикл статей А. М. Величко о синодальном периоде в истории Русской Церкви.

Интервью с известными богословами, учеными, политологами о насущных проблемах российской действительности.

Беседа главного редактора «ДС» архимандрита Георгия (Шестуна) с наместником Ипатиевского монастыря игуменом Петром (Ерышаловым).

Лирические миниатюры А. А. Солоницына.

ДОБРОЕ ДАЯНИЕ

Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть... (Иак. 1, 17).

Всем доброхотам и благотворителям, желающим внести свой вклад в святое дело духовного возрождения и благовестия Христова в нашем Отечестве, имеющим возможность поддержать одно из лучших православных изданий России, сообщаем, что индивидуальные пожертвования можно присылать почтовым переводом по адресу: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2 или 443110, г. Самара, а/я 12892.

Доброхотна дателя любит Бог (2 Кор. 9, 7)

1-я стр. обложки: Сербский иконописец Владимир Кидишевич.
Фото архим. Георгия (Шестуна).

2-я стр. обложки: Спас Вседержитель. Икона работы В. Кидишевича.
Фото Харитонова Ю.И.

3-я стр. обложки: Роспись купола храма Всех святых. В. Кидишевич.а.
Фото архим. Георгия (Шестуна).

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская и Сызранская Епархия Русской Православной Церкви.

№2(70). Подписано в печать 16.12.2013 г. Отпечатано в ЗАО «Евлогиа» г. Самара, ул. Фрунзе, 77.

Тираж 1500 экз. Выходит раз в два месяца. Без возрастных ограничений.

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!
ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
на православный литературно-публицистический журнал «Духовный Собеседник» на 2-ое полугодие2014 год.

Самарская митрополия Русской Православной Церкви

Духовный Собеседникъ

144 стр. 1 раз в 2 месяца

СДЕЛАТЬ ЭТО МОЖНО РАЗНЫМИ СПОСОБАМИ:

1. **В любом почтовом отделении России**: наш подписной индекс 39582 в спецвыпуске каталога «Досрочная подписка. 2-ое полугодие 2014 г.».

2. **Для жителей Самарской области в почтовых отделениях** существует возможность льготной подписки - по специальному абонементу:

Ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ **на журнал** **73718** (индекс издания)

Духовный Собеседник

на **2014** год по месяцам кол-во **1**

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X		X		X	

Куда

Кому

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал **73718** (индекс издания)

Духовный Собеседник

Стои-мость	по каталогу	**536 руб. 46 коп.**	кол-во комп.	**1**
	за доставку	руб. коп.		

на **2014** год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X		X		X	

Куда

Кому

3. **Напрямую** *(через банк или иным способом)* **перечислив денежные средства** *(из расчета* **180 рублей** *за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России)* **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ЗАО «Евлогиа»

КПП: 631701001 ИНН: 6312130408

Р/сч.: 40702810651100032373 в ОАО АКБ «Авангард» г. Москва

БИК: 044525201 К/сч.: 30101810000000000201

Назначение платежа: «Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2014 г. на ___ номеров».

В этом случае необходимо прислать в редакцию заполненный заказ:

БЛАНК ЗАКАЗА

Я подписался на следующие выпуски журнала «Духовный Собеседник» в 2014 г.:

№4(72) Июль - Август	№5(73) Сентябрь - Октябрь	№6(74) Ноябрь - Декабрь

* отметить четко номера крестиком или галочкой

Плательщик: _____

Получатель: _____

Почтовый адрес подписчика (с указанием индекса): _____

_____

желательно указать телефон для связи

Сумма: _____ руб. __ коп.

Подпись: _____ **Дата:** " ____ " _____ 2014 г.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

факс: 8(846)336-18-99
e-mail: spirinmm@rambler.ru
почтовый адрес: 443110, г. Самара, а/я 12892.
телефоны: 8(846)334-12-72, 8(927)005-83-68 *(моб.)*

4. **Наложенным платежом,** обсудив и оформив заказ по телефонам, указанным в п. 3.

Самарская митрополия Русской Православной Церкви

Духовный Собеседникъ